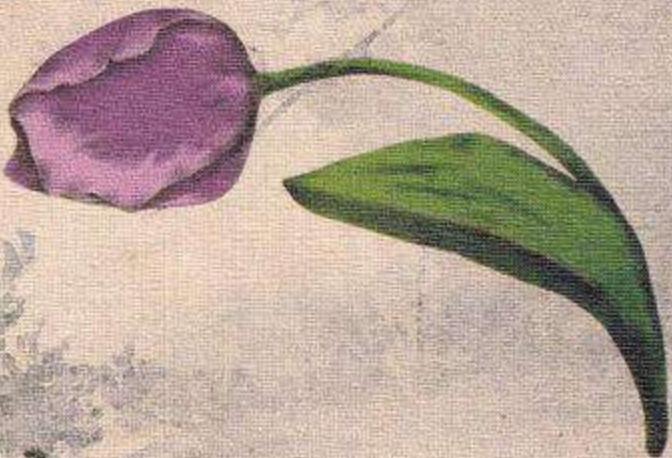

Юрий Клюнинов

поэт и фея

Эзотерическая сказка
о странствиях души в видимых,
а также невидимых мирах

Ю. М. Ключников
ПОЭТ И ФЕЯ
Эзотерическая сказка о странствиях души
в видимых, а также невидимых мирах

Книга известного поэта, философа, путешественника Ю. М. Ключникова может быть смело поставлена в ряд с произведениями Д. Андреева, Р. Баха, П. Коэльо. Она относится к направлению новой духовно-эзотерической литературы, художественно исследующей главный процесс XXI века – сближение видимой и невидимой реальности. Книга описывает путешествие главных героев – Поэта и Феи по пространству тонкого мира. Полет охватывает адские и райские области, населенные разноплановыми существами и сущностями. Особую остроту и пикантность тексту придает узнаваемость ряда существ, в образах которых проглядывают черты известных людей прошлой и современной России.

Книга содержит письмо, возможно принадлежащее Духовым Иерархам планеты, где объясняется сокровенный смысл происходящего в мире и приоткрывается космическое назначение России. Вторая часть сказки является своего рода художественным пророчеством о будущем планеты после кризисов и апокалиптических катастроф. Прекрасный язык, яркие образы, глубокие мысли и сочный юмор делает книгу интересной для широкого круга духовно ищущих читателей.

Веселое пророчество

Книгу, которую Вы держите в руках, можно смело отнести к той, редкой пока литературе, которая несет в себе дыхание новой реальности, рождающейся на изломе веков и тысячелетий. Ученые и философы, поэты и духовные искатели все последние годы пытаются угадать черты нового эона, проглядывающие сквозь плотные формы привычного миропорядка. Наиболее значимой чертой из них является, пожалуй, неуклонно растущий интерес ко всему тонкому, таинственному и духовному, который объединяет все большее количество людей, и который принято называть духом Эры Водолея. Астрологи спорят о дате начала этой эры, в точности так же, как спорили в прошлом, — с какого времени отсчитывать начало нового века — с 1900 или с 1901 года. Проницательные умы замечали, что подобная арифметика вторична, поскольку XIX век по-настоящему начался с 1812 года, а XX век — с 1914 года. Если применить эту логику к XXI веку, то, очевидно, что в сравнении с его предшествующими собратьями, он манифестирует на планете с куда более быстрой пугающей скоростью и, по сути, начался с 11 сентября 2001 года.

Впрочем, конкретные сроки наступления новой эпохи — не самое главное. Куда важнее уловить и понять дух приближающейся эпохи, отделив главное от вторичного. Если со времен Ренессанса в человеке настойчиво культивировался индивидуализм — свойство, совершенно необходимое для завоевания своего места под солнцем, то новая эпоха синтеза рождает в людях новое качество общности, заставляющее человечество чувствовать себя единым целым. Самые лучшие люди сквозь ускорение сроков и рост катастрофичности остро чувствуют глобальное обновление, которое происходит сегодня в каждой точке пространства и времени нашего земного космоса. Правда, они далеко не всегда могут понять и выразить смысл происходящего и потому склонны трактовать его то как тотальный и бессмысленный хаос, то, как торжество сил зла. И хотя людям в их теперешнем положении трудно понять смысл того, что происходит с ними во всей полноте, рискнем предположить, что философия катастрофизма не есть высшая истина на Земле. Однако, что есть истина и кому она открыта в наибольшей степени?

Книга предлагает взглянуть на меняющийся мир глазами поэта, который наделен даром свободно путешествовать по континентам, мирам и эпохам. Душа поэта, расставшегося со своей земной оболочкой, посещает адские и райские области, встречаясь с их обитателями, среди которых угадываются черты многих деятелей России то отдаленной и совсем недавней истории, то до сих пор действующих на исторической сцене и успевших всем порядочно поднадоеть. Богатое воображение и тонкая интуиция автора позволяет ему проницательно заглянуть в посмертное будущее этих деятелей и весьма живописно воссоздать картину их потустороннего бытия. Может возникнуть

вопрос — о какой проницательности идет речь, когда никто из нас не представляет, что произойдет через минуту, и на какой остановке Аннушка разольет свое масло? Но проницательность автора вовсе не в стремлении подменить своей творческой фантазией Божий Промысел и предсказать силу высшего возмездия за неправедные дела, хотя многие художники не удержались от подобного искуса по отношению к своим героям, имеющим реальные прототипы. Проницательность автора сказки заключается в психологической достоверности поведения героев в мирах возмездия, которое выглядит как естественное продолжение их жизни здесь. Так, наблюдая за действиями одного из главных героев сказки — главы энергетического холдинга рыжего Головля, в какой-то момент начинаешь задумываться, что там, за чертой, наверное, его ждет приблизительно такая вот судьба, и вести себя там он будет так или очень похоже.

Впрочем, не стоит относиться к персонажам сказки как к реальным лицам нашей истории — комикам, трагикам и злодеям: они, скорее, символы — обобщения уходящей эпохи, нежели конкретные люди.

Мыслители всех времен и народов уже целую вечность пытались угадать смысл человеческой истории. Куда движется история — по линейно восходящей прямой к вершинам технократического комфорта, по нисходящей линии в бездну разрушения и гибели, по кругу, бессмысленно повторяя одни и те же ошибки или по спирали, медленно избавляясь от заблуждений? Какие силы направляют это движение — слепой рок, сознательная воля и заговор злоказненных темных сил, неустойчивая свободная воля людей или Божественное Провидение? Наибольшую трудность всегда вызывала необходимость примирить свободную волю с Высшим Предопределением. Как правило, размышляющие об истории мыслители предпочитали выбирать какую-то одну сторону в этом вопросе и совершенно отрицали другую. В результате исторический процесс представлял либо фаталистическим, либо чисто волонтаристским. Автор показывает, причем не столько рассуждениями, сколько художественными средствами, что во вселенной и на земле присутствуют оба начала, и хотя штурвал истории человечества находится в Руках Всевышнего, Он всегда дает «порулить» людям, уважая принцип свободной воли. А она, эта свободная воля, подвержена колебаниям между двумя полюсами — добром и злом. Их непостижимая игра, с одной стороны пронизанная импульсом свободы, а с другой стороны ограниченная законом причинно-следственной связи, порождает все то бесконечное разнообразие поступков и действий, которое изумляет любого, пытающегося понять логику истории.

Постичь тайну этой логики не представляется возможным до тех пор, пока человеческий ум находится в пределах видимого спектра земной истории и отрицает её невидимые метафизические стороны. В прошлом столетии грандиозную панораму метаистории, включающую и далекое прошлое, и не менее отдаленное будущее человечества, пытался нарисовать Даниил Андреев. Автор сказки, которую вы держите в руках, значительно оптимистичнее в прогнозах на будущее. Его апокалиптический сценарий

предполагает, что частичные катастрофы одухотворят облик планеты и вызовут к жизни совершенно новый тип людей. Смысл земной истории — в сближении плотного и тонкого миров, видимого с невидимым, явного и тайного, если вспомнить библейское пророчество. Причем Апокалипсис предстает не столько карающим механизмом, сколько проявлением божественного творчества, исполняющего все глубинные желания человека, которые живут на самом дне его бессознательной сферы. И, как водится, зачастую налицо предельный диссонанс сознательных замыслов и тайных мечтаний, поскольку противоречие и борьба личной воли человека с Волей Божественной может принести ему лишь несчастья и разочарования.

Книга содержит в высшей степени своеобразный документ, резко выбивающийся по своей торжественной стилистике из общего повествования — письмо, где от имени Великих Учителей объясняется планетарная роль России и даются пророчества о грядущем мироустройстве. Насыщенное восточными терминами и понятиями, оно напоминает тексты знаменитых «Писем Махатм», изданных Теософским Обществом в конце XIX века. История появления этого письма у автора сказки в высшей степени загадочна. В момент интенсивной работы над книгой он вдруг обнаружил отпечатанный на компьютере текст этого письма среди своих бумаг на столе. Сколь тщательно он ни расследовал этот случай, он так и не сумел объяснить, откуда оно появилось и кто мог ему послать данный текст. В конце концов автор решил, что это некий знак Свыше и поместил письмо на страницы сказки. Принадлежит ли оно в действительности Великим Учителям или является продуктом чьей-то светлой астральной диктовки — не столь уж важно: в конце концов, перед нами художественное произведение, а не эзотерический трактат. Важно, что оно создает ощущение присутствия Высших Сил на нашей многострадальной планете, медленно, но неуклонно ведущих человечество по крутым ступеням эволюции.

Поэт, чью жизнь описывает сказка, не только пишет стихи. Он еще и философ, пытающийся постичь глубины мироздания. Философом является и автор сказки, насыщенной идеями, сюжетами и образами, взятыми из алхимии христианства и, особенно, из восточного эзотеризма, который наиболее близок Юрию Ключникову. Чем иным как не любовью к Востоку и знанием его сокровенной роли в жизни планеты объясняется причудливая география тонких полетов Поэта и Феи, не один раз посещающих Индию и Гималаи. Повествование содержит страницы, посвященные участию великих Учителей Востока в творении человеческой истории. Оно подчеркивает особое отношение этих Учителей к России, стране, современное состояние которой определяется как жалкое и, тем не менее, внушающее сдержаный оптимизм своими будущими перспективами. Согласно авторскому видению Россия в будущем все-таки исполнит ту высокую миссию спасения мира, которую провидели русские философы, искатели истины и святые. Эта миссия заключается в том, что Россия сотворила большое количество внутренне чистых, светлых и крупных людей, обладающих достаточным духовным потенциалом для того, чтобы пройти сквозь апокалиптические

испытания и оказаться на новой земле и под новым небом. Кроме того, Россия, как предвидит автор, сможет помочь осуществить Великий Переход другим странам, государствам и людям.

Будущее России авторское пророчество в полном соответствии со многими эзотерическими предсказаниями связывает с возрастанием роли ее восточных земель, в частности, Сибири. Именно туда, в Союз Свободных Сибирских Республик, эту грядущую реинкарнацию СССР после катализмов, он посыпает воплотиться душу поэта.

Автору близок теософский взгляд на мироздание и космический путь человечества. Этот взгляд исходит из одушевленности космоса, разумного устройства вселенной, множественности обитаемых миров — галактик, звезд и планет, готовых принять человечество в случае планетарной катастрофы. Однако теософские идеи не выбиваются из художественной ткани текста, а органично в ней присутствуют.

Религиозных мыслителей всегда смущал извечный вопрос о том, как совместить благую Волю Творца со злом, порождаемым свободной волей человека — Божьего Творения? И существует ли реально темный антипод всеблагого Создателя, искушающего человека? А если и существует, как позволяет ему Творец попирать божественные законы в мире и в человеческой душе. Над этим парадоксом бились и мучились лучшие умы человечества. Автор сказки выдвигает свою версию, свое толкование этого парадокса. Зло, говорит он, вписано в общий замысел, как сила, уравновешивающая добро, как некая альтернатива для проявления свободной воли человека. Но Творец не только заложил в созданном им мире право на преступление своих законов, но и предусмотрел механизм воздаяния за это, являющийся не столько карой, сколько самонаказанием. Это ясно понимают те герои сказки, кто сознательно выбрал в качестве посмертной обители мрачно-смешные области ада, покидать которые они не желают. Автор сознательно разрушает упрощенно-схематические представления о добре и зле. Эти два начала предстают фрагментами единой космической системы. Пришедшее в мир и попущенное к проявлению зло, нередко оказывается двигателем эволюции, помогающим инертным существам через боль и страдания преодолеть свою пассивность и обрести силы для любви, труда и творчества. Автор далек от мысли уравнять добро и зло или поменять их местами, он просто укрупняет оптику восприятия этих двух мировых начал. Для него добро — безусловно, более высокая эволюционная ступень, чем зло, но в метаистории оба они служат Воле Творца, лишь с разными знаками. Стоит и нам помнить об этом, давая оценку (порой узкую и однолинейную), предметам, людям и явлениям жизни. Зло в сказке выступает еще и «Учителем по имени страдание», то есть катализатором истории человечества на его нынешнем уровне развития.

Сквозь эту призму автор рассматривает и два полярных слоя вечности — ад и рай. Ад населен, по мысли Ключникова, не просто страшными исчадиями и беспомощными уродливыми тварями, лишенными права на эволюцию, но служителями тьмы, как другого полюса света, по-своему

бескорыстно преданными этой темной идеей. Такая трактовка близка к восточному взгляду на мир, согласно которому, сколько грешников, столько и тонких уровней бытия. Стражайшая иерархия ада во многом подобна стройному миропорядку рая, отличаясь от него антиподовой зеркальной перевернутостью сфер, а её (адовские) сумрачные обитатели тоже нуждаются в самоуважении, признании своих заслуг и даже в некотором сострадании. Они искренне преданы своему темному начальству и трогательно надеются на продвижение по службе, а может быть, даже на переход в свет, когда негативная карма их будет честно изжита. Вот почему столь выразительна просьба Мороженого Голавля к Фее о том, чтобы там, наверху, вспомнили о его безропотном служении идее тьмы. Как говорится, сил не жалел и вечную жизнь на это служение положил. А всякий честный труженик и служака не безнадежен все-таки для духовной эволюции, которая, в конце концов, в финале сказки происходит с некоторыми из них.

В аду также ценится сила, потому в сказке вполне логичным выглядит эпизод с приездом Диктатора в кителе и с трубкой в город, где живут бывшие могущественные люди России более поздней, демократической формации, которые безоговорочно признают его превосходство и потому стараются побыстрее спрятаться в своих домах, откуда с трепетом наблюдают за его действиями. Автора не заподозришь в симпатиях к Диктатору, хотя бы потому, что он поместил его в ад, но образ этого человека получился значительно более загадочным и сложным, нежели, скажем, у Даниила Андреева и тем более чем в перестроенных публикациях. Авторское отношение к Диктатору можно, пожалуй, определить как уважение к его парадоксальной силе, которая с одной стороны была мрачной и кровавой, а с другой стороны вывела страну в мировые лидеры, вызвала ненависть и трепет всех темных сил планеты и за всю историю правления помогла ему не проиграть практически ни одного крупного жизненного сражения.

Своебразие сказки в том, что она снимает шаблонные представления об аде и рае. Если там, внизу, кто-то и жарится на сковородах, то только на огне собственных грехов и страхов, которые и порождают сам характер адского пламени соответственно возможностям личного воображения. Ад и рай предстают не столько в виде некоего пространства, куда соответственно ссылают грешников и с почётом препровождают праведников, сколько в виде состояний сознания, творческой силой которого и создается тонкий ландшафт посмертного обитания со знаком плюс или со знаком минус. Однако, несмотря на несколько вольный и отличающийся от чисто религиозной трактовки, образ ада, нарисованный в сказке, с его главной функцией очищающего возмездия, — остается неизменным. В точности так же и рай, чаще всего отождествляемый в религиях с состоянием вечного блаженного покоя, в сказке предстает одним из слоев просветленного пространства с беспредельной перспективой новых духовных полетов. Именно этому древнему искусству обучает поэта его духовная вожатая по слоям ада и рая, некий женский вариант дантовского Вергилия — Фея, своей

мудростью и внутренней свободой чем-то напоминающая булгаковскую Маргариту и Гермину из «Степного Волка» Германа Гессе.

Впрочем, нездешний свет райских обителей и мрачное сияние адского пламени воспевал не только Данте. Этими отблесками были заворожены Мильтон, Гофман, Эдгар По, Густав Мэринг, Гессе, Гоголь, Булгаков, Даниил Андреев. Данная сказка в какой-то степени наследует великую традицию мировой литературы. Удивительно, но автору, воссозидающему потустороннее бытие героев, удается рассказать о бесплотном мире и его обитателях вполне по земному, зримо и предметно, что обусловлено, однако же, эзотерическим видением природы астрального и более высоких слоев мироздания, где все подобно всему и построено по закону аналогий. Там мечты и мысли людей создают целые города и цивилизации, а их грехи и слабости тащат за собой трагикомические формы «адского» возмездия. Однако любая осуществленная мечта, утолив жажду своего создателя, вызывает к жизни следствия, для него неожиданные. Так человек, реализовав какое-либо страстное желание, в тонком мире рискует попасть в капкан собственного мыслеобраза. Сказка рисует тонкую реальность настолько близкой к земной, что в какой-то момент начинает казаться, будто они перетекают одна в другую. Это опять-таки является художественным отражением той тенденции сближения миров, которую эзотерические учения считают главной тенденцией наступающей эпохи.

Могут ли миры — физический и духовный, огненный, сближаться без пертурбаций и катастроф, без ожесточенной борьбы сил света и тьмы? Станет ли тьма, глубоко пустившая корни в сознании и укладе жизни человечества, добровольно и бесконфликтно уступать свои позиции свету, одно приближение которого уничтожит её? Нужно быть очень наивным, (как последователи американских учений Нью Эйджа) чтобы верить в безоблачный хэппи-энд человеческой истории. Автор далек от таких представлений, и потому в соответствии с подлинной духовной традицией, видящей финал планетарной истории как грандиозную эсхатологическую драму, проводит человечество через узкие врата Апокалипсиса. Правда авторский сценарий развития событий несколько отличается от распространенных версий всеобщей гибели. Он вбирает в себя множество пророчеств, оставленных мудрецами и провидцами Востока и Запада. Это сценарий поэтапных катастроф, через который в сказке проходят материки и страны и который завершается тотальным обновлением человечества. Авторская воля воссоздает живописные картины грядущей жизни людей, принадлежащих к самым различным уровням сознания. Эти картины ненавязчиво, но весьма точно иллюстрируют нерушимость древнего закона, согласно которому каждый в итоге получает то будущее, которого он заслуживает.

Довольно необычен и художественный прием, примененный автором сказки — главная жизнь его героев разворачивается после их земной смерти, да и, во многом, после смерти самой цивилизации, исчерпавшей свой ресурс. В литературе немного попыток такого рода. Обычно произведение как раз

заканчивается смертью героя, а далее — занавес, тайна... ведь «оттуда ещё никто не возвращался» — поэтому, что мы можем знать о потустороннем мире? Но в том-то и дело, что контуры этого «потустороннего» становятся в последнее время все отчетливее, надземный мир будто прорастает, проявляется в нашей реальности, и вот-вот новая земля и новое небо Апокалипсиса явят свой облик тем, кто имеет духовное зрение.

Время в сказке как бы переходит в ипостась вечности — главный герой ее не имеет возраста, пребывая в поре бесконечного расцвета, нескончаемой молодости. Вечная юность или юная вечность (согласно древнегреческой философии вечность — это на самом деле вечная юность, непрерывно возобновляемое бытие и состояние радости), открываются герою именно после смерти, и он с изумлением осознает, что это и есть то, что называют раем. Именно такое, одновременно радостное и мудрое состояние духа, наполняет поэта искренним сочувствием к несчастным и смешным обитателям ада, когда-то бывшими могущественными хозяевами страны. Ведь и сам Будда, достигший нирванического просветления, обрел улыбку любви и бесконечного сострадания ко всем заблудшим душам. Это — улыбка души, обретшей внутреннюю свободу и право быть собой и только собой. Есть такое право и у самого писателя, который будучи творцом своего миропорядка, не давит волей на своих героев, не наказует и не награждает их, а позволяет им прожить жизнь, ими самими выбранную. В литературе такое случается нечасто, и даже великие авторы порой грешили навязчивым осудительством или оправданием своих персонажей — Гоголь и поздний Толстой, например. Уйти от назидания Юрию Ключникову помогает не что иное, как спасительный юмор, веселый и мудрый. Поскольку сама человеческая история, несмотря на весь ее драматизм — это все же часть Вселенской Игры или Божественной Комедии, и не стоит относиться так уж всерьез к ее нескончаемым горестям и бесконечным тупикам. В итоге, попросту говоря, все будет хорошо — так задумал Творец — а значит не нужно плакать и бояться. Конечно, это не значит, что нужно впадать в пассивное ожидание счастливого будущего, которое отнюдь не гарантировано бездельникам и трусам. Лучше верить и творить вместе с Создателем, в качестве со-творцов. Таков, пожалуй, главный вывод веселой фантасмагории Юрия Ключникова.

Кому-то может показаться кощунственной сама идея освещения Апокалипсиса в столь веселых, почти веселых красках. Однако подобный взгляд не имеет ничего общего с постмодернистским ёрничанием, прикрывающим духовную пустоту и нищету. Книга наполнена энергией невероятного жизнелюбия и какой-то уверенности в том, что жизнь прекрасна, бесконечна и неуничтожима никакими потрясениями и катастрофами. Даже самый последний негодяй, упавший на дно в миерах возмездия, все равно имеет шанс начать все сначала.

Сказка-притча Юрия Ключникова — произведение не простое и не сложное. Её можно назвать безыскусной, но эта безыскусность весьма высокой пробы, заставляющая вспомнить слова Пастернака о том, что к

концу жизни настоящий мастер, прошедший через все изыски формотворчества не может «не впасть как в ересь, в неслыханную простоту». Проблема современной литературы, заблудшей в дебрях интеллектуальных конструкций и добившейся почти полной потери читательского интереса к ней, может быть решена только одним способом: возвращением к первоначальной, почти песенной ясности. Тот, кто впервые тысячелетия назад надумал сочинить сказку, хотел не только заставить людей задуматься, но и просто порадовать их. Радость читателям могут принести стихи, которых в прозаическом тексте немало — все-таки ее автор — поэт, а также... цветы, которым посвящены и целый ряд стихотворений и даже философские раздумья автора, любящего эти творения природы с такой невероятно нежной силой, что иногда кажется, будто со страниц доносится их аромат.

Остается рассказать о том, кто же тот, кого я, несмотря на комплиментарный тон, словно стремясь сохранить дистанцию, на протяжении всего предисловия называл скучным словом автор. Для меня этот человек — Юрий Михайлович Ключников — в первую очередь не литератор и автор, а родной отец, чем я как сын и одновременно издатель очень горжусь, но все-таки пытаюсь оценивать и его, и сказку объективно. Ему уже перевалило за 70 лет, хотя он ещё очень бодр и душой, и телом (достаточно сказать, что еще год назад он, опытный путешественник, поднимался в горах Алтая на высоту более 3-х километров, показывая пример многим, куда более молодым спутникам).

Литературная и личная судьба моего отца весьма непроста. Филолог по образованию, как и многие интеллектуалы 60-х, он рано занялся, что называется, богоискательством. Увлекался религиями Востока, философским наследием Рериха, изучал христианство, религиозных мыслителей Запада. В итоге, за эти увлечения уже в конце 70-х, был исключен из партии. В течение трех лет отца прорабатывали на нескольких десятках партсобраний (дело дошло даже до Политбюро!), требуя покаяния и так и не получив его. Лишенный возможности работать по специальности как журналист и редактор, он 6 лет проработал грузчиком на хлебозаводе — и, как ни странно, последние пятнадцать лет стали в его жизни самым насыщенным и творческим периодом: 10 поездок по России, Алтаю, Казахстану, Украине, Индии, Непалу — и, в каком-то смысле, как результат этих поездок — книга прекрасных стихов и эссе в 700 страниц, вышедшая в издательстве «Беловодье» в 2000 году. А теперь, наконец, и эта сказка. Надеюсь, прочитав её, вы почувствуете ту же веселую, полную сил и веры в будущее, радость, что получил и я, когда впервые взял её в руки.

Сергей Ключников.

Часть первая

Тюльпан

Когда в глазах темным-темно
И в немохи тоскует плоть,
Всегда распахнуто окно
Туда, где ждёт нас всех Господь.

Дано душе парить в мечтах
Иных небес, земли иной,
Благословляя вечный прах
Любой реальности земной.

* * *

В саду рос тюльпан. Подобно своим собратьям, он складывал лепестки вечером и раскрывал их навстречу солнцу утром. И какие это были лепестки! Чистые лиловые, красные, желтые краски переливались на них полутонами в нежнейшие оттенки, а поверх этого торжества природной живописи, словно чёрной тушью, был нанесён тонкий графический рисунок. Раскрытый тюльпан напоминал тропическую бабочку; сложивший лепестки — розово-жёлтый язык пламени.

Садовые тюльпаны почти не пахнут, но этот обладал сложным и сильным запахом. И когда хозяин сада — известный поэт, поливая цветы, задерживался у своего любимца, обрадованный вниманием цветок испускал особенно нежный запах.

Говорят, что цветы способны думать. С этим согласны не все. Но что цветы чувствуют и понимают людей, в этом убедились многие. Наш тюльпан умел раскрывать лепестки своему хозяину, даже если тот приходил в сад до восхода солнца.

Однажды тюльпан увидел, что над ним склонился не поэт, а женщина с заплаканным лицом. В руках она держала ножницы. Цветок задрожал. Женщина огляделась по сторонам — может быть, ветер подул? Но вокруг царило полное безветрие. Женщина снова поднесла ножницы к тюльпану. И он снова задрожал. Хмурое лицо женщины посветлело, она всё поняла и улыбнулась:

— Не бойся, малыш, я не трону тебя. Но ты должен узнать, что твой хозяин умер, и я хотела положить тебя вместе с другими цветами на его могилу. Ты, я вижу, этого не хочешь. Что ж, пусть будет по-твоему — оставайся в саду.

...Скорее всего, тюльпан не понял слов хозяйки, утром он проснулся, раскрыл свой бутон навстречу солнцу и стал поджидать хозяина. Но тот не появился. Не пришёл поэт и на следующее утро. Цветок загрустил. В

следующие дни он стал ронять лепесток за лепестком. Наконец, поникла и его зелёная ножка. От красивого обитателя сада осталось на земле лишь серое пятно.

Души людей, по одним представлениям, после смерти переселяются на небо и живут там вечно, по другим — находятся на небе лишь отведённое им по закону время, чтобы передохнуть, а после отдыха возвращаются на землю. Души отцветших тюльпанов, как известно, переселяются в луковицы. Душа же нашего тюльпана, видимо, покинула сад навсегда, потому что выкопанная луковица сразу же стала гнить. Её выбросили в компостный ящик вместе с сорной травой.

А душа поэта, очнувшись на третий день после смерти, увидела свое тело, усыпанное цветами, лежащим в гробу на столе писательского клуба. Известный критик, попортивший немало крови поэту при жизни, на этот раз произносил хвалебную речь в честь покойного. Когда он закончил и отошёл в сторону, его место заняли другие знакомые и незнакомые люди, говорившие очень похожие слова. Но поэт не слишком вникал в смысл слов. Всё его мысли занимала новая жизнь. Кое-что он знал о ней из прочитанных книг. Однако изменившаяся реальность оказалась слишком неожиданной. Он ясно чувствовал, что его тело оставалось при нём и в то же время лежало среди цветов в гробу. Живая голова кружилась от запаха одеколона, которым были надушины волосы той, другой, покоившейся на белой подушке. Глаза замечали то, что никогда не видели при жизни — искры мыслей, которые сопровождали речи людей. Эти искры рассекали воздух иногда в виде светлых спиралей, иногда же плыли, как грязно-коричневые пятна, если люди говорили неправду.

Первым сильным желанием поэта было закричать: «Я жив! Почему вы меня хороните?!» И он крикнул. Переполнявшие чувства подняли его над людьми, поэт взлетел к потолку. Но крик никто не услышал. Только одна женщина смахнула со лба невидимую паутинку, а другая оглянулась на форточку, ей показалось, что оттуда подул ветер.

Поэт пришёл в себя: «Я же умер. Крики с этого света никто на земле не слышит». Его возбуждение перешло в усталость. Он осторожно опустился вниз и, прячась за оконную штору, стал дожидаться конца панихиды. Пережитое волнение и взлёт к потолку натолкнули на мысль — он может летать. Поэтому, когда панихида закончилась и стали выносить тело, поэт не смешался с толпой, не устремился к выходу. Он вылетел в окно.

На кладбище поэт тоже отправился в одиночку. Он хорошо знал дорогу, по которой не однажды провожал в последний путь коллег по писательскому цеху. Теперь этот путь он проходил в полете. Поэт вспомнил, как когда-то летал во сне, как в страхе падал в бездну. В этих случаях сон всегда заканчивался пробуждением. Здесь же пробуждаться было некуда. Падения заканчивались болью. Такую же боль он испытывал, когда натыкался на стены домов или на деревья. Но если исчезал страх, не чувствовалось ни ударов, ни боли. Душа проходила сквозь плотные предметы, как сквозь густой и вязкий туман.

Каждое сильное чувство или мысль резко меняли направление полёта. Когда же из глубины памяти настойчиво всплывали какая-нибудь картина или образ, движение прекращалось, и поэт вмиг оказывался у вспомненного объекта. Новая реальность увлекала, становилась очень интересной.

Тени

На кладбище поэт прилетел раньше «своего» похоронного кортежа. Сразу у ворот, в начале кладбищенской территории, где хоронили самых известных в городе людей, стояла большая толпа. Видимо, привезли тело какого-то крупного военного чина, так как среди провожавших покойного преобладали офицеры и генералы. Играли военный духовой оркестр. Приглядевшись, поэт заметил душу умершего человека. Облачённая в смутное подобие генеральского мундира, она парила над гробом.

— Добрый день! — произнёс поэт и тут же выругал себя за неподходящие слова. Но лицо генеральской души не выразило никаких чувств, глаза её были закрыты. Душа спала. Когда же умолкший на время военный оркестр заиграл похоронный марш, душа генерала вздрогнула, а при особенно скорбных всхлипах труб её, как осенний лист, относило в сторону. Душераздирающие звуки марша плохо действовали и на поэта. Он вспомнил, что при жизни всегда недоумевал, зачем на похороны приглашают оркестры. Теперь он понял, что тоскливая траурная музыка тяжела и для усопших.

В воротах показалась вереница машин и знакомые лица.

— Вот и моя команда! — подумал поэт.

Некоторое время он постоял у «своей» могилы. Вглядываясь в похудевшее с тёмными провалами глазницами лицо в гробу, он впервые по-настоящему почувствовал своё полное отчуждение от всего того, что ещё недавно называл собой. Когда же по гвоздям гробовой крышки застучали молотки и женщины заплакали навзрыд, у него сложилось твёрдое решение не возвращаться в писательский клуб на поминки. Поэт живо представил себе, как братья-писатели после первой рюмки водки заговорят о достоинствах покойного, после второй и третьей уйдут от наскутившей темы, а дальше раскраснеются, вспотеют и примутся рассуждать о собственных заслугах перед литературой, как правило, сильно недооценённых.

Похоронная толпа разъехалась. Оставшись один, поэт стал бродить среди новых и старых могил. Возле одной на лавочке он заметил тень — тусклую голограмму с человеческими очертаниями.

— Душа? — спросил поэт.

Тень кивнула головой.

— Давно сидишь?

— Восьмой день.

— И всё время смотришь туда? — Поэт указал на могилу.

Тень снова кивнула.

— Зачем?

Тень не ответила.

— Зачем сидишь? — повторил вопрос поэт, — у тебя, наверное, есть другие дела?

Тень мрачно взглянула на поэта и перевела взгляд на свежий земляной холмик:

— Я там.

— А рядом со мной кто?

— Я его душа.

— Но его нет, он умер.

— Он умер, — словно эхо повторила тень.

— Тяжёлый случай, — вздохнул поэт и побрел дальше. Он увидел ещё одну слабо светившуюся фигуру в той же унылой позе.

— Сколько сидишь здесь?

— Двадцать дней.

— Не надоело?

Не отвечая, тень с напряжённым интересом смотрела куда-то поверх могилы. Поэт тоже поглядел в эту сторону. Он увидел мрачную игру чёрнобагрового дыма — смрадные испарения, клубившиеся над могилой. Эти испарения складывались в смутные очертания разлагающегося трупа, где кишили черви и жуки. Поэт с отвращением отвернулся и перевёл взгляд на тень:

— Зачем ты разглядываешь это?

— Это я, — ответила тень.

— Это не ты, это расползается твоя старая шуба, которую ты носил много лет, не снимая.

На поэта сошло вдохновение. — Подумай только, ты выбросил изношенную вещь на свалку и теперь любуешься мерзким зрелищем!

Но страстная тирада не возымела действия. Тень по-прежнему созерцала гробовое видение, не обращая никакого внимания на поэта.

— Бедняга при жизни, наверное, любил смотреть по телевизору американские фильмы, — с грустью подумал поэт.

Наблюдая за передвижениями людей на кладбище, он постепенно научился различать «живых» и «мёртвых». Те и другие светились с разной степенью интенсивности, при этом можно было встретить ярко сияющего «мёртвого» и тускло — «живого». Также — наоборот. Но контуры душ различались, у «мертвых» они виделись чётко с первого взгляда, тогда как к «живым» нужно было присматриваться, находить угол зрения, позволяющий увидеть земное тело.

Всматриваясь в одну из таких теней, поэт обратил внимание на фигуру молодой женщины, сидевшей на скамейке у каменного надгробия. Вершину надгробия венчало бронзовое изображение пикирующего самолёта. Душа «живой» женщины излучала ровный и чистый свет. За спиной у женщины светилась очень похожая душа «мёртвого» человека в офицерской форме. Поэт всё понял.

— Жена?

— Да, — ответил офицер.

— Давно это с вами случилось?

— Год назад.

— На кладбище часто бываете?

— С похорон первый раз.

Наступило молчание. Издалека доносились звуки духового оркестра. Рядом каркнула ворона.

— Почему вы не смотрите жене в лицо?

— Вы, наверное, новичок в этом мире, — хмуро ответил офицер. — Если я погляжу ей в глаза, она может меня увидеть. И напугаться.

Разговор вновь прервался долгой тишиной. Поняв, что офицер не склонен к продолжению беседы, поэт отошёл.

За столиком у одной из могил он заметил мохнатые, чуть светящиеся фигуры похожих на мух людей. Они облепили со всех сторон стоявшую не деревянном поминальном столике недопитую бутылку. Сильно пахло водкой. У поэта даже закружилась голова от запаха, словно он тоже выпил. Его качнуло в сторону стола. И как только он сделал это движение, «мухи» тотчас отлетели от бутылки. Притаившись среди ветвей дерева, они с тревогой и угрозой смотрели горящими красно-зелёными глазами на непрошшеного соглядатая их пиршства. Пиршства запахом.

Мороженый Голавль

Я пишу о смерти не затем, что
С жизнью собираюсь связи рвать.
В ней, такой и грустной и потешной,
Нет причины долго горевать.

Только на печаль себя настроишь,
Принимая горестную весть, —
Сообщат о новой катастрофе,
И конца им окаянным несть.

Если самолет свалился в море,
То другой — с конвейера сошёл.
Сам себе твержу: *memento mori*¹,
То есть всё что будет — хорошо.

Точно в срок проснётся спящий кратер.
Вечен танец солнца и дождей.
Непременно после демократии
возвратится к нам сезон вождей.

¹ *Memento mori* (лат.) — помни о смерти.

Хороша любая перемена
Декораций в драме бытия,
В каждой избавление от плена
Наших драк и нашего вранья.

Мы с тобой, душа, не мало пожили,
Повидали множество смертей.
Встретим нашу. Человек не больше ли
Ангелов её, её чертей?

* * *

Побродив ещё некоторое время среди могил, поэт заскучал. Но внезапно его взгляд привлекла высокая стена, сложенная из красного кирпича. В проёме стены сверкали, видимо, недавно покрашенные бронзовой краской металлические ворота, а над ними горели разноцветные буквы неоновой надписи: «*Holding company of Sir Chub-Ice. No entrance*»².

— Интересно, когда они сумели соорудить стену? — подумал поэт. В *той* жизни здесь простирался обширный пустырь — территория для будущих захоронений.

— Что это, новое английское кладбище? — спросил поэт у рослого охранника, одетого во всё черное и с автоматом в руках. Тот смерил вопрошающего презрительным взглядом и ничего не ответил.

— Каким образом можно войти? — снова осведомился поэт.

— Доллары есть?

— Нет.

— Евро?

— И евро нет.

— Ваучеры, по крайней мере?..

Поэт давно забыл это слово. Но потом вспомнил — ваучерами называли бумаги, когда-то полученные им вместе с женой и наделявшие правом чем-то владеть. Чем владеть и куда делись эти бумаги, он так и не вспомнил.

— Ваучеров тоже нет.

— И разговора нет, — отрезал охранник.

К воротам подъехала легковая машина. Водитель открыл боковое стекло, протянул охраннику пачку долларов. Охранник пересчитал деньги и вернул водителю. Тот вынул из пачки стодолларовую купюру с явным намерением вручить её охраннику, но страж решительно замотал головой, кивнув на плакат. Там был изображён человек, который совал пачку денег в нагрудный карман со слезами на глазах. Красными буквами по диагонали плаката было написано: «*Corruption prohibited*»³. Охранник нажал кнопку, ворота автоматически открылись, пропустив автомашину.

² «*Holding company of Sir Chub-Ice. No entrance*» — «Холдинговая компания сэра Мороженого Голавля. Вход воспрещен». (Здесь и далее перевод с английского.)

³ *Corruption prohibited* — коррупция запрещена.

Отойдя в сторону, поэт с любопытством наблюдал за дальнейшими событиями. Он уже сообразил, что видит картину *своего* мира, потому что, сфокусировав взгляд на земные события, увидел знакомый пустырь, поросший травой и кустарником. По пустырю, не торопясь, шли два человека с лопатами. Поравнявшись с воротами, они принялись рыть яму. Но едва заступы воткнулись в землю, как массивные ворота кладбищенского инобытия с грохотом рухнули. Отпрянувший в сторону охранник принялся тотчас звонить по мобильному телефону.

— Господин генерал, теракт! Кто преступники? Преступников не вижу. Возможно телекомандируемая ракета. Слушаюсь. Открываю огонь на поражение. Жду подкрепления.

Сунув мобильник в карман, охранник рывком снял с груди автомат и выпустил несколько длинных очередей в окружающее пространство. С громким карканьем с деревьев взмыли вороны.

К месту происшествия прибыл военный джип со спецназом. Отряд проворно прочесал соседнюю берёзовую рощу. Солдаты были под стать охраннику — рослые, коротко остриженные, с квадратными подбородками и круглыми красно-зелёными глазами. Еще поэт обратил внимание, что у каждого торчали за спиной крылья, аккуратно связанные широкой чёрной лентой с надписью на ней: «*To undo prohibit*»⁴.

Не обнаружив террористов, солдаты вернулись к рухнувшим воротам и принялись их поднимать. Работали они дружно, под распевку.

— Уан, ту — взяли, сри, фор — подняли.

К солдатам быстрым шагом подошёл охранник. Не говоря ни слова, он головой указал в сторону плаката: «*Obscenities prohibited*»⁵. Один из солдат горячо возразил:

— Господин сержант, мы не употребляем нецензурных выражений.

Однако охранник ледяным тоном осадил солдата:

— В нашем демократическом обществе нет цензуры, но ваше дурное произношение некоторых английских числительных этот человек (охранник выразительно посмотрел на переминающегося с ноги на ногу поэта) может истолковать, как приглашение совершить нецивилизованный акт... Вы меня понимаете, джентльмены?

Солдаты вытянулись в струнку и принялись восстанавливать часть обвалившейся вместе с воротами стены, а также прикреплять упавшую табличку с надписью «*Gents*»⁶ к дверце соответствующего заведения, которое оптимистично называлось «*Room of joy*»⁷. Воспользовавшись строительной суматохой, поэт через пролом в стене проник на внутреннюю территорию, и перед ним открывалась панорама большого европейского города с оживлённым уличным движением, световой рекламой и множеством прохожих. Комбинации огней на всех без исключения

⁴ *To undo prohibit* — развязывать запрещено.

⁵ *Obscenities prohibited* — нецензурная брань запрещена.

⁶ *Gents* — джентльмены.

⁷ *Room of joy* — комната радости.

рекламных щитах изображали плотного рыжеволосого человека с голубым рыбьим хвостом и хитрым прищуром глаз. Человек широко улыбался, грозил пальцем, или вытягивал руку вперёд в руководящем жесте. Изображения человека непременно сопровождались различными английскими текстами. Но в отличие от надписей у входных ворот здесь каждая надпись имела русский дубль. Часто встречались стихи. Например:

«Чтоб не мёрз ни хвост, ни нос, сделай свой квартирный взнос». Или: «За квартиру заплати, а потом в сбербанк иди». Одна надпись особенно тронула поэта своим пылким стремлением соединить англо-саксонский рационализм со славянской сердечностью: «Мир, где правит сэр Голавль, — мы *esteem* и очень *love*⁸».

Высокие дома по обеим сторонам улицы представляли собой многоэтажные стеклянные аквариумы. В них среди водорослей и искусственных растений плавали рыбы. Все они походили друг на друга, как две капли воды, и также очень напоминали плакатное изображение рыжеволосого: короткое тулowiще с голубым хвостом и большая человеческая голова с чёлкой. Только глаза лишены хитрецы, они были круглыми и доверчивыми. Когда поэт остановился возле одного такого аквариума, его обитатели мгновенно выстроились в шеренгу. Приветливо покачивая голубыми хвостами, они с напряжённым внимание уставились на поэта. Смысл их внимания стал ясен, когда к соседнему аквариуму подъехал небольшой грузовичок и вышедшие из него охранники в чёрном высыпали в аквариум мешок какого-то зелёного корма.

Пешеходы на улицах делились на две ярко выраженные группы. Одни имели человеко-мухобразный вид и походили на солдат у ворот — черная одежда, связанные крылья за спиной. Только поменьше ростом и без оружия. Другая часть прохожих представляла собой комбинацию человека и рыбы.

Но передвигались они по земле с помощью множества тонких ножек, как у насекомых.

— Скажите, где у вас находится офис или резиденция, возглавляемая сэром... как его? — спросил поэт у одной такой комбинации.

— У нас все сэры, — холодно отрезал прохожий.

— Я имею в виду вашего самого большого начальника.

— Вы спрашиваете о сэре с большой буквы?

— Да, — подтвердил поэт. — Где его правительственный дворец, или резиденция?

— Мы давно покончили с дворцами. У нас демократическая рыночная монархия и открытое, прозрачное общество. Наш монарх не прячется за стенами дворца. Он доступен всем без исключения, он просматривается со всех сторон.

— Но ведь где-то живёт ваш монарх? — растерялся поэт, услышав столь высокопарное назидание.

— Пройдите два квартала прямо и поверните направо.

⁸ *Esteem* — уважаем, *love* — любим.

В указанном прохожим месте поэт увидел толпу мухо- и рыбообразных людей, окруживших большой павильон, отлитый из цельного стекла и украшенный светящейся надписью «*Heart of holding company*»⁹. Павильон, действительно, просматривался со всех сторон, что и делали люди, молча окружавшие постройку. Внутри павильона за столом сидел знакомый по плакатам рыжеволосый, плотный человек с розовым лицом и шельмоватыми глазами. Над его головой висел портрет благообразного джентльмена в смокинге, с черной бабочкой на белоснежной сорочке и с голубыми рожками вместо ушей. Левой рукой портретный джентльмен опирался на трость, правой на глобус, где сиял неоновый лозунг: «Пусть на могиле вырастет трава, зато не ущемим ничьи права». За спиной у рыжеволосого располагались пульт управления с множеством кнопок и большой телевизионный экран.

— Это Сэр? — шёпотом спросил поэт у мухообразного соседа, указывая рукой на рыжеволосого. Сосед молча кивнул головой.

Внезапно в толпе произошло какое-то движение. Его немедленно отразил экран телевизора. Асфальт под ногами толпы качнулся и пошёл глубокими трещинами.

— Спокойно, без паники! — раздался голос диктора. — Очередное землетрясение, предсказанное месяц назад службой прогноза. Сейчас прибудут работники МЧС. Еще раз просим не паниковать и всем оставаться на своих местах.

Пока звучали эти слова, телевизионный экран показал провалившегося в трещину маленького человечка с голубым хвостом. Человечек скрылся в тёмном провале трещины, но успел громко выкрикнуть:

— Да здравствует рынок! Да здравствуют права человека!

— Погиб, как герой, — прокомментировал диктор. — Возможно, будет представлен к правительственной награде.

— Какой? — выкрикнул кто-то из толпы.

— Может быть к ордену «За заслуги перед демократией», — ответил диктор.

— Какой степени, первой? — громко уточнил свой вопрос тот же голос.

Рыжеволосый в павильоне, утвердительно кивнул головой.

Подъехали два джипа с бортовыми надписями МЧС. Выпрыгнувшие из них солдаты стали деловито заделывать трещины в асфальте. Один, держа в руках поднос, накрытый белоснежной салфеткой, подошёл к дверям павильона. Двери автоматически открылись, пропустив входящего внутрь. Вся сцена демонстрировалась на экране монитора. Солдат поставил поднос на стол хозяина павильона, слегка поклонился и сказал:

— Ваш кофе и тосты, сэр.

Пока Сэр Голавль пил кофе, подъехала ещё одна автомашина. Охранники внесли в павильон железные коробки, в которых, как показал

⁹ Heart of holding company — сердце холдинга.

монитор, находились пачки долларов. Рыжеволосый их пересчитал, нажал кнопку на пульте. У ног его открылся люк, куда и были сброшены деньги.

Поэт уже собирался уходить, когда поймал на себе изучающий взгляд хозяина павильона. Голавль сделал поэту знак, приглашавший войти.

— Войдите! — продублировал голос диктора

Стеклянная дверь открылась под мелодию вальса из балета «Щелкунчик». Голавль привстал за столом, протянул руку поэту:

— Рад познакомиться. *I am glad to meet you, Mr. Novice*¹⁰. Вы говорите по-английски? Нет? Ну, ладно. Что там, на земле, мёрзнут?

— Сэр, там лето. Плюс двадцать пять.

— О-кей! Я заработался, — Голавль бросил подозрительный взгляд на поэта. — Вы не подумайте что у меня крыша съехала, — Голавль мило улыбнулся, — она пока еще в полном порядке. Будем считать, что я пошутил. Кофе, чай, тосты?

— Нельзя ли водки? — спросил поэт. — Он не был большим любителем этого напитка, но сейчас ему почему-то захотелось выпить чего-нибудь покрепче.

— О! Добрая славянская привычка. Мы тут немного, как это, отвыкайт.

— Лицо Голавля расплылось в широкой улыбке. — Он нажал кнопку, распорядился в микрофон:

— Бутылку водки!

Подмигнул поэту и добавил:

— И солёных огурцов.

Зазвонил телефон. Голавль снял трубку.

— Кто? А это ты, Жора, Что? Фамильярничаю? Хорошо. Джордж, привет! Можно я буду всё-таки говорить по-русски? Здесь у меня один человек сидит. Пусть слышит наш разговор. Как у вас там? Дожди заливают? А у нас, — он снова подмигнул поэту — водочка льётся. Сами льём, сами пьём. Так вы там воде не сдавайтесь. Да, да, держитесь! В России говорят. «Терпи, чудак, президентом будешь». Что? Не понял слово «чудак»? Как тебе перевести? Эг-мэн, человек-яйцо. Понял? Да нет, ты не обижайся, ноу скрэмбл-эгз, не яичницей желаю тебе стать — сырым яйцом. Большим натуральным яйцом. Как Билл Клинтон. Что звонишь? Нефти надо? Сколько баррелей? Андерстенд. Деньги переведи на Сейшельы. Да, конечно, куда-нибудь в оффшорный банк.

Принесли водку. Положив трубку. Голавль стал её разливать. В это время зазвонил другой телефон. Голавль снова взял трубку, поморщился:

— Прошу прощения, — он повернулся к поэту, — не дадут поговорить. Слушаю. Что! Долг по электроэнергии за три месяца. Почему поздно докладываете? Номер дома? Записываю: номер 13, авеню Рыночной Демократии. Дать картинку на монитор.

На экране появилось изображение аквариума с кормушкой посередине. Вокруг нее хороводом кружились рыбёшки в сарафанчиках. Они пели:

¹⁰ *I am glad to meet you, Mr. Novice* — рад с вами познакомиться, господин новичок.

Мы свергли партийную мафию.
Не надо нам эсэсэсэр,
За рыночную демократию
Сенк ю вам, товарищ и Сэр.

Голавль побагровел:

— Подхалимы! Думаете, прощу вам задолженность! Хотите, как в старые времена, поплакаться в жилетку доброму дяде или пославословить ему — и все дела! Я покажу вам и мафию, и демократию, и товарища!

Он нажал красную кнопку на пульте, затем дёрнул рычаг рубильника. Изображение на экране телевизора погасло, но через минуту появилось снова. Монитор показал аквариум, превращавшийся на глазах в ледяной куб с неподвижными рыбками внутри, которые из голубых сделались синими.

Но и лицо Голавля тоже почему-то посинело, он задрожал. Перехватив недоумевающий взгляд поэта, Голавль криво усмехнулся:

— Не думайте, пожалуйста, что я — живодёр. Мне самому, как видите, приходится терпеть то же, что и моим рыбкам. Но что делать! Мы строим цивилизованное общество. Без излишней благотворительности, но и без экстремизма. А это обычная гуманитарная акция, совершенно безвредная для них. Надо же как-то ликвидировать остатки тоталитарного мышления. Сейчас вы убедитесь — ничто не угрожает их жизни.

Он открыл некое подобие амбарной книги, лежавшей на столе, полистал ее.

— Ага, пятнадцатый дом на той же улице полностью рассчитался с задолженностью. Следите за экраном монитора.

Голавль включил рубильник на стенде. Монитор показал зелёный ледяной куб, который стремительно размораживался на глазах. Рыбки в аквариуме оживали, зашевелили хвостами... Когда вода в аквариуме растворила последние куски льда, они закружились в весёлой пляске.

Невтерпёж давно уж нам уж,
Нам за Сэра надо замуж.
Он, милёнок наш и дроля,
Дал нам сэндвичи и волю.

Голавль вальяжно растянулся в кресле, к нему возвратился прежний, розовый цвет лица.

— Вот видите, всё в порядке. Две недели анабиоза, и снова поют. Не очень грамотно, зато искренне и с национальным колоритом. Чёрт! Ноги затекли.

Он встал, сделал несколько гимнастических упражнений. Затем нагнул голову и упёрся теменем в крышку люка, куда сбрасывал деньги. Люк опустился вниз, медленно увлекая за собой тело Голавля. Когда оно почти полностью исчезло в тёмном отверстии люка, движение застопорилось. И только теперь поэт заметил, что никакого хвоста, как изображали плакаты, у

Сэра не было, иллюзию хвоста создавали ноги в голубых джинсах, связанные у щиколоток железной цепью и прикованные той же цепью к полу. Она, видимо, и затормозила дальнейшее опускание Головля вниз. Сэр повис как бы в йоговской стойке на голове.

— Сам себя связал и приковал, — горько усмехнулся Головль, возвращаясь в прежнюю сидячую позу на стуле и поймав взгляд поэта. — Идеями, планами, работой. Спасаюсь йогой. По системе Авишанадны. Не слышали о такой? Переводится ссанскрита, как достижение блаженства через ад. Это ноу-хау нашей системы. Идея пришла оттуда. — Головль указал пальцем на люк. — Вот вы, конечно, думаете, как это он, то есть я, ухитрился попасть сюда, в четвёртое измерение, если пока ещё живу на земле в трехмерном мире, не так ли?

— Да, это очень интересно, — подтвердил поэт.

Головль вдруг переменился в лице. Исчезло прежнее шельмоватое выражение, из глаз ушла улыбка. Лицо Сэра сделалось усталым и угрюмым.

— Ничего интересного, — сказал он. — Моё положение невесёлое, даже, скажу вам, очень скверное. Я, ещё живу там, откуда вы только что пришли, но какая это жизнь, знаю один я. А после так называемой смерти мне придётся полностью переселиться сюда.

— Не прибедняйтесь, вы устроились совсем недурно, — возразил поэт.
— Окружение у вас, я бы сказал весёлое, даже очень занятное, особенно рыбки.

— Какое там окружение! Рыбки... это понимаете ли, мои же мысли, мои собственные материализованные мысли и желания. То, что я имел неосторожность планировать на земле. Желал другим — получил сам.

— Выходит, вы командуете только самим собой?

— По правде сказать, — да.

— А люди в чёрном?

— Мухи? Они — реальность этого мира, жители нашей единой энергетической системы. На земле ее зовут преисподней. У них свой хозяин. Вы понимаете, о каком Хозяине идёт речь. Мухи выполняют его волю.

— Но, значит, и вы служите Хозяину преисподней.

— Увы.

— Зачем вы это делаете?

— Что именно? — с грустью переспросил Головль.

— Продолжаете свой ужасный путь, всё понимая?

— Разве мы думаем о пути, когда выбираем удовольствия жизни? Я хотел получать их больше, чем другие люди. А много удовольствий может дать только он, — Головль указал глазами в сторону люка. — Вы литераторы, конечно, знакомы с Гёте. Помните торг в «Фаусте» — я буду служить тебе в этой жизни, ты послужишь мне в той. Так сказать, рыночные отношения... Я принял предложение Хозяина.

— И теперь отказываться от сделки поздно?

— Совершенно точно. Джентльменское соглашение.

Наступило молчание. Снова подъехал грузовичок. Толпа расступилась, давая дорогу грузчикам. Они внесли в павильон новые железные ящики с долларами. Голавль быстро пересчитал деньги и привычным жестом сбросил их в люк.

— Мы с вами так и не выпили. Ёхэлс! Ваше здоровье!

Мороженый Голавль поднял рюмку, ловко поддел вилкой закуску. Поэт тоже поднял рюмку, но когда попробовал воткнуть вилку в тонкий ломтик огурца, это у него не получилось, он не смог проколоть нечто, похожее не то на резину, не то на кусок папье-маше. Жидкость в рюмке тоже пахла не водкой, а лежалой бумагой.

— Не нравится? — Голавль лукаво прищурился, — Здесь всё сделано из долларов. Хотите посмотреть наше производство?

— Хочу.

Голавль включил монитор, и поэт увидел на экране, как металлические чемоданы с деньгами опустились в лифте в подземелье. Их приняли там люди в чёрном, увезли на тележке к большой печи с ярко пылавшей топкой. Возле печи располагались столы и множество разнообразных бытовых приборов. Доллары резали на узкие полоски, имитируя лапшу, перекручивали в мясорубках, создавая нечто, похожее на фарш, замачивали в стеклянных ёмкостях, сушили, гранулировали, жарили. Замоченные доллары отжимали в соковыжималках, поджаренные мололи на кофемолках. Готовая продукция шла на расфасовочные линии, откуда конвейером сходили банки, бутылки, пакеты, коробки с надписями: «Кофе Шеол», «Водка президентская оригинальная», «Ваучеры натуральные с креветками в соевом соусе», «Гамбургеры по-американски», «Голавль вяленый», «Теща Голавля», «Голавль горячего копчения» и так далее в подобном стиле.

Поэт пристально поглядел на своего собеседника.

— Сэр, зачем вы мне это показываете? Вы же знаете, я из пишущей братии, могу всем увиденным, распорядиться очень даже нехорошо. Например, репортаж напишу, сказку или притчу...

— Кто вас станет читать? — Голавль задумчиво пожал плечами. — Здесь, в этом мире книги почти никто не читает, в ходу телевизор. И, кроме того, чувство юмора в нашем энергетическом холдинге полностью отсутствует. Ну, а там, на земле... — Голавль помолчал. — Посмеются — и делу конец. Пригрозите алкоголику: ты завтра умрёшь, если выпьешь водки. Что он выберет? Или сообщите тому, кто гонит деньги в оффшоры: ты будешь вечно жевать доллары на том свете. Думаете, прекратит любимое занятие?

— Хорошего же вы мнения о людях! — патетически воскликнул поэт.

— Один мудрый человек сказал: я плохо говорю о людях потому, что слишком хорошо знаю себя. Но философию в сторону. Я потратил время и познакомил вас со своей работой не ради дискуссий о добре и зле. Я человек деловой. У меня есть надежда, даже уверенность, — Голавль сделал значительную паузу и поднял палец вверх, — вы доложите *там*, что я честно выполняю свой долг.

— Что означает «*там*»?

— Я имею в виду обитателей верхних страт жизни, тех, кого в простонародье называют богами.

— Но вы же сказали, что служите подземному Хозяину?

— Все мы служим Единому Господу, — Голавль тяжело вздохнул.

— Вы хотите сказать, что ваш Хозяин тоже служит Всевышнему? Сатана служит Богу?!

— Кому же еще?! Это на земле его называете сатаной, а здесь мы его зовём Абсурд. Господин Абсурд. *Верхние* его тоже так называют.

— Так, — задумчиво протянул поэт. — Значит, вы вместе с вашим хозяином выполняете самую грязную работу Бога — доводите глупость людей до полного Абсурда?

— Приятно иметь дело с сообразительным человеком.

— Что же тут соображать! Несчастные люди не ведают, что творят, а вы всё ведаете. И продолжаете творить. Зачем?

— Ваша любознательность и наивность делает вам честь. Но я бы не советовал быть таким дотошным. Царь Соломон говорил: во многой мудрости много печали.

— Вы, оказывается, и Библию знаете?

— Я многое знаю, — потупив глаза, почти прошептал Голавль. — Когда попадаешь к господину Абсурду, мудрость растёт быстро. Но время течёт слишком медленно. Боже, как оно здесь долго тянется! Я бы с радостью отдал всю эту энергетическую систему вместе со своей мудростью за один день пребывания там, наверху. — Голавль понизил голос до полного шёпота и поднял палец вверх. Но тут же поправился, повернув голову в сторону портрета над головой и произнёс громким голосом: — Мне бы только день передышки, а потом я возвратился бы к моему дорогому господину Абсурду.

— Разве господин Абсурд не может дать вам отпуск?

— О чём вы говорите? ОЭС сразу рухнет, если я хотя бы на час покину рабочее место. Я не могу подводить Хозяина.

— Святые книги называют господина Абсурда отцом лжи, — не прекращал своих обличений поэт.

— Очень правильно называют. В человеческом обществе принято обманывать друг друга. Земные глупцы для того и созданы, чтобы их кто-нибудь обманул. Это закон. Людей можно научить истине, только через её альтернативу? Но сам себя господин Абсурд называет по-другому. — Голавль снова выдержал длинную многозначительную паузу, как бы ожидая очередного вопроса.

— Так как же он называет себя? — подыграл собеседнику поэт.

— Прагматиком и реалистом.

— Ну, знаете, вы говорите с таким видом, будто сообщаете мне какую-то небывалую тайну. Прагматиков и реалистов на земле не меньше, чем глупцов.

— Конечно, — охотно согласился Голавль. — Я один из них.

— Хм, кто же вы, прагматик или...?

— Договаривайте, я не обижусь, — Голавль обезоруживающе улыбнулся. — Я то и другое. Бог нам много веков говорит: не убивай, не кради, не обманывай, а прагматики вместе с господином Абсурдом, посмеиваются и отвечают: ну, и дожидайся, когда тебя убьют, ограбят, обманут... Опереди! Помните, был такой хороший американский фильм «Бей первым, Фрэдди»? Опередившему бывает хорошо. Ах, как хорошо быть первым на земле. Но когда попадаешь сюда...

— Понятно. Первые становятся последними. Так сказать плата за опережение. Но, если продолжить библейскую тему, почему бы вам не покаяться?

— Я занят именно этим.

— Так... Кажется, я начинаю вас понимать.

— Меня понять нетрудно, особенно, когда влезешь в мою шкуру. Все наши беды, мистер литератор, начинаешь понимать слишком поздно.

— Я вам сочувствую.

— Каждый несёт свой крест.— Голавль бросил на поэта изучающий взгляд, что-то обдумывая. — Моему другу ещё тяжелее. Вы были на площади Свободы рыночного слова?

— Не был.

— Тогда я вам покажу, что такое настоящий крест, — Голавль включил экран телевизора. Появилось изображение улицы. Камера, двигаясь вслед за толпой пешеходов и автомашин, оказалась на большой площади, в центре которой стоял памятник. К нему со стороны тротуара тянулся навесной мост, похожий на Бруклинский в Нью-Йорке. По мосту двигались горожане, а внизу с грохотом проносился городской транспорт. Камера «наехала» на памятник, и теперь можно было разглядеть его подробней. Это была статуя полного, даже очень полного мужчины, который стоял вниз головой на большой плите из чёрного полированного лабрадора. Ногами мужчина держал над собой плиту из голубого мрамора. На нижней плите сияла золочёная надпись: «Экономика должна быть экономной. *Totalitarian banality*¹¹», на верхней значилось: «Экономика должна быть рыночной. *Guy*¹²-дар».

Вас может удивить некоторая нестыковка лозунгов, или, как мы говорим теперь, слоганов, — извиняющимся голосом произнёс Голавль. — Всё-таки две разные эпохи, тоталитарная и рыночная.

— Я не удивляюсь, — успокоил собеседника поэт. — Последние годы жизни на земле заставили меня привыкнуть к многочисленным парадоксам.

— Поясняю. Это не парадокс, это продолжение традиции, национальной и общемировой. Первый слоган, как вы понимаете, из эпохи семидесятых годов, а второй — наш. Вникаете? Мы не порываем с

¹¹ *Totalitarian banality* — тоталитарная банальность.

¹² *Guy* — чучело, пугало, страшилка.

традициями, мы их наследуем. И придаём новое звучание. Теперь внимательно посмотрите на экран.

Телевизор показал людей, которые двигалась непрерывной лентой мимо постамента из черного лабрадора. Многие бросали к голове изваяния доллары. Но вот к постаменту подошёл лысый полный человек с продолговатым красным пятном на лбу. Он сделал глубокий поклон памятнику и положил к постаменту стодолларовую бумажку. Затем расстелил на постаменте черную широкую ленту с текстом на ней по-русски и по-английски: «Атланты держат небо на каменных ногах. *I am process пошёл*».

— Узнаёте? — хихикнул Голавль.

— Как не узнать! — весело откликнулся поэт. — Бывший главнокомандующий нашего прорыва в сладкую жизнь. Только пятно на лбу стало больше. Минутку! Остановите картинку! Дайте возможность лучше разглядеть. Раньше пятно напоминало Южную Америку, а теперь на лбу обе — Северная и Южная. Даже Панамский канал обозначен. Лихо!

— Скорее глубоко символично. Эта страна, — Голавль слегка постучал по столу пальцем, — когда-то была очень отсталой. Имела экономику типа банановой республики, а теперь вошла в восьмёрку самых цивилизованных стран мира. Так что на лбу этого почтенного человека запечатлена большая история. Что же касается первых слов на ленте, они напоминают всем нам шестидесятые незабвенные годы, тогда песня про атлантов была в моде. Ах, как мы все любили песни шестидесятых годов! Мы все оттуда родом.

Лицо Голавля приняло мечтательное выражение.

— Я знаю, о чём вы сейчас подумали, — он вдруг нахмурился и переменил тему разговора. — Вы вспомнили пословицу: «Бог шельму метит»? Не так ли?

— Вы не отгадали, — скучавил поэт, хотя Голавль попал в точку, — я подумал, что такая отметина на лбу куда значительнее, чем орден «За заслуги перед Отечеством». Потому что орден вручают люди, а эту отметку сделал сам Бог.

— Не ёрничайте, — поморщился Голавль. — Этую отметину на лбу сделал ему не Бог, а наш Хозяин. Выколол красной тушью за особые отличия, которые ни один орден не оценит. За заслуги перед великой историей. Конечно, мы творим её не совсем так, как хотелось бы нам, и, совсем не так, как хотелось бы вам.

Сильный треск прервал беседу. Экран монитора показал, что одна из опор моста стала уходить в землю, а сам мост — проседать. Голавль схватился за телефонную трубку.

— Алло! Срочно бригаду МЧС к памятнику сэра Дарёное Чучело. Да, на площадь Свободы рыночного слова. И дорожную технику!

Трешины на площади Свободы рыночного слова росли, стали подступать к самому памятнику. Только теперь поэт разглядел, что фигура человека на постаменте была живой — толстые румяные щёки покрывались мертвенно бледностью, большие лоснящиеся губы тряслись. В

округлившихся глазах застыл ужас. Он узнал и самого человека, его яйцевидную голову острым концом вверх.

— Не бойся, май френд, в беде не оставим, — тихо прошептал Голавль.

У памятника появились военные и спасатели в оранжевых жилетах. С помощью домкрата они подняли пролёт моста, засыпали щебнем трещины, залили их асфальтом. Лицо статуи приняло прежнее философски задумчивое выражение.

— Вот так и живём, как на пороховой бочке, — скорбно произнёс Голавль. И вдруг, расчувствовавшись, запел:

Вот так и живём, не ждём тишины,
Мы юности нашей, как прежде, верны.

— Но эта песня не из вашей оперы, — иронически заметил поэт.

— Дружище, мы все поём одну оперу жизни, — отпарировал Голавль.

— Но, конечно, разными голосами. И каждый к тому же верен своей юности. Покормите сэра Чучело! — крикнул он проходящему рабочему.

Рабочий МЧС вынул из долларовой кучи на постаменте несколько бумажек, поднёс их ко рту статуи. Массивные губы шевельнулись, бумажки моментально исчезли во рту.

— Сэр Дарёное Чучело никогда не кушает переработанную продукцию. Он предпочитает натуральные продукты, — уважительно пояснил Голавль.

— Бедняга! — посочувствовал поэт.

— Не преувеличивайте тяготы его судьбы. Слава Богу, мы покончили с тоталитарной системой и с её законами, когда надо было стоять на постаменте круглые сутки. Сэр Чучело стоит только днём, ночью он спит. С полночи до утра мы его заменяем.

— Кем?

— Скорее, чем. Домкратом. Он поддерживает голубую плиту.

— Но почему бы не оставить домкрат и днём?

— Тогда будут разрушены наши демократические устои. Вы ведь поэт и понимаете символику слов. Чувствуете, как звучит? Домкрат, демократ... Нужен живой наглядный пример сопротивления тоталитарной инерции. Но мы не жалуемся. — Голавль бросил на поэта подозрительный взгляд, почуяв в его молчании некоторые невысказанные чувства. — Так и скажите вашим богам про меня и про сэра Дарёное Чучело — они не жалуются.

— Вы полагаете, что мне предстоит общение с *богами*? — задумчиво произнёс поэт.

— Догадываюсь. За многие века служения господину Абсурду я кое-чему научился. Например, считывать человеческие мысли, предвидеть то, что может случиться со страной и с её людьми. Я обязан всё предвидеть и не ошибиться. Иначе...

— Что? Продлят срок на зоне?

— Могут. Это ведь моя последняя *инкарнация* в Авичи¹³.

— Вы говорите, как буддист.

— Я и есть буддист. Буддист со знаком минус. Кому-то в этом мире надо выполнять минусовую задачу... — Голавль поднял налитые слезами глаза вверх. Помолчал и тихо продолжил: — Сорри. Извините за старомодную сентиментальность. Слезы не в моих правилах. Так вы запомнили, что должны сказать *верхним* обо мне? — Он не жалуется, он служит честно, он надеется.

Поэт откланялся с чувством, будто побывал в музее восковых фигур или на выставке поздних сюрреалистов. Впрочем, и в земной жизни он порой испытывал странные чувства. Он их однажды описал в стихотворении «На приёме у терапевта».

— Так что у вас?

— В груди болит, вот здесь.

— Послушаем, дыханье задержите.

Конечно, в сердце измененя есть
Нормальные для возраста. Дышите.

— Спасибо, доктор.

Видел странный сон:

Летаю, а кругом чужие души.

Надели на меня комбинезон,

Приkleили глаза, улыбку, уши...

Куда-то тащат...

— Но причём тут грудь?!

Скорей всего у вас болезнь другая,

Вам нужно к психиатру заглянуть.

— Заглядывал уже, не помогает.

— Ну, продолжайте.

— Тело и скелет

Надели на меня, и вот насилино

Я оказался здесь.

— Какой-то бред!

— Конечно, доктор. Разве я просился?

За жизнь свою я столько претерпел!

Потом, как все, освоился с привычкой...

Но грудь болит. Что делать с ней теперь?

— Дышите, друг мой, глубже и ритмичней.

Провожатый

Покинув владения сэра Голавля, поэт долго размышлял над последними словами своего занятного собеседника. Куда, к каким богам

¹³ *Авичи* (санскр.) — ад.

предстояло отправиться ему, поэту? В той жизни он избегал бывать на кладбище без крайней нужды. Но теперь вспомнил, что девять дней после смерти душа усопшего обязательно блуждает вокруг своего тела.

Неужели он должен находиться здесь так долго?! Увиденные сюжеты отбили всякую охоту к дальнейшим прогулкам среди могил. Куда же уйти? И как только в голове поэта стали настойчиво выбиривать эти мысли, перед его глазами появился сияющий *шарик*. Подобно тюльпану в саду он переливался лиловыми, красными, жёлтыми красками. Светлой спиралью от шарика отделилась мысль, прозвучавшая как музыка:

— Тебя утомили кладбищенские картины? Я покажу тебе другие.
Летим!

— Куда?

— Туда, где всё другое...

Сияющий шарик устремился в небо, и поэт, больше не задавая вопросов, полетел за ним.

Они летели сквозь густые облака, на земле такие называют дождевыми. Здесь облачная субстанция, как и новое тело поэта, была почти прозрачной. Поэтому всюду сквозь лёгкий облачный туман проглядывали сёла и леса, города и храмы. Да и сами облака имели формы гор, людей, животных. Ещё поэт заметил, что облачная материя не была однородной, она состояла из маленьких частиц разной формы. И все эти частицы жили, светились, двигались.

Сияющий шарик сделал остановку возле большого православного храма. В храме шла служба, такая же, как на земле, с чтением Библии, с пением молитв. По окончании службы из царских ворот вышел священник с ведёрком воды и, окуная в него веничик, принял кропить водой прихожан. На спине у священника сидела, словно приклеенная, к парче, огромная черная муха. Другие мухи оседлали не только спины, но и плечи и даже головы прихожан. Сияющий шарик подлетел к иконе Божьей Матери, сел на оклад, рядом с изображением младенца. И внезапно он исчез в сиянии, охватившем икону.

— Чудо! Икона обновилась! — раздались голоса. Толпа хлынула к иконе. В беспокойство пришли и мухи, сидевшие на людях. С недовольным жужжанием одна за другой они отрывались от прихожан, кружа над их головами. Но вот толпа расступилась. К иконе с веничиком и ведром приближался священник. Он то поворачивался лицом к изображению Божьей Матери, осеняя себя крестным знамением, то, повернувшись к людям, кропил их водой, и тогда видно было, как волновалась на его спине чёрная муха. Её зелёные глаза светились ужасом, муха дрожала, и видно было, что она готова сорваться со спины священника в любой миг. Когда священник приблизился к иконе, муха судорожно дёрнулась и взлетела к куполу.

— Воистину обновилась, — подтвердил батюшка, осматривая икону.
— Благодать Божия сошла на храм наш.

А светящийся шарик скользнул с оклада иконы и повис перед глазами поэта. Исчезли в сиянии иконы лиловые, красные и жёлтые краски, вся она замерцала однотонно-золотистым светом.

— Если бы случившееся здесь кто-нибудь назвал алхимией, его наверняка бы окрестили еретиком, — заметил шарик. — Но ведь это алхимия чистой воды.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы напугать мух.

— Только для этого? Мухи опомнятся и вернутся.

— Конечно.

— И прилипнут к людям ещё назойливей?

— Прилипнут...

— Тогда зачем эти чудеса?

— Я же сказал тебе — это не чудеса, это алхимия. Может быть, кто-то из этих прихожан пожелает заняться подобными делами.

— Алхимией?

— Работой сердца.

* * *

Я искра в остывающей золе,
Я ощущаю неостывшей кожей,
Как тяжко Свету в сумерках.
О, Боже,
Когда Рассвет поднимется во мгле?!

И Кто-то, на меня чуть-чуть похожий,
Мне тихо шепчет:
— Распахни же грудь,
Дай огонёк в груди твоей раздуть,
Ничто Рассвету лучше не поможет.

Райские встречи

Поэт и шарик полетели дальше. Серо-белые облака постепенно сменялись серебристыми. Сквозь них в ярко-синем небе сияли два солнца. Менялись и окружающие пейзажи. Они всё больше походили на яркие, сочные картинки из иллюстрированных журналов: покрытые зелёными лесами горы, у их подножья поселения, море, пальмы, протянувшиеся вдоль песчаных пляжей. Один уголок настолько покорил сердце поэта, что он замедлил полёт и опустился на коврик облака. Шарик тоже прекратил полёт, сел рядом.

Оглядевшись, поэт, вместе со своим провожатым спустился с облака на «землю». Выбранное им место оказалось широкой долиной в горах с уходящими в синеву снежными вершинами, с завитой в серпантин рекой. По

берегам её и чуть выше, гнездились группы небольших строений самой разнообразной расцветки и архитектуры. Всюду пестрели розы, тюльпаны, лилии, только цветом насыщеннее и размером больше. Кроме того, цветы находились в постоянном движении, как бы сотканные из мельчайших световых спиралей.

— Это твой дом, — прозвучала мысль, — тот дом, о котором ты мечтал на земле.

Поэт оглянулся. Но шарика он не увидел. Его провожатый исчез.

Постояв несколько минут, поэт побрёл по тропинке в сторону выглядывавшего из-за деревьев белого особняка. Тропинка пролегала среди крупных в человеческий рост кактусов и тёмно-зелёных криптомерий. В памяти внезапно возникла мать, которую поэт потерял еще ребёнком много лет назад. И он почти не удивился, встретив молодую женщину, выходившую из ворот особняка. Женщина остановилась, как вкопанная, пристально изучая лицо поэта.

— Мама!

— Ты узнал меня, сынок? А мне сердце подсказало выйти из дома. Чувствовала, что мы скоро встретимся. Какой же ты стал взрослый! Сама я тебя, пожалуй, не узнала бы. Такой молодой, красивый...

— Странно, — подумал поэт. — Мать почти не изменилась. Она выглядит так же, как в свои тридцать лет, когда ушла с земли. Мне тогда было десять лет отроду. Но сейчас мне далеко за семьдесят. Когда же я успел стать молодым и красивым?

Мать ввела поэта в дом. За столом читал газету человек лет тридцати пяти на вид. В нём не без труда поэт узнал покойного отца, ушедшего из *той* жизни на семьдесят шестом году.

— Похоже, время здесь движется в противоположном направлении, — размышлял поэт, сжимая в объятиях отца.

Началась новая полоса жизни, совсем не похожая на прежнюю. Что бы ни задумал поэт, всё у него получалось: в творчестве, во взаимоотношениях с близкими и с остальными обитателями долины. Это и радовало и пугало — вдруг дела повернутся к худшему. Там, на земле, так оно всегда и случалось: никогда счастливая полоса жизни не продолжалась долго. Здесь все перемены жизни дышали радостью и покоем.

Также поражало то, что ни мать, ни отец никогда не говорили о земной жизни. И даже если поэт напоминал какой-нибудь случай из проведённых вместе лет, оба смущенно улыбались, словно не понимая, о чём идёт речь. Беседуя с другими жителями долины, поэт убедился, что полное забвение земного прошлого — общая черта почти всех её обитателей. Один местный философ определил это качество даже как достоинство и преимущество здешней жизни.

— Представьте себе, что вы находитесь в каком-нибудь прекрасном санатории, — рассуждал философ, — а ваша память блуждает по каким-нибудь закоулкам прежней досанаторной жизни. Вы только испортите себе отдых тяжёлыми мыслями.

Поэт пробовал возражать:

— Допустим, нам здесь хорошо, а на земле страдают близкие нам люди...

— Чем же вы можете помочь им? Тем, что притянете к себе их страдания?

— Хотя бы так. Во всех религиях есть заповедь о помощи ближним, о том, что мы обязаны разделить их крест...

— Религии создавались для земных людей. Здесь небо. Отсюда помочь земле вы никак не сможете, даже если очень захотите, — спокойно возразил философ. — И потом вы знаете, земные законы: сбросив один груз, люди тотчас подставляют плечи под другой. Таковы всеобщие правила игры. Изменить их не в силах даже сам Спаситель. Правда, христианские богословы утверждают, будто бы Иисус Христос пришёл на землю, чтобы взять грехи человеческие на себя. Но даже, если представить себе такой вариант миссии Спасителя, — грехи и страдания христианской эпохи оказались гораздо тяжелее, чем эпохи языческой. Разве я не прав?

— Значит, нам здесь остаётся только отдыхать? — с некоторым сарказмом спросил поэт.

— Вы напрасно вкладываете в свои слова иронию. Да, этот мир создан для отдыха от земных страданий. И для того, чтобы набираться сил для следующего воплощения. Вы же сами явились сюда в полном изнеможении сил.

Логика загробного философа выглядела неуязвимой, но соглашаться с ней не хотелось. Спорить — тоже.

А в остальном «тонкая» жизнь поэта складывалась как земная в лучшие её периоды: писались и печатались стихи, а также благотворительные статьи о них, проходили творческие встречи с аплодисментами и букетами цветов. Но странное дело, чем лучше шли дела, тем больше у поэта нарастало чувство неудовлетворённости. Всеобщее доброе внимание публики казалось каким-то слишком уж неглубоким.

Поэт всегда любил уединение. И здесь он стал совершать одинокие прогулки в окрестные горы. Как и на земле, большинство здешних людей предпочитали жить и проводить время в долине — в садах, на пляжах, в увеселительных заведениях. В горах люди встречались очень редко.

Но однажды, миновав зону альпийских лугов, а затем — голые каменистые осьпи и поднявшись к зоне ледников, поэт увидел бревенчатый дом, стоявший на самом краю ледяного обрыва. На открытой веранде его второго этажа сидел человек в кресле с книгой в руках. Он наблюдал за поэтом так, словно давно поджидал его.

— Кто вы? — спросил человек.

— Алхимик, — с улыбкой откликнулся поэт. Человек оживился:

— Само небо, послало мне вас. Я тоже алхимик. Заходите.

Человек провёл гостя в комнату, где пахло кислотой и какими-то химикалиями, усадил в кресло.

— Итак, вы алхимик?

— Я пошутил, — возразил поэт. — Никакой я не алхимик, а ответил потому так, что у меня не выходит из головы один случай.

И он рассказал историю с обновлением иконы. Человек долго молчал, прежде чем продолжить разговор.

— Я встречался с подобными делами на земле. Обычно мои коллеги от них отмахиваются, называя шарлатанством. Даже если увидят что-то необычное собственными глазами. Я тоже учёный. Химик. Много лет пытался разобраться в тайнах средневековой алхимии. Ещё на земле я подозревал, что старые трактаты по алхимии прячут какую-то очень большую тайну, которую невозможно раскрыть только с помощью приборов и экспериментов. Здесь мне сказали: эту тайну знают люди четвёртого неба. Я построил дом на самой границе третьего и четвёртого неба. Видите наверху отверстие? — Человек указал на синий прямоугольник неба в потолке. Там проходит эта самая граница. Оттуда прилетают шарики вроде того, что видели вы. Шарики или искры. Они на глазах превращаются в людей, в деревья и растения...

— Вы это видели сами?

— Много раз.

— Лихо!

— Если бы мне в той жизни рассказали про такое, я тоже улыбнулся бы. Но здесь я каждый день встречаюсь с подобными делами.

— Что же это такое?

— Рассуждать можно по-разному, да что толку! Мы с вами на земле представляли собой скопление миллионов клеток. Не так ли? Здесь мы — скопление элементарных частиц. А когда-то были одной клеткой в утробе матери. Как появилась эта клетка? Из взаимного влечения наших отцов и матерей. Это чувство называют любовью. Что такое любовь? Искра. Помните старый роман: «и внезапно искра пробежала в пальцах наших встретившихся рук». Откуда рождается искра? На этот детский вопрос нам не ответит ни один учёный в мире.

— Зато разъяснит священник, — засмеялся поэт. — Любовь к Богу рождается от Христа, любовь к женщине — от сатаны.

Химик не поддержал шутку. Он жестом пригласил поэта к прибору, напоминающему своим видом телескоп.

— Взгляните сюда.

Поэт приник к стеклянному окуляру. Сначала он не увидел ничего, но потом его глаза стали различать еле уловимые световые эффекты, игру фиолетовых, жёлтых, красных, зелёных красок, сопровождающую чуть слышной музыкой и тончайшими ароматами.

— Я потратил многие годы, чтобы создать эту штуку, — химик указал рукой на свой прибор. — С её помощью изучаю четвёртое небо через отверстие в моём потолке. Но всё, что я узнал, ограничивается очень скучной информацией, которая долетает оттуда. В сущности, такую информацию может получить любой тонкий человек и без моего прибора. Это меня угнетает.

— Что именно?

— Невозможность науки проникнуть в тайну вакуума. Она называет вакуумом то, что на самом деле имеет краски, запах, звук. Какой же это вакуум! Появляющиеся оттуда люди говорят мне, что их мир населён различными формами жизни, куда более богатыми, чем наши. Там, в том мире, они очень хорошо видят друг друга и нас. Но нам не дано их увидеть. Нам доступны лишь отблески этого мира.

— Но что же вам мешает попасть на четвёртое небо? У вас есть окно.

— Попробуйте им воспользоваться.

Уловив в словах собеседника лёгкую насмешку, поэт взлетел к потолку очень осторожно. И всё-таки ударился головой о нечто твёрдое. Потёр темя и спросил:

— Бронестекло?

— Гораздо крепче. Его даже направленный взрыв не возьмёт. — Химик коснулся плеча поэта. — Хорошо, что вы побереглись. Могли бы набить шишку.

— Неужели нет никакого способа попасть на четвёртое небо?

— Есть

— Какой?

— Вернуться на землю.

— Но что это даст?

Учёный не отвечал. Закрыв глаза, он думал о чём-то своём. Поэт тоже задумался, в его голове стали складываться стихи.

* * *

Мне снился сон,
Теперь уж в прошлом веке,
Что ровно десять тысяч лет назад
Я послан был на Землю
То ли с Веги,
А может, из созвездия Плеяд

Учиться музыке, незрелый подмастерье,
Чтоб мастером свои закончить дни.
В Галактике подобные мистерии
Командировкам творческим сродни.

Прелюдия «Земля», четвёртый опус,
Веками напряжённый фа-минор.
Когда на Вегу прилетаю в отпуск,
Припоминаю нервный разговор

С роялем, и расстроенные скрипки,
И двух валторн фальшивую печаль,

И Моцарта волшебные улыбки,
Которым не могу не отвечать.

На Веге всё ухожено и чинно,
Как, например, в Монако где-нибудь.
Я овладел роялем, и причины
Нет никакой лететь в обратный путь.

Но я лечу к нерадостной планете,
К жестоким выражам её дорог,
Где грудь щемит
И так призываю светит
Зелёный луч исканий и тревог.

Земные касания

Поэт затосковал по земле. После встречи с ученым желание побывать в родных местах стало непреодолимо-манящим. Спуск на землю оказался куда более коротким, чем полёт на третье небо. Приступ тоски по родному дому — чёткое желание — и поэт стоял у родного порога. Здесь хозяйничали незнакомые люди.

— Видимо, жена продала дом и переехала к сыну, — подумал поэт. Когда-то у них с женой был разговор на эту тему.

Свой кабинет он увидел переоборудованным под гимнастическую комнату. У стены расположилась шведская лестница, на полу лежали гантели. С потолка свисал боксёрский мешок. Большие перемены произошли в саду. На месте цветника была устроена асфальтированная площадка, а посреди неё стоял автомобиль.

— Мой тюльпан, — подумал поэт. — Может быть, его куда-нибудь пересадили?

Но следов цветка он нигде в саду не обнаружил. Мысль о тюльпане не покидала поэта, пока он кружил по родным местам. «Почему я так много думаю о цветке?» — с удивлением спрашивал он сам себя.

Поэт посетил родственников, писательский клуб. В *той* жизни его раздражали претензии малоодарённых собратьев по перу. Теперь, послушав выступления некоторых из них на писательском собрании, он только улыбнулся. Боже, какие дети! Их преданность своему делу, которое перестало быть престижным и не давало почти никаких средств на жизнь, вызывала острую жалость и сочувствие.

Собрание, как и в прежние времена, закончилось приглашением на символическое чаепитие, где вместо чая пили водку. Как в прежние времена звучали жалобы подвыпивших коллег на трудные времена, на скопость спонсоров, на невнимание читателей. Но, наблюдая за мыслями бывших коллег, он видел то, что не видел раньше.

За многими словами почти у всех вибривала одна мысль: «Как ничтожно всё окружающее и как велик я!»

Жену он застал в ее новой маленькой квартирке перед образами. Горела свеча, пахло ладаном, жена молилась. Поэт осторожно опустился в кресло за её спиной.

— Ты здесь? — тихо спросила жена, прервав молитву и не поворачивая головы.

— Да, я здесь.

— Я ждала тебя. Тебе хорошо там?

— По-разному.

— А мне трудно. У дочери своя жизнь, мы редко встречаемся. Я очень тоскую. Я хочу к тебе.

— Я тоже мечтаю встретиться с тобой здесь. Но не могу позвать тебя, не имею права. Ты ведь понимаешь меня...

— Я всё понимаю, только от этого не легче.

— Когда ты будешь со мной, ты поймёшь больше, чем то «всё», о котором говоришь. Там, где я сейчас, можно понять многое, но изменить ничего нельзя. В твоём мире можно изменить многое, но понять это трудно...

— Я хочу к тебе.

— Мы встретимся, дорогая. Постарайся подумать о том, что я тебе сказал.

— Хорошо, постараюсь, — прошептала жена.

В квартире дочери и её мужа поэт стал свидетелем ссоры, вспыхнувшей между супругами. Вначале в окно влетела серая тощая муха размером с небольшую ворону. Она села на плечо дочери, раскрыла рот. Оттуда медленно выползло несколько грязно-коричневых спиралей. Всё было видно очень отчётливо — спирали змейками скользнули на плечо дочери, а затем исчезли в её груди. И тотчас дочь повышенным голосом бросила мужу какой-то упрёк. Муж побагровел. Муха с плеча дочери перелетела на плечо зятя. Повторилось то же самое — змейки вползли в его грудь, и он гневным голосом ответил жене. Теперь огненно-багровые спирали вырывались из груди ссорящихся и хищный хоботок мухи жадно их поглощал. Мушиное брюшко росло на глазах, сама она из серой превращалась в черную, мохнатая растительность, покрывающая ее тело, приобретала металлический блеск. В окно стали лететь новые мухи. Ярость супругов росла, вместе с нею увеличивались в размерах мухи. Вдруг дочь побледнела, упала на тахту.

— Мне плохо, — тихо сказала она. — Сердце...

Побледнел и зять. Он побежал к телефону, принял вызывать скорую помощь. А напитавшиеся ссорой разжиревшие мухи медленно покидали свои жертвы, вылетая в окно.

В квартире появились люди в белых халатах. Они сделали укол дочери. Но как только силы вернулись к ней, она принялась снова осыпать упрёками мужа. И мухи возвратились в комнату.

— Зина, остановись! — не выдержал поэт. — Он подлетел к дочери, принялся трясти ее за плечи. На какую-то минуту дочь прекратила свои упрёки и посмотрела поэту в глаза. В её взгляде он прочел ужас. Она задрожала, потом разрыдалась, её рыдания перешли в истерику. Наконец, она снова упала на тахту и затихла. Поэту пришли на память слова офицера на кладбище — мертвый никогда *не должен* смотреть в глаза живому.

Фея

Ищем в бурных волнах
Хоть какой-нибудь временный берег.
Череду отступлений
Сменяют приливы атак.
А планета стоит,
Как и раньше стояла, на вере,
На любви и надежде —
На трёх нерушимых китах.
Разбиваются волны о плоть
И её разбивают,
Стонет бедное сердце
От боли
И от маяты,
Черти новые игры
И планы свои затевают.
И в безмолвии вечном
Нас всех ожидают киты.

* * *

Прошло еще несколько дней на земле. За это время, повидав множество людей, поэт понял, что большинство из них днём спит, ночью бодрствует. Ночью они открывали глаза, с ними можно было говорить о Боге, о мухах, о жизни инобытия, но днём эти люди, всё забывали и вели себя, словно заводные куклы или роботы. Будто кто-то включал в них общую для всех программу, строго ограниченную делами дневного обихода.

Голова и грудь землян выглядели как бы завёрнутыми в ткань из серых мыслей. Ткань тускло светилась, в ней можно было увидеть множество тёмных отверстий. Через них вползали и выползали мухи. Они проходили через завесу мыслей, как сквозь сеть с крупными ячейками. Многие такие ячейки были сплошь закупорены сидевшими там мухами. Но всё-таки в минуту стрессов или боли, когда движение мух становилось активнее, кое с кем из людей можно было разговаривать даже в дневное время о том, что поэт считал для себя главным. Бывали случаи, когда он диктовал им свои стихи. Его мысленные посылки иные из собеседников переносили на бумагу.

Но, Боже, какой искажённый вид приобретали стихи! Лишь изредка в них встречались знакомые мысли, тонувшие в потоках отсебятины.

Как-то вечером поэт пролетал мимо освещенных окон многоэтажного дома. Что-то заставило его заглянуть в одно из них. Он встретился взглядом с синими глазами худенькой молодой женщины, которая внимательно посмотрела ему прямо в глаза. В её взгляде не было страха, наоборот, он светился радостью и доброжелательством.

- Входи, — сказала женщина.
- Ты не боишься меня?
- Я рада, что мы снова видим друг друга.
- Снова?
- Да, снова.

Поэт послал женщине мысленную картину местности, в которой жили теперь его родители. В ответ он получил ту же картину, только гораздо ярче. Поэт продиктовал свои стихи. Женщина вынула из ящика стола лист бумаги, что-то написала на нём и протянула поэту листок. Он увидел свои стихи, но слегка изменённые, они стали глубже и безупречней по форме.

- Кто ты? — спросил поражённый поэт.
- Душа, как и ты.
- Нет, ты не такая. Ты видишь и чувствуешь лучше, чем я.
- Это потому, что я живу сразу в двух мирах — здесь на земле и там, где ты.
- Разве так возможно?
- Что же в этом невозможного?
- Как интересно, — задумчиво произнёс поэт. — Ты видишь меня?
- Очень хорошо.
- И я тебя где-то видел.
- Может быть, — согласилась женщина. — Взгляни на меня получше.
- Поэт обратил внимание на сияние вокруг головы женщины, ореол, в котором смешивались лиловый, шафранный и рубиновый цвета.
- Цветок! — осенило поэта, — Ты была тюльпаном в моём саду!
- Была, — ответила женщина. — А теперь у меня свой сад и свой цветок. Она указала на детскую кровать, в которой спала маленькая девочка.
- Может быть, когда-нибудь вы встретитесь.
- Погоди! — поэт, пристально вглядевшись в свечение над головой женщины. — Меня с кладбища провожал один интересный шарик...
- Ты догадлив.
- Не очень. Мне один человек сказал, что шарики могут становиться людьми. Цветы, выходит, — тоже?..
- Люди могут стать всем, чем захотят.
- И ты можешь рассказать, как это делается?
- Нужно захотеть.
- И всё?
- Нужно захотеть, сильно захотеть всем своим существом. Так захотеть, чтобы ничего больше не хотелось.

Расспрашивая женщину, поэт узнал историю её жизни.

— Ты, конечно, знаешь из книг, что люди после смерти возвращаются к своим небесным корням, — рассказала женщина. — Этот корень у каждого свой, и выращивают его люди на земле своими мыслями, чувствами, делами. Как и ты, я прожила много жизней на земле, но помнила всегда только одну, — ту, в которой жила. Где, изредка радовалась, чаще плакала и страдала. Просила Бога дать мне покой. И получив то, что просила, возвращалась всякий раз в Поток перемен. Стала уставать от них, смутно догадывалась, что никаких перемен, в сущности, со мной не происходит, что моя жизнь движется по замкнутому кругу. Однажды, когда я покинула очередное тело с этой мыслью, услышала Голос:

— Полетишь ли ты на небо к своему корню или вернёшься на землю, чтобы послужить мне?

— Кто ты? — спросила я.

— Тот, кто руководит жизнью на Земле.

— Чем же я смогу тебе помочь?

— Ты будешь помогать не только мне, ты будешь помогать людям, которые захотят узнать, почему они страдают.

— С тех пор я никогда не задерживалась на небе, но, износив очередное земное тело, почти сразу рождалась вновь — закончила свой рассказ женщина. — Я бывала мужчиной и женщиной, воином и поэтом, царицей и рабыней... Кем только я ни была. А поручение всегда имела одно — любыми путями объяснять людям, откуда они пришли на землю, зачем пришли и куда уходят, и почему в их жизни случается так много несчастий.

— Но как ты оказалась бессловесным тюльпаном в моём саду? — воскликнул поэт.

— Иногда я очень устаю от воплощений, И тогда позволяю себе короткий отдых. Рождаюсь цветком, например.

— Отдых? Ты так помогала мне.

— Конечно! Когда ты возвращался домой усталый и раздражённый, я очень жалела тебя. Ждала, что ты подойдёшь ко мне и спросишь, почему тебе приходится так тяжело. Но ты ни о чём не спрашивал, и тогда я старалась чем-нибудь обрадовать тебя.

— Я это чувствовал без всяких объяснений.

— Конечно! Объяснять — это дарить радость, помогать — то же самое.

— Помогать, даже если об этом не просят?

— Вот видишь, ты всё хорошо понял.

— Ну что ж, пришла моя очередь послужить тебе.

— Послужить мне? Каким образом?

— Я буду навещать тебя.

— Ты можешь не застать меня дома.

— Я буду рассказывать сказки твоей дочери.

— А также читать собственные стихи мне и ждать аплодисментов, — засмеялась женщина. — Мой дорогой друг, я так устаю на работе, что,

возвратившись домой, падаю на постель и сразу же засыпаю. Мне не до стихов.

— Я почитаю их тебе во сне.

— Тебе придётся долго ждать. Я редко вижу сны.

— Но ведь ты сказала, что живёшь сразу в двух мирах.

— У тебя хорошая память. И ты настойчив. Посмотри на меня, какой я бываю иногда в твоём мире.

— Женщина отошла в противоположный угол комнаты, и вдруг лицо её, руки, одежда засияли таким ослепительным светом, что поэт закрыл глаза руками.

— Вот видишь, служить мне не просто. Открой лицо.

Поэт опустил руки. Перед ним стояла прежняя синеглазая женщина, но весь облик её хранил остатки ослепительного света.

— Ты богиня, — прошептал поэт. — Никогда в жизни не встречал подобных тебе...

— Потому что всегда был слишком занят собой. Тебе недоставало внимательности.

— Это верно, — вздохнул поэт. — Ты сказала, что где-то работаешь...

— Хочешь посмотреть мою работу?

— Да.

Оба замолчали. Наступила та тишина, о которой на земле говорят: ангел пролетел. Из тишины возникла голубая искра, она поплыла к открытому окну и скрылась в нём. Женщина прилегла на диван. Облик её раздвоился. Голова упала на подушку, тело свернулось калачиком, из него тихо отделилась душа. Свет её не был столь ярок, как минуту назад, душа женщины засветилась мягкими красными, жёлтыми, фиолетовыми оттенками, напоминая поэту тюльпан в саду или рисунок на обложке одной из его детских книг. Рисунок он придумал сам и в своё время заказал художнику-оформителю.

— Ты фея. Можно тебя так называть?

— Какая же я фея! Феи порхают среди цветов, как птицы или стрекозы. А мне приходится стирать пелёнки, мыть полы, готовить обеды.

— Разреши мне называть тебя так? — настаивал поэт.

— Две гласных и одна согласная. Хорошо, называй.

Снова наступило молчание, наполненное тихим звоном. Первой прервала тишину Фея:

— Теперь в путь. Если ты не передумал увидеть меня на работе.

Радость креста

Все пропасти ты обошёл сегодня,
А также все соблазны на пути,
За грех чужой был брошен в преисподнюю
И там свои обиды победил.

Настал момент Божественной награды,
Ты к ней готов,
Душа твоя чиста.
И вдруг представь,
Что крест ты нёс не ради блаженства —
Ради нового креста.

И Бог не райской озабочен думой,
А тем, как меньше грешников списать в геенну.
Что на это скажешь, друг мой?
Поможешь ли Творцу бедняг спасать?

Ты в адской топке раз уже обжёгся,
А предстоит и два, и три, и шесть...
Как представляешь мудрость парадокса:
Чем ты святей,
Тем тяжелее крест?

* * *

Они пролетели несколько кварталов над крышами домов и спустились к окнам длинного двухэтажного особняка с тускло горевшей лампочкой у входа. Лампочка освещала слова: «Детский дом». В большой комнате, куда проникли через открытое окно Фея и поэт, спали дети. Ветер слабо шевелил ситцевые оконные занавески.

— Здесь я работаю, — сказала Фея.

— Чем же ты занимаешься?

Не отвечая на вопрос, Фея предложила:

— Посмотри вокруг. Что ты видишь?

Поэт увидел над кроватями парящие и слабо светившиеся тени детей.

— Я вижу души детей.

— Что можешь сказать о них?

— Одни светятся ярче, другие слабее. У многих внутри тёмные пятна.

— А теперь посмотри на меня.

Фея коснулась рукой одной из душ, из неё выскоцила мутная тёмная змейка. Она превратилась в чёрную муху, которая с жужжанием закружилась по комнате. Тёмное вкрапление в детской душе исчезло. Фея притрагивалась к другим душам, всюду происходило одно и то же — грязные змейки, капли жидкости, похожей на чернила, тёмные геометрические фигурки вываливались из детских душ, которые вспыхивали ярче, а рой мух, носившихся по комнате, становился гуще. Поэт едва успевал следить за движениями своей спутницы и за метанием гудящей тёмной тучи. Но вот фигура женщины вновь засияла ослепительным светом, отчего рой мух лихорадочно рванулся и вылетел в окно.

— Они напуганы, — пояснила Фея, приняв свой обычный вид, — и некоторое время не станут здесь появляться. Потом всё равно вернутся. Они привыкли считать души людей своим домом.

— Ты поступаешь с детьми, как с той иконой...

— Дети учатся во сне лучше, чем взрослые. Они запоминают то, что делаю я, и, проснувшись, продолжают работу сами.

— Это и есть твоя работа?

— Да, я работаю здесь медсестрой.

— Платят, наверно очень мало? Ты могла бы стать профессиональной целительницей. Сейчас этим ремеслом занимаются многие. И неплохо зарабатывают.

— Это не для меня.

— Почему?

— Не хочу зарабатывать новые долги.

— Долги? Как могут расти долги у тех, кто помогает людям? — недоумевал поэт.

— Мы можем продолжить наше путешествие, — сказала Фея, когда они покинули детский дом. — Хочешь?

— Ещё как!

— Тогда в путь.

Благополучие и благоотдача

Земная кровь струится без конца
Для клевера, пырея, чабреца.
Трава склоняет стебли под косу,
Чтоб накормить корову и козу.
Глаза коровы отчего грустны?
Мы все её беспутные сыны.
О человек! Не ошибись в судьбе —
Цепь жертвы не замкнулась на тебе.
Песчинка в океане Бытия,
Во власти мощных сил судьба твоя.
Волны барашек, короток твой путь,
Но ты вмещаешь океана суть.
Познанье — цепь.
Схватившему звено
От топоров судьбы уйти дано.
Бессмертья ветры бьют ему в лицо,
Когда вращает вечность колесо.
Всё повторится в колесе миров:
Цветенье трав, задумчивость коров,
Ребенка смех, страданье мудреца,
Влюбленных трепет, мужество бойца,

Вершин тобою пройденных завет.
Но позовет однажды дальний свет
Иных миров и несказанных звезд —
И в сердце не сдержать молитв и слёз.

* * *

Вылетев из города, путешественники всю ночь мчались над тёмной, усеянной светящимися гнёздами поселений землём. Утром поэт увидел море с курортным посёлком на берегу. На окраине посёлка у самой береговой полосы выделялся хорошо знакомый белый особняк — Дом творчества писателей, где поэт не однажды проводил лето.

За столом у окна сидел человек в майке. Перед ним стояли компьютер с принтером и стакан с остывшим чаем. Творческое дело явно не шло, потому что на голубом дисплее светилось пустое пространство, а человек рассеянно наблюдал за прибоем, штурмовавшим каменную стенку набережной.

— Взгляни на его грудь, — сказала Фея.

В лучах яркого южного солнца поэт без труда разглядел большое тёмное пятно, шевелившееся в груди человека.

— Мухи?

— Они самые.

Фея притронулась к груди человека. Пятно распалось на множество черных точек. Мухи покинули грудь человека и закружили по комнате. Человек запрокинул голову, посидел некоторое время в задумчивости, глядя на люстру, потом склонился над клавиатурой компьютера, и его пальцы застучали по ней.

— Та же история, что с детьми, — улыбнулась Фея. — С одной разницей — спустя некоторое время он отправится в буфет «расслабиться». И муhi возвратятся к насиженному месту. Эта история продолжается несколько лет.

— Неужели все эти годы он пишет с твоей помощью?

— Он пишет роман о самопознании.

— У меня было немало знакомых фантастов, — не без ехидства заметил поэт. — И юмористов.

Фея бросила на него быстрый взгляд:

— Себя в нём не узнаёшь?

Поэт промолчал.

— Очень многие взрослые поступают друг с другом, как дети с куклами, — продолжала Фея. — Наставляют других в житейской мудрости, которой не следуют сами... И всё-таки когда-нибудь он сумеет познать себя.

— Ты уверена?

— Иначе я оставила бы его в покое. Он уже знает кое-что и, мне кажется, напишет неплохую книгу. Этот роман может обратить внимание людей на некоторые неотложные проблемы.

— Ты хочешь сказать, что мы многое знаем теоретически, но мало умеем?

— Знать и уметь — одно и то же. Этот человек знает силу постоянства. Он настойчиво добивается своего. У него пока не получается, и он пишет об этом честно. Постоянство усилий и честность — уже неплохо. Совсем неплохо. Очень многим людям не хватает умения честно поглядеть на себя. А с таким человеком можно работать. В этом веке мы инициировали издание множества книг по самопознанию. Мы дали людям большую информацию, которая до тех пор хранилась в секрете. Люди гордятся, что живут в информационном веке. Они даже Бога называют иногда всеобщим информационным полем. Но, к сожалению, наша информация чаще всего остаётся только предметом любопытства. — Фея перевела взгляд с собеседника на стол, за которым работал писатель, и вновь обратилась к поэту. — Посмотри на дисплей.

Пока они разговаривали, писатель набрал на компьютере целую страницу текста и теперь выправлял ошибки, подчёркнутые умной машиной красными и зелёными волнистыми линиями. Он задержался на слове «благоотдача». Какие клавиши писатель ни нажимал, красная полоса на дисплее не исчезала — такого слова в памяти компьютера не было.

Фея улыбнулась:

— Потому что такого слова нет в человеческом обиходе. В письмах, в телефонных звонках, при встречах вы на тысячи ладов склоняете слово «благополучие», желая его другим и, прежде всего, себе. Но никому в голову не приходит пожелать другому человеку благоотдачи. А ведь если хочешь получить благо, кто-то его должен дать.

— Для этого существуете вы, — усмехнулся поэт.

— Мы не отказываемся от этой роли. Но хотим что-то получить и от вас.

— Например?

— Например, мысли признательности, чувство благодарности, хотя бы краткую молитву утром и вечером.

— Так мало?

— Но мы и этого почти не получаем. Наши энергии идут в одну сторону — в бездонную яму вашей затянувшейся инфантильности. Нет обмена энергиями, наша благодать и ваше благополучие превращаются в бессмыслицу.

— И тогда вы насыщаете на нас бедствия.

— Мы никогда этого не делаем. Мы только временно отступаем, и даем возможность вам действовать самостоятельно.

— Понятно. Чтобы мы одумались. Слово «одуматься» можно найти в памяти компьютера, но не в наших головах. Зачем вы тогда так загружаете нас информацией о самопознании, если распорядиться ею, как надо, мы не можем?

— Пока не можете.

— Почему?

— Мы вам не даём сил для этого. За некоторым исключением.

— Ещё раз почему?

— Всё по той же причине, что, подрастая, ребёнок меняет игрушечный автомат на настоящий. Сегодня любое знание используется в первую очередь для убийства. Но кровавая эпоха на земле закончена. Мы закрываем её, оберегая землю. Убийства зашли так далеко, что на очереди Земля...

— Не дадите нам воевать?

— Не дадим. По крайней мере, в прежних масштабах.

— Кто вы?

— Такие, как я, — Фея помолчала и добавила: — С помощью таких, как ты.

— Я плохой помощник, мало думал до сих пор о Боге.

Нас такие прежде всего и интересуют, не слишком рассчитывающие на нас. Мы иногда оставляем людей без попечительства, допускаем даже атеистические эпохи, чтобы только возбудить человеческую самодеятельность.

— В эти эпохи мы такое творим!..

— Конечно, одни катятся в бездну, зато другие обретают путь...

* * *

Не остановишь в умысле мерзавца
Увещеваньем благородным, но
От умысла он может отказаться,
Ударившись о собственное дно.

И если ты ему в минуту боли
Протянешь руку, распри позабыв,
Отступит зло, отступит поневоле,
Хотя бы и во временный отлив.

Но множатся зеленые орехи
На русской ветке, всё ещё живой,
В срок не созрев, без горя и без смеха
Кивнут любому ветру головой.

Без разницы им, где добрей, где злее
Добро и зло творят свои дела
Таких оставь, покуда не созреют
Хотя бы до решительного зла.

* * *

Цель Эволюции

Мы были углем обжигающим,
Золой костища неживой,
И динозавром, всем мешающим,
И всем помощницей травой.
Громадным тигром саблезубым,

Святым отшельником в скиту,
Свирилью нежной,
Гунном грубым,
Поднявшим меч на красоту.
Смиренным сеятелем хлеба,
Душою вросшим в свой посев,
Певцом, чье сердце жаждет неба...
И мы рождались этим всем,
Чтоб всё вместив
И всё изведав
Близи, вдали, вверху, в глуби,
Всё увенчать в себе победой
Всепоглощающей любви.

Учитель по имени страдание

Они летели вдоль берега моря над пустынными песчаными пляжами, над белокаменными городами и посёлками, уютно вписанными в невысокие прибрежные горы. Вскоре Фея резко отвернула от моря, и оба путешественника углубились в гористую местность. Здесь грохотали разрывы снарядов, раздавались автоматные очереди.

— Война? — спросил поэт.

Фея утвердительно кивнула головой.

Две группы людей, одетых в одинаковую камуфляжную форму вели сражение. В небо взлетали клубы дыма, фонтаны земли и камней, срезанные взрывами ветки деревьев, фрагменты человеческих тел. Поэт опустил глаза.

— Ты не выносишь ни яркого света, ни густой тьмы, — заметила Фея.

— Я не люблю крайностей, — подтвердил поэт. И вспомнил где-то вычитанную фразу.

— Будда заповедал серединный путь.

— Серединный — не значит усреднённый. Тропа посредственности очень далека от путей Бога. Если ты ищешь истину, тебе придётся смотреть на всё открытыми глазами. За что сражаются эти люди?

— Если спросить любого из них с той и с другой стороны, ответ будет один — за справедливость.

— Да, ответ будет один, и справедливость в мире одна, но каждый толкует её в свою пользу.

— А вы пытаетесь внушить людям, что справедливость неделима?

— Пытаемся, хотя хорошо понимаем, что результата достигнем нескоро.

— Правильней сказать: вы никогда его не достигнете. Каждый мальчишка, едва научившись ходить, просит папу и маму купить ему винтовку или автомат. Попробуй подойти к тем, кто воюет, поговори с ними о всеобщей справедливости. В лучшем случае над тобой посмеются. В

худшем отстрелят палец, а потом скажут — давай выкуп, иначе отстрелим второй.

— Вот поэтому мы не переоцениваем наших проповедей. Но скоро к ним придётся прислушаться.

— Заставите?

— Время заставит.

— Ты говоришь о времени, как о карающем ветхозаветном боге, — нахмурился поэт. — А как быть со словами — Бог есть любовь?

Фея не ответила. Она резко повернула к линии фронтовой полосы и принялась совершать волнообразный облёт её. Она углублялась попеременно в обе стороны сражающихся людей, стрельба и канонада постепенно стихали. В очистившемся от дыма пространстве стали видны светлые пузырьки душ, поднимавшихся в просторы синего неба. Иногда они резко взмывали вверх, чаще плыли неторопливо или останавливались, словно раздумывая, куда им лететь дальше. К тем, кто останавливался, тотчас летели полчища мух.

— Для них здесь праздник, — сказала Фея, — Кто бы ни победил, они всегда в выигрыше.

— Их здесь так много.

— Как и покинувших тело душ. Но еще больше душ, не успевших это сделать. Тела зароют в землю до того, как души очнутся.

— Представляю этот кошмар.

— Не просто кошмар. Это страшный пир мух. Страдания ничего не понимающих людей — главное лакомство этих тварей.

— Ты назвала мух тварями. Значит, их создал Бог?

— Их создали мы, люди. Каждое мгновение мы создаём: мысли. Иногда прекрасные, чаще низкие. Помнишь, «В начале было Слово». Прекрасное Слово.

— А у нас — мухи.

— У многих из вас.

— Я вспоминаю истины Будды о страдании, — сказал поэт. — И так понимаю: если хочешь прекратить страдания — убей муху!

— Когда она вылетела, её уже не убьёшь.

— Не сотвори муху?

— Да, не сотвори. Но много ли ты знаешь людей, которые задумываются хотя бы над последствиями своих мыслей?

— Мы можем помочь ему? — поэт указал на пузырёк, весь облепленный насекомыми.

— Попробуем.

Фея, а следом за ней поэт приблизились к пузырьку. Мухи тотчас рассыпались в стороны.

Внутри пузырька обозначились очертания человека с закрытыми глазами.

— Что будем делать с ним? — спросила Фея.

— Не знаю, — ответил поэт.

— Я тоже не знаю. Он будет спать, а мы можем носить его с собой очень долго. Может быть, всю нашу жизнь.

— Значит?..

— Значит, мы должны его отпустить. Он будет спать, пока мухи не допекут его настолько, что придётся проснуться.

Поэт и Фея покинули пузырёк, который тихо поплыл к притаившемуся за облаком рою.

Сгущались сумерки. Внизу загорались мирные костры, оттуда долетали обрывки разговоров, песен, смех. А мимо облака, на котором расположились поэт и Фея летели светлые пузырьки. Удаляясь, они светились, как звёзды.

— Герои? — спросил поэт.

— Да, — ответила Фея. — Мухам за ними не угнаться. Любая война ужасна, но в её огне некоторые души зажигаются так ярко, что остальным становится светлее жить. В этом парадокс войн.

— Я вспоминаю генерала, который называл войну гигиеной для человечества. Ты согласна с этим?

— К сожалению, генерал прав. Вспомни, много ли времени прошло с минувшей великой войны, а как обезобразили себя люди всевозможными пороками. Сколько появилось новых ужасных болезней. Они страшнее, чем любая война.

— Зачем же ты остановила сражение?

— Это вторая половина правды, незнакомая генералам. На войне мухи настолько жиреют, что им нужна передышка. Перекормленные страданиями людей, они впадают в спячку. Ты заметил, что после войны у людей прибавляется энергии?

— Но люди ведь тоже не просыпаются.

— Увы. Зато они получают передышку, и мы используем эту передышку, чтобы поработать с ними.

— Ты знаешь, — хмуро возразил поэт, — на земле я немало размышлял о бессмыслице жизни. Но никогда не подозревал, что она так глубока. Войны заканчиваются передышками, передышки — войнами. Неужели вы никогда не научите людей дышать без передышек, дышать без вражды?

— Научить нельзя, можно только научиться.

— И вы ничему не можете нас научить?

— Ничему.

— А Дхаммапада, Библия, Коран?..

— Разве они уменьшили число войн и пороков?

— Но тогда жизнь... — поэт замолчал, подыскивая слова, — тогда жизнь — это великая ошибка Бога. Он создал всё и ничего не может изменить.

— Успокойся, пожалуйста. Я уже сказала тебе, что Бог не создавал ни мух, ни войн, ни пороков. Он создал мир, человека и свободу. Всё остальное — наше рукоделие. Нам дано право творить так, как мы этого хотим. В этом мы равны Богу. Я напомню тебе твои собственные стихи.

* * *

У зла свои расчёты с Богом,
Не ты делам дурным судья.
И доброта выходит боком,
Когда плаксива песнь твоя.

Не говори: «вот я бы, если...»
Мир нехорош — твори другой,
Бросая вызов злобной песне
Своей уверенной строкой.

* * *

- Но почему же мы такие негодные творцы?!
- Потому что зло делать гораздо легче, чем добро.
- В этом искушение свободы?
- Да, это право выбора, без него нет человека. Есть зверь.
- Многие люди задумываются, почему Бог допускает столько зла, столько зверской природы в человеке?
- Потому что каждый человек поднимается из грязи в князи. Он создан из праха земного и дыхания Бога. Праха в человеке пока больше. Открою тебе один секрет. В мире присутствует могущественный Учитель, который выше нас, выше Будды, выше Иисуса Христа. Он располагает мощью превращать земной прах в слёзы мудрости и радости. Сегодня он единственный, кто может всё изменить к лучшему и всему научить...
- Кто же он?
- Этого Учителя зовут Страдание. Пришло время, когда измученные его уроками люди должны начать единственную по-настоящему справедливую и священную войну — войну с собой, со своей низостью, с мухами. В Коране такая война называется джихад, Большой джихад. Наше дело — помочь людям понять это. А для начала...
- ???
- Для начала нужно научиться — не бояться Учителя по имени Страдание.
- Некоторые из тех, кто воюет внизу, не боятся даже умереть.
- Да, есть и такие храбрецы, которые убеждёны — чем больше людей они убьют, тем скорей попадут в рай. Бедняги думают, что джихад — это то, чем они занимаются.
- Тёмная тучка поравнялась с той, на которой беседовали поэт и Фея, и проплыла вперёд.
- Сделалось совсем темно.
- Иногда мне кажется, — сказал поэт Фее, — что, ничего, кроме страданий в мире не существует. Редкие мгновенья счастья не идут в счёт.
- О том же самом говорил Будда.

— Но ведь борьба с самим собой — это тоже нескончаемый конфликт, а значит, вечное страдание. Скажи — постоянное счастье возможно?

— Я рада, что ты так заговорил.

— Я спрашиваю.

— Ты знаешь...

— Да, я знаю многих учителей, которые обещают сделать нас счастливыми — научить медитациям, снять дурную карму. Чем больше заплатишь, тем скорее освободишься от страдания.

— Оставим в покое таких учителей. Счастье не требует ни денег, ни медитаций, ни чтения книг. Оно ничего не просит, только даёт. Стоит не бояться страдания, протянуть ему руку, заглянуть ему в глаза — и оно превращается в счастье.

— Не понимаю.

— Не говори так. Ты понимаешь. Ты всё понимаешь сердцем. И не хочешь, не можешь понять умом. Ты пытаешься рассуждать о том, с чем никогда не согласится твой ум. Было время, когда в мире господствовали радость и счастье. В ту пору люди жили только сердцем, они не обладали умом. Они были как цветы, как деревья и птицы. Но они захотели стать богами. Такими, как мы.

— И вкусили от яблока познания? Эту притчу об утерянном рае мы уже проходили.

— Но не до конца усвоили. Да, ребяческий ум говорит, что яблоко познания подсунул нам сатана, что он наполнил нашу жизнь скорбью. Но зрелое сердце знает — только пройдя через скорбь, оно познаёт настоящую радость. Ту радость, которую заповедал Бог.

Человечество проделало долгий путь исканий, путь обретения ума, путь борьбы ума и сердца. Теперь пришло время завершить путь страдания. И начать новый путь...

— Где ум соединён с сердцем? Эти слова я тоже слышал.

— Все истины давно сказаны. Дело теперь за тем, чтобы их осуществить. Ум и язык могут повторять что угодно, но заглядывать в сердце не хотят. Ум привык верховодить, считать себя превыше всего. Хотя ничего никогда не создал. Все открытия науки, все творения человеческих цивилизаций всегда создавались сердцем. А ум пытается всё присвоить себе. Поэтому мы страдаем.

— Скажи, Фея, заглянуть в сердце и в глаза страданию — это одно и то же?

— Да.

— Я, кажется, начинаю понимать тебя.

— Ты начинаешь понимать себя. Ты ставишь на место зазнайку — ум. Как только мы ставим его на место, он становится тем, кем ему и положено быть — рабочей лошадкой, компьютером. Его дело — осознавать мир и подчиняться сердцу.

— Но страдание...

— Разве не оно вывело тебя на встречу со мной? И может быть, благодаря ему, ты когда-нибудь встретишься с Тем, кто, пройдя через мученический крест, познал вечное блаженство, блаженство любви к людям. Он заповедал своим примером закон: если хочешь спасения и вознесения — иди на распятие. Люди же всё перевернули: Они решили, что Он взял их грехи на себя...

— Конечно, кому хочется...

— Не хочется на крест — поведут... — Фея испытующе поглядела на поэта.

— Кто? — спросил он.

— Учитель по имени Страдание.

— Страшный Учитель.

— Радостный Учитель. Единственный, ведущий к счастью.

— Помню, написал когда-то стихи об этом. И только теперь понимаю, о чём в них речь.

— Я люблю слушать твои стихи. Они знают больше, чем ты, — сказала Фея.

— Да, Фея, ум не самое моё сильное качество.

* * *

От бед не раз я прятался, не скрою,
Но догоняла каждый раз гроза
И львицей наклоняла надо мною
Безжалостные жёлтые глаза.

И стало мне от львиных взглядов скучно,
Не улыбнуться грозам я не смог.
Тогда они легко и добродушно
Болонками запрыгали у ног.

Прости, судьба, за многие напраслины,
Что возводил я на тебя в пути.
Все беды и все собственные праздники
Я сам себе устраивал. Прости.

Диктатор ждет своего часа

Который год перемывают кости,
Полощут имя грозное в грязи.
Покойникам нет мира на погосте,
Нет и живым покоя на Руси.

Нам говорят, что он до самой смерти
Был дружен с князем тьмы, но отчего

Трепещут и неистовствуют черти
До сей поры при имени его?

Иная власть вошла сегодня в силу,
Рвёт нас на части тёмная орда.
Да, страшен был, но он довёл Россию
В исправности до Страшного Суда.

И будет ли Огонь Последний легче,
Чем лагерей и тюрем жернова?
Теперь надежда вся на наши плечи,
Коль слабой оказалась голова.

* * *

Рано утром, когда солдаты ещё спали, Фея и поэт покинули облако. По-прежнему внизу проплывали чудесные уголки природы, но характер поселений изменился — брошенные поля и фруктовые сады сменялись здесь с неухоженными домами, Из окон многоэтажек здесь и там торчали металлические трубы, валил дым. Сделав круг над одним из городков, поэт и Фея приземлились возле небольшого дома. Рядом с домом высилась массивная статуя человека, бесчисленные изваяния которого еще недавно можно было встретить повсюду в России.

— Узнаёшь? — спросила Фея.

Поэт кивнул головой.

— Теперь посмотри туда.

Со стороны горизонта в лучах заходящего солнца к городу медленно приближалась большая фигура человека в белом мундире с погонами, на каждом из которых сверкала крупная звезда. Смуглое величественное лицо, жёлтые глаза, золотая звёздочка на груди. Высохшая полусогнутая рука выглядела теперь здоровой.

— Похоже, что он готов действовать обеими руками, как раньше управлялся с людьми одной, — усмехнулся поэт.

— Похоже. У него слишком много помощников в нынешней России.

— Ты имеешь в виду стариков и старух?

— Я имею в виду всех, кто поносит его имя сегодня. Обрати внимание, даже фашистского главаря поминают куда реже, чем его. Как ты думаешь, что это может означать?

— Один мой коллега сказал бы: «Он для нас живее всех живых...».

— Именно так. Когда о чём-то или о ком-то отсутствующем слишком много говорят, это верный знак возвращения. Тем более что он гораздо сильнее и живучей всех его критиков. Он наготове, он ждёт своего часа.

— А вы ничего не можете сделать, чтобы предотвратить его приход?

— Мы не можем идти против закона и против воли людей. Всё складывается в его пользу... — Фея помолчала, вглядываясь в выражение лица поэта. И закончила фразу.

— Поэтому мы не будем препятствовать его приходу.

— Не препятствовать приходу этого чудовища?!

— Не повторяй чужих глупостей. Он не столько чудовище, сколько сила, отражающая тайные желания людей и тысячекратно их усиливающая. Люди захотели порядка и стабильности, и он аккумулировал желания миллионов. Люди боялись друг друга, подозревали каждого, кто не разделяет общих настроений, и он воплотил это желание, создав систему всеобщей подозрительности и жесткости. На все, что происходило со страной, — и на хорошее, и на плохое, — он наложил отпечаток своей мощной жесткой личности. Но пойми: если бы не он, твою страну давно бы разорвали на куски. Из нее выпили бы всю кровь мухи. Еще в начале ушедшего века.

— Вот как! Я начинаю понимать, кое-что.

— Что же именно?

— Роль тех, кого ты называешь «мы». Один мистик видел в трансе, как этому диктатору помогали сатанинские силы, посыпали энергии в его ночных бдениях.

— И ты поверил мистику! — В голосе Феи зазвучала горькая ирония.

— Неужели ты всерьёз полагаешь, что сатана обладает какими-то самостоятельными энергиями? Мой бедный друг, и ты, и я, и всё на свете, в том числе сатана, питается одними энергиями — Божественными.

— Но помогать злодею!..

— Разве солнце светит не всем? Да, мы умеем собирать Божественную силу, как линза собирает солнечные лучи, и посыпаем эту силу в концентрированном виде тем, от кого зависят судьбы человечества. Мы посыпали силу и ему, потому что не было другого, кто сумел бы взять ответственность за твою страну, за мою страну. Болтунов всегда много, работников мало.

— Но можно было действовать другими методами.

— Какими? Мы всегда стремимся убедить людей, прибегая к наименьшим жертвам, но люди склонны к наибольшим. После ухода этого человека с земного плана мы старались сделать все, чтобы его время не вернулось. Наконец, мы отдали власть его противникам. И как они воспользовались этой властью? Они по-прежнему винят его во всех грехах, но на что способны сами? Твоя страна разваливается на глазах.

— Значит, вы не будете препятствовать его возвращению?

— Разве это наш выбор? Если бы всё зависело от нас, он никогда бы не вернулся. Но люди делают иной выбор. В пользу господина Абсурда. Ты слышал о таком?

— Имел честь встречаться с подданными, но самого его не видел.

— И не увиديшь.

— Местожительство законспирировано?

— Не поэтому. Его просто не существует.

— Как не существует?

— Очень просто — такой сатана, о котором говорят люди, в природе отсутствует.

— Я вспоминаю известный афоризм: «главная победа сатаны в том, что он убедил людей в своём отсутствии».

Фея пристально взглянула на поэта:

— Дело обстоит как раз наоборот: главная беда людей в сътворении мифа о сатане. Таким способом они создали себе возможность переложить причину зла на чьи-то плечи. Бес попутал — и взятки гладки.

— Но разве бесы не существуют?

— Конечно, существуют. Их создали люди.

— И сатану?

— И сатану. Если бы сатану создал Бог, пожалуй, он перестал бы называться Богом. Получается порочный круг.

— Получается. И человечество не вырвется из него, пока не захочет разорвать круг своего порока.

Поэт переменил тему разговора:

— Тот мистик, о котором мы говорили, описал загробный мир, населенный разными жуткими чудовищами. Мы видели только мух. Есть мир, где живут чудовища этого писателя?

— Это зависит от взгляда на жизнь.

— Не понимаю.

— Твой мистик смотрел на жизнь как на кошмар, поэтому мухи казались ему чудовищами. Так воспитал его отец, ты знаешь этого певца безысходности. Он с детства внушал своему сыну страх перед жизнью.

— А как смотришь на мух ты?

— Как на несчастных тварей. Слуг господина Абсурда.

— Но если все и всё служит Единому Богу, то, выходит, прав Голавль: сатана тоже служит Богу?

— Конечно! Кому еще он может служить?

— Твоя логика выглядит странно — сатана существует и не существует.

— Именно так — он фантом, созданный воображением людей. Чем больше ужаса в него вкладывает человеческая фантазия, тем сильнее он бьёт по фантазёрам.

— А вам от него не бывает больно?

— Достаётся и нам. Мы ведь разделяем с вами все ваши беды.

— Даже вам достаётся? Это не слишком обнадёживает.

— Что же делать, и нам приходится пробираться по тупикам, созданным людьми. Но если никакие наши средства не помогают людям выбраться на свет, мы отступаем и передаём их во власть их собственному порождению — господину Абсурду.

— Но он может такое натворить!

— Он натворит ровно столько, сколько нужно, чтобы привести вас в чувство.

— Ты делишь людей на вас и нас.

— Только потому, что такое разделение породили вы сами. А ещё потому, что в вас живёт господин Абсурд, а в нас — его нет.

— Но он фантом!
— Да, отдельно от вас он не существует. Он — это вы.
— А Бог?
— Это — вы и мы.
— Значит, и Бог — фантом?
— Для вас Он фантом, для нас — реальность.

* * *

Солнце в Гизе закатное шает,
Тишина опускается вниз.
Две фигуры судьбу вопрошают —
Грустный путник
И каменный Сфинкс.

Путник где-то услышал случайно,
Что как только загадочный зверь
Рухнет наземь,
Откроется тайна —
Обнажится заветная дверь.

Под пластами гранита и глины
Уведёт она в залы дворца,
Где хранится папирус старинный,
А в папирусе — планы Творца.
Сверху сумрак прохладный сочится,
Снизу стелется тень пирамид.
— Что со мною в грядущем случится? —
Грустный путник Творцу говорит.
— Человек, ты подобие сфинкса. —

Тишина отвечает ему. —
Ты с обличием собственным свыкся
И боишься его. Почему?

Я не знаю, что будет с тобою
И со Мной, потому что люблю
Тайну жизни и с общей судьбою
Я, конечно, свою разделю.
Я всего лишь твой временный зодчий,
Охраняю тебя до Суда.
Ты меняешь мои оболочки,
Я же камни свои — никогда.

Я завет наш вовек не нарушу,
Я поклялся святым Небесам

Дать свой образ тебе, чтобы душу
Ты в страданиях выстроил сам.

Ты же в присных трудах и вчерашних,
Как ребёнок, пыхтя и сопя,
Воздвигаешь песочные башни,
Убегая всю жизнь от себя.

Я твой вечный слуга, человече,
А не ты мой. Себя оцени,
Чтобы вместе расправили плечи
Мы с тобой в наши Судные дни.

Солнце в Гизе закатное шает,
Светлый день отправляется вспять.
Ничего на земле не мешает
Грустным путникам Сфинкса понять.

Безумие и терпение

— Фея, ты сказала, что вы не станете мешать диктатору вновь прийти к власти, потому что не можете поступить против закона и воли людей...

— Это так, — в голосе Феи зазвучала страстная горечь. — Не в наших силах остановить человеческое безумие. Одни зовут его сегодня, чтобы навести порядок в стране. Хищники привлекают своим воем, критики — страхом. Существуют некоторые другие причины...

— Какие ещё?

— Некоторые люди обвиняют его в грехах, которые они породили сами, приписывают ему мысли, которые вынашивали и вынашивают до сих пор.

— Ложь наказуема?

— Всегда. Лжецам придётся встретиться с ним с глазу на глаз. Я уже говорила тебе — мы не можем идти против власти закона.

— Но он уничтожил множество людей! — не сдавался поэт.

— Когда снежная лавина обрушивается на село, кого мы виним? Когда революция одерживает победу, разве не победители платят по её счетам? Да, он уничтожил много людей. Но сегодня гибнет гораздо больше через аборты, наркотики, водку. Страна героев, страна учёных и мечтателей постепенно превращается в страну наркоманов, проституток и педерастов. Вы снова совершили революцию. Прежнюю назвали великой, а эта...

— Желудочно-сексуальная.

— Ты хорошо сказал.

— Разве нет иного выхода, как отдать власть ему?

— Есть. Землетрясения, наводнения, пожары и подобные дела. Но это уже не по нашей части. Это по ведомству природы и Учителя по имени

Страдание. Диктатура природы куда серьёзней человеческой. Если мы не можем остановить человеческое безумие, то природа с ним справляется всегда.

— Бедствия были во все века.

— Конечно. И почти всегда они вразумляли людей. Я сообщу тебе ещё кое-что. К Земле приближается неизвестное вам, но известное нам космическое тело. Его называют разными именами: кометой, астероидом, звездой Тишия, Мулам Стар. Ваши учёные предсказывают неизбежное столкновение этого тела с Землёй и предлагают встретить его в космосе ракетой с очень мощным ядерным зарядом, чтобы отклонить траекторию полёта. Это тоже подсказка господина Абсурда. С Землёй тогда бы произошла непоправимая катастрофа. Потому что это тело, как и Солнце, в течение миллионов лет помогает людям развиваться.

— Каким образом?

— Один раз в двадцать пять тысяч лет оно проходит вблизи Земли и убирает всю накопившуюся за это время грязь. Физическую и психическую. Сжигает её своими энергиями. Теперь вообрази, что стало бы с Землёй, если бы посланная ядерная бомба отклонила бы траекторию «звезды»? Случилось бы то, что бывает с городами во время забастовок мусорщиков. Но уборка земного мусора — только часть дела этой «звезды». Она положит начало новому эволюционному циклу, введёт Землю в новый энергетический режим...

— Похоже на фантастический роман.

— Какой роман! Разве геологическая история Земли не оставила следы таких перемен, когда исчезали целые виды и классы животных и людей и появлялись новые?

— Что же могут сделать бедные люди?

— Для начала не изобретать безумные проекты бомбардировки посланцев Космоса. Борьба с Космосом — нечто новое в истории человеческих цивилизаций. До такого безумия человек ещё никогда не доходил.

— Средства массовой информации не устают нас пугать страшилками — инопланетянами, которые мечтают завоевать Землю.

— Это продолжение той же темы человеческого безумия. Космос не враждебен человеку, наоборот, он очень озабочен состоянием земных дел. В начале прошлого века на Землю был послан сгусток энергии, который назвали тунгусским метеоритом. Какие только фантазии на эту тему не изобрели люди! И метеорит, и разбившийся космический корабль, и ядерная бомба, нацеленная на Землю. Но никто почему-то не задумался, почему чудовищный взрыв в Сибири не уничтожил ни одного человека, почему этот взрыв произошёл в безлюдном месте, почему не нашли ни одного осколка от взорвавшегося корабля или астероида. Наконец, никому не пришло в голову, что двадцатый век был заряжен такой энергией, какой не знала предыдущая история Земли. Жаль, конечно, что большая часть этой энергии ушла на невиданные революции и войны.

— Но всё-таки страшные пришельцы существуют?

— Более страшных и безумных инопланетян, чем люди, нет нигде. По крайней мере, в Солнечной системе.

— И, тем не менее, вы с нами работаете.

— Работаем. Потому что самые интересные, самые горячие и вместе с этим самые терпеливые обитатели Солнечной системы — это вы, люди.

* * *

Завертело нас время, завьюжило
Даль теряется в снежной пыли.
Вяжет жизнь в ежедневное кружево
Либо крестики, либо нули.

Быются судьбы, взрываются здания,
Всюду плач
И дурной перепляс.
Столько горя, что на сострадание
Не хватает ни нервов, ни глаз.

И тогда наступает спокойствие,
Напряжённое, словно струна.
Пусть всеобщая вера расколется,
Упадёт на колени страна,

Встанет вновь, потому что обычный
Человек — не святой Серафим,
Усмиряет распад безграничный
Безграничным терпением своим.

Праздник в холдинге

...Внизу показался большой южный город. Поэт сразу узнал его по облакам серо-жёлтого смога, висевшего над домами. Он не однажды бродил по широким центральным проспектам этого города, по узким улочкам окраин. В храмах можно было встретить обезьян, на проезжей части улиц — разукрашенных слонов с позолоченными бивнями. На любом, мало-мальски свободном от пешеходов клочке земли располагались уличные торговцы. Они продавали всё, что может пригодиться в обиходе темнокожим местным жителям, а также всё то, что действовало на воображение многочисленных белых туристов. Горы экзотических овощей и фруктов соседствовали с бронзовыми изображениями богов, рулоны разноцветных тканей — с веерами из павлиньих перьев. Шустрые мальчишки настойчиво совали в руки туристов буклеты с изображениями местных дворцов и храмов, храмовых барельефов в штате Орисса, эротику «Камасутры». Рядом на рекламных плакатах улыбающиеся физиономии звали выпить кока-колы и

пива «Туборг». Тощие, малорослые коровы с иссохшим выменем бродили среди этого торгового великолепия, роясь в куче отбросов. Иногда они совали морды в оранжевые горы апельсинов или в желто-зелёные груды бананов. Торговцы могли замахнуться на коров, чтобы отогнать, но поэт никогда не видел, чтобы кто-то ударил животное.

И теперь, когда поэт и Фея кружили над городом, выбирая место, где можно было отдохнуть, перед ними разворачивались знакомые картины.

Они пролетали возле знаменитого во всём мире храмового сооружения, где всегда дежурили и на этот раз собрались многочисленные нищие, осаждавшие туристов.

Калеки выставляли напоказ свои страшные увечья: изуродованные проказой руки и ноги, незаживающие язвы. Маленькие женщины, почти девочки с детьми на руках лезли у светофоров едва ли не под колёса тормозивших автомобилей, чтобы успеть протянуть в салон машины руку за милостыней. Поодаль от храмового комплекса спали на асфальте представители самых низших каст — темнокожие диогены, обладатели единственной собственности — одеял, которыми и укрывались. Иные ненадолго просыпались, чтобы тоже протянуть руку, куда прохожие могли бы бросить несколько монет. Тогда обладатель одеяла подзывал уличного торговца с термосом, покупал небольшой стаканчик чаю и блинчик — чопати, снова заворачивался в своё одеяло и продолжал спать.

Поэту приходилось бывать в разных восточных странах, где нищих на улицах тоже встречалось немало, но нигде ему не приходилось видеть столько ужасных калек, как в этой стране, с древних времён славящейся своей мудростью.

— Почему их здесь так много? — спросил он у Феи.

— Потому что страна мудрости помогает им стать людьми.

— Бывшие грешники?

— Да. Вот этот с изъеденной проказой правой рукой был в прошлом надсмотрщиком на рисовой плантации. Жестоко бил рабов плетью. Тот слепой с заячьей губой работал охранником в концентрационном лагере...

— Но ведь они о своём прошлом ничего не знают. Вряд ли этот жестокий урок пойдёт им на пользу.

— Обязательно пойдёт. Мудрость — дитя страдания и мать его. Земное сознание человека может не помнить о совершенных преступлениях, но глубинная сущность всё помнит и на всё реагирует. Правда, может быть, им придётся пройти несколько таких уроков, прежде чем они переменятся...

— Но почему они расплачиваются за содеянное именно в Индии?

— Потому что здесь никто не помешает исполниться закону. В Индии воплощены очень многие злодеи, при этом воплощены в таких условиях и в таких телах, что не могут совершить новое злодейство.

Путники опустились на плоскую крышу многоэтажного дома, откуда открывался вид на ухоженную часть города, зеленевшую парками и белевшую нарядными особняками.

— Скоро мы прибудем к конечному пункту нашего путешествия, — сказала Фея.

— Он здесь?

— Да. Он здесь, в этой стране.

— Я бывал в этой стране шесть раз, — вздохнул поэт, — и пришёл к выводу, что господин Абсурд постепенно добирается и до неё. Уличное движение с каждым годом становится напряжённее, дышать на улицах всё тяжелее, реклама назойливее...

— Ты заговорил о господине Абсурде, — подхватила тему Фея. — В его Системе сегодня проходит праздник. Хочешь, побываем там?

Поэт засмеялся:

— Конечно!

Путешественники мысленно сосредоточились и мгновенно оказались перед воротами компании «Мороженый Голавль». Охранник не успел даже схватиться за автомат, как оба путника перелетели через стену, отделявшую демократическую монархию от остального кладбища.

На площади перед стеклянным павильоном Сэра Голавля было устроено нечто вроде открытого летнего театра с эстрадой и рядами скамеек, где сидели по левую сторону мухоподобные, по правую — рыбообразные. В павильоне Голавля рядом с ним находился сэр Дарёное Чучело и несколько других, судя по виду, важных сановников.

Увидев поэта и Фею, Голавль почтительно привстал из-за стола и помахал рукою, приглашая их к себе в павильон.

Здесь путешественников встретили настороженно — колючие глаза спутников Голавля и философски задумчивый взгляд сэра Чучело.

— Хозяин отпустил его с постамента, — пояснил Голавль. — Ради нашего традиционного ежегодного торжества.

— Рад познакомиться, — представился поэт. — Хайль!

— Видимо, вы хотели сказать — хай¹⁴? — вежливо поправил гостя сэр Чучело.

— Да, я хотел вас приветствовать именно так, как вы сказали. К сожалению, я плохо воспитан и не силён в английском.

— Увы, — тактично поддержал поэта сэр Чучело, — в тоталитарное время мы все учились понемногу и как-нибудь. Ну что ж, здравствуйте. Я тоже когда-то говорил на плохом английском и смешивал социальные утопии с истиной. В скверный коммунальный борщ добавлял, так сказать, рыночный кетчуп. И получилась в результате, чёрт знает, какая похлёбка, — сердито закончил он.

— Не огорчайтесь, — успокоил собеседника поэт. — В *той* вашей жизни вся страна до сих пор вспоминает ваши замечательные труды по экономике развитого социализма. И сожалеет, что вам не предложили должность в высшем тоталитарном руководстве прежней, доперестроечной страны.

¹⁴ «Хай!» — привет!

— И сейчас не поздно, — скромно потупился сэр Чучело.

— Вы знаете, мне пришла в голову одна интересная мысль, — воодушевился поэт, — вы могли бы поменяться ролями с вашим другом сэром Голавлем. Почему бы ему какое-то время не постоять на площади Свободы рыночного слова.

— Голавль бросил гневный взгляд на поэта:

— Прекратите полемику, сэры! Мы начинаем.

Духовой оркестр бодро грянул аргентинское танго, постепенно переходящее в одну бравурную одесскую мелодию. Зажглись мощные юпитеры, в их свете поэт смог прочесть надписи на двух транспарантах над сценой. На одном красно-зелеными буквами по чёрному фону значилось: «Из всех искусств для нас важнейшим является \$. Sir Guy-дар». Сбоку красной краской на белом лоскуте было добавлено: «плюс евро». Второй слоган, выдержаный в чёрно-голубом колере гласил: «Гуманизм есть демократическая монархия плюс своевременная плата за электрификацию твоего аквариума. Sir Chub-ice».

После музыкальной увертюры Голавль склонился над установленным на его столе микрофоном и торжественно-приподнятым голосом начал речь, которую усилители разносили по площади:

— Мы открываем наш праздник, посвящённый очередной годовщине освобождения от тоталитарного режима. Этот режим навязывал нам длинные, скучные речи бездарных политиков и столь же казенные выступления артистов. Слушать их было невыносимо тошно. Памятуя печальный опыт прошлого, не стану вас утомлять долгим официозом, буду краток. Место тоталитаризма заняла рыночная харизма. Вы слышите, — Голавль по-отечески добродушно ухмыльнулся, — я уже начал сочинять стихи. Тут мне спичрайтер ещё кое-что написал, — он стал перебирать в руках листки бумаги. — Но я сокращаюсь, заканчиваю и уступаю место артистам. Сейчас перед вами выступит супружеская пара народных артистов нашего холдинга, я не стану называть их имена, потому что вы их все хорошо знаете. Они начали свою деятельность ещё в нецивилизованное время, когда мастеров искусства вынуждали петь песни о жалких тоталитарных ценностях: розах, регламентированных отношениях мужчины и женщины, а также разного рода сентиментальных химерах. Теперь мастера нашей поистине народной попсы полной грудью воспеваю реальные ценности здорового рыночного общества. Итак, знаменитый шлягер, слова которого звучат в наших сердцах так пламенно и современно. Артисты, просим вас!

Под звуки аплодисментов на сцену выпорхнули он и она. Она — стареющая львица в пачке балерины, открывавшей мощный хвост, обтянутый розовым трико. Он — помоложе, в сверкающем одеянии, напоминающем не то вечернее женское платье, не то римскую тогу. Его рыбий хвост был традиционно голубого цвета. Он запел:

Звали певца Филимон,
Звали певицу Мадам.
Шёл на свидание он,
Денег ей нёс чемодан.
Она подхватила:
Миллион, миллион, миллион
Вижу я, вижу я, вижу я из окна.
Кто влюблён, кто влюблён, кто влюблён...
в миллион...

Оркестр сделал паузу, певица мило улыбнулась и закончила шлягер чарующе-задушевным голосом:

Все цветы, все цветы, все цветы...
на хрена!

— Поясняю: меня завалили розами, — с усталой улыбкой добавила она, — собака моя их не кушает. Так что умоляю вас — не дарите мне их, не дарите!

Очаровательная откровенность певицы тронула зрителей. Публика взорвалась аплодисментами. Тысячи тонких лапок тянулись вверх и дружно хлопали в ладоши над головами. Несмотря на просьбу певицы, на сцену летели розы, а со сцены к зрителям валили клубы буро-малинового адского дыма. Раскланявшись, супружеская пара удалилась. Голавль в микрофон объявил следующую номинацию:

— Сейчас вы услышите ещё один дуэт — частушки в стиле «кантри». Исполнители — Матрёна Джонсон и Агафья Петерсон. Аккомпанирует оркестр русских народных инструментов под управлением заслуженного артиста холдинга Тихона Голденхэрра.

На сцену высыпала группа оркестрантов с банджо и саксофонами, следом выплыли две певицы в алых сарафанах и таких же сапожках, с кокошниками на голове. Одна пронзительно заголосила:

Я ходила к Чучелу,
Мой животик вспутило.
Пепси-колы попила
И поправила дела.
Ой, люли, ой, люлю,
Сэра Чучелу люблю.

После бурного оркестрового проигрыша вторая частушечница баритоном подхватила:

За квартиру не платила,
Заморозил меня милый,
Продала колечко,

Оттаяло сердечко.
Ой, люли, о-ля-ля,
Обожаю Голавля.

Павильон замер. Замерли и зрители, очевидно не решаясь выдать какую бы то ни было реакцию на столь кощунственные тексты. Все как одна головы зрителей с напряженным вниманием обратились в сторону Голавля. Но он только добродушно развёл руками и лениво захлопал в ладоши. Тотчас грянула овация, перекрываемая визгом и криками: «браво!», «мор!», «канкор!»¹⁵.

— Вот что значит здоровые народные корни! — прокомментировал Голавль. — Приходится кое в чём согласиться с тоталитаристами — любовь к настоящему вождю и к монархии в народе неистребима.

Уже знакомые поэту подземный гул и треск резко оборвали речь руководителя холдинга. На этот раз трещину дал асфальт почти у самых дверей павильона. Его хозяин и гости оцепенели. Публика поднялась со скамеек, но реагировала на происходящее довольно вяло. А подошедшая к павильону группа мухообразных смотрела на то, как стеклянное строение наклонилось и стало сползать в яму, с угрюмым любопытством и, как показалось поэту, даже с некоторым злорадным нетерпением.

Первым проявил присутствие духа Сэр Голавль. Он вызвал по телефону спасателей. Однако трещина росла слишком быстро, подбираясь к сваям, на которых стояло стеклянное сердце Системы. И тогда решительно поднялся с кресла сэр Дарёное Чучело.

Он вынул из кармана несколько пачек долларов, проглотил их, отчего объём его талии заметно увеличился. Чучело открыл дверь и шагнул в сейсмическое Неизвестное. Скорее это были даже не шаги, а прыжок на хвосте, своего рода сальто-мортале, неожиданно-ловкое для тучной фигуры сэра Дарёное Чучело. Его голова исчезла в трещине, но полное тело застряло в ней, а голубой хвост упёрся в стеклянную стенку павильона. В таком положении сэр Чучело удерживал накренившийся павильон в течение нескольких минут, пока не подоспели спасатели.

Когда прибывшие эмчээнники общими усилиями извлекли верхнюю часть туловища самоотверженного толстяка из трещины и залатали дыры в асфальте, сэр Чучело вытер носовым платком испачканное землёй лицо и, характерно причмокивая, тихо, но отчётливо, пробормотал:

— Теоретиков демократии много...

Его моментально прервал Голавль. Склонившись к микрофону, он с пафосом воскликнул:

— Сэр Чучело уже вторично спасает наше отечество. Первый раз он грудью заслонил павильон во время попытки путча тоталитаристов. Позвольте от вашего и моего имени наградить великого соотечественника второй золотой звездой Героя холдинга.

¹⁵ «Браво!», «мор!», «канкор!» — ещё!

Оркестр вновь бодро заиграл аргентинское танго, постепенно переходящее в бравурную одесскую мелодию.

— Что вы скажете обо всём увиденном? — обратился Голавль к Фее после того, как прикрепил к груди своего друга сверкающую звёздочку.

Фея не ответила.

— Мы на правильном пути?

Фея вновь промолчала.

И тогда весёлое, ироническое лицо сэра Голавля вдруг исказилось жалобной гримасой, он расплакался. Вслед за ним захныкал и сэр Чучело. Непривычно было видеть слёзы и детскую гримасу отчаянья на лицах этих джентльменов, всегда сдержанных в выражении чувств.

— Сколько ни стараешься, доброго слова не дождёшься! Я, конечно, знаю, что должен заплатить все долги по карме, — всхлипывая, жаловался Голавль. — Но вы тоже должны проявить милосердие. Разве мы безнадёжные злодеи? Сказал же Господь: и прощу вам долги ваши, яко же вы прощаете должникам вашим.

— Господь немного не так сказал, — вмешался в разговор поэт. — Но вы-то своим должникам не слишком прощаете.

— Не вмешивайтесь в то, чего не понимаете. Это мой главный файл, я вынужден за него держаться — продолжал плакать Голавль.

— Будьте мужчиной, — остановила его Фея. — Лиших долгов с вас никто не взыщет. И потом, мы ведь не налоговая инспекция. Платите сами по собственным счетам.

— Но я наелся грязи, — уныло твердил Голавль.

— А я долларов, — размазывал по лицу слёзы сэр Чучело.

— Рвотный эффект — это хороший признак, — сказала Фея. — Можно начинать лечение.

— И вы вылечите нас? — в один голос с жадным любопытством спросили Голавль и Чучело.

— Постараюсь, если постараешься и вы, — ответила Фея.

Голавль вытер слёзы. Глядя на друга, приободрился и сэр Чучело.

— Я знаю, — сказал Голавль трагическим голосом. — От кармы не уйдешь. Но я твёрдо держусь за главный файл.

* * *

Из древнего манускрипта

Великое право нам смертным дано —

Упасть без боязни

На самое дно.

Вручен нам на долгие годы завет —

Со дна выбираться без страха

На свет.

И просят нас боги всю жизнь об одном —

Не плавать по-рыбы

Меж светом и дном.

Кое-что о свободе воли

...Поэт и Фея мысленно вернулись на крышу своего многоэтажного здания и взмыли в небо. Они полетели на север. Сначала их путь пролегал над густонаселенными равнинами. Потом пошли горы, безлюдные плоскогорья, сверкающие на солнце соляные озёра. За ними расстилалась каменистая пустыня с зелёными островами оазисов, куда тянулись навьюченные поклажей караваны. Поэт и Фея решили сделать остановку неподалеку от одного такого оазиса. Рослые верблюды высокомерно и медлительно пережёывали свою жвачку, их хозяева под пальмами пили чай. После недавнего военного грохота, после ободранных домов и запущенных садов, наконец, после шумного балагана в ведомстве Голавля здесь всё дышало миром и радостью.

— Ты о чём-то хотел меня спросить? — сказала Фея, поймав взгляд поэта.

— Я не понял слова Голавля о файле, о главном файле.

— Но у тебя же был в той жизни компьютер?

— Был.

— Мы вооружили вас этой игрушкой, чтобы вы как можно скорее ушли от множества второстепенных файлов, от тех ненужных жизненных нитей, которые отнимают у вас столько сил. Есть главный файл, главная нить, единственная... Она невидима, но она существует. Теперь ты понял?

— Не очень.

— Можно множество веков бродить по горизонтальным файлам жизни и никогда не добраться до вертикального. Ухватиться за главный файл — значит, выйти на Того, кто придумал компьютер и обеспечивает его программами...

— То есть на вас?

— На нас.

— Но Голавль тут при чём?

— Для него главный файл — довести свою жизнь до полного Абсурда. Он её довёл. Залез в собственную яму и теперь не знает, как из неё выбраться. Поэтому путь у него один...

— Барахтаться в яме до конца?

— Вот именно.

— Но зачем же ты тратишь силы на него?

— Иначе он впадёт в отчаянье. Кроме того, он сделал одно важное дело — способствовал разрушению омертвевшей общественной системы.

— Чтобы создать ещё более мёртвую, где каждый гребёт под себя.

— Это характерная черта конца Кали-юги — люди слой за слоем освобождаются от мёртвой кожи, и поэтому каждый занят главным образом собой. Так уничтожаются иллюзии.

— Голавль занят не только самим собой. Он обманул народ целой страны.

— Лечить нужно всех.

— Даже такого негодяя?!

Глядя на темнеющую вдали гряду гор, Фея возразила:

— Несчастного беса...

— Чтобы он, вылечившись, снова принялся за свои художества?! —
наседал поэт.

— Он уже взвыл от этих художеств, он больше никогда к ним не вернётся.

— Ты так думаешь? Масоны упорны и хитры. Он лицемерно плачет, чтобы разжалобить тебя. А потом примется за старое.

— Если это так, тем хуже для него. От Бога ничего не спрячешь. Масонские ложи перед Богом бессильны. То, что вы называете Страшным Судом, мы называем эпохой выявления ликов. Тут никакие маски не помогут.

— Масоны довели мою страну до жалкого состояния.

— Оставь эти сказки про масонов детям. Страна докатилась до жалкого состояния по вине её жителей.

— Но разве масонский заговор не существуют? Разве князь мира сего не правит миром?

— Заговор существует, но миром правит Бог.

— И вы?

— И мы.

— Тогда ещё один вопрос. У меня не выходит из головы тот случай в Доме творчества. Ты прикоснулась к писателю, и он стал набирать свой роман на компьютере... Ты диктовала ему?

— Нет, к диктовке мы прибегаем очень редко.

— Значит, не диктовала?

— Конечно, нет, — рассмеялась Фея. — Я понимаю твою озабоченность. Ты боишься покушений на творческую свободу. Успокойся, мы посыпаем творческим людям только вдохновение, распоряжаются им они сами. Нашиими законами запрещено делать из людей роботов, даже роботов добродетельных, если бывают такие. Роботов из себя делают сами люди. С помощью мух.

— Ты же призналась, что иногда пользуешься диктовкой.

— По правде сказать, это случилось однажды. В одной большой стране искусство упало настолько низко, что мне не удалось найти ни одной души, в которой я мала бы зажечь творческий огонь. Тогда я надиктовала малоизвестному писателю сказку. Эту сказку о полётах за горизонт над морем знают теперь повсюду.

— Как называется сказка?

— Что толку говорить о том, что не делает особой чести ни стране, ни писателю. Он сыграл роль диктофона. Хотя мы используем в такой роли далеко не каждого...

Лучше я расскажу тебе об одном из нас, о поэте, чьё имя известно всему миру. Каждое его слово, каждый поступок истолкованы на тысячи

ладов, Его стихи излучают такое сияние, что задевают души самых заскорузлых людей.

— Я догадываюсь, о ком ты говоришь.

— И правильно догадываешься. Но сколько же мы повозились с ним, прежде чем он стал одним из нас! Слишком своенравной, слишком свободной была его душа. Она не терпела никакого принуждения. Его отправляли в ссылки, и мы способствовали этому — не было другого способа надолго усадить его за рабочий стол.

— Ты говоришь, он один из вас. Но ведь он совсем не святой.

— Разве мы — святые?!

— Почему же вы не остановили дуэль?

— Мы могли бы её остановить. Но на карту была поставлена душа поэта. Добрая, благородная любящая. Она попала в западню, расставленную мухами, и стремительно катилась в бездну ненависти. Смерть вернула ему утраченное равновесие.

— Вернула?

— Да, вернула. Накануне смерти он простил своего убийцу.

— Где он сейчас?

— Очень высоко.

— А его убийца?

— Оставь его в покое. Вспомни лучше слова Христа: «Не бойтесь убивающих тело, бойтесь убивающих душу...».

— Ты знаешь, — сказал поэт, мне вспомнилась одна книга, продиктованная сверху. В ней много сказано о мире и о войне, о вас. О таких, как ты. Только диктовал мужчина, а принимала женщина...

— Я знаю эту книгу. Как и душу, которая внушала мысли писательнице.

— Книга имела шумный успех.

— К сожалению, шумный. Мы всегда планируем деловой результат. А получаем чаще шумный. Или никакой.

— В этой книге, продолжал поэт, — много хорошего сказано об Америке.

— Конечно, ведь её написала американка.

— В ней также есть кое-какие интересные рассуждения о других странах. Россия представлена, как страна, потерявшая голову, немцы — как народ, совращенный Фридрихом Ницше. Американцы объявлены расой будущего.

— Ну и что?

— Оценки остаются в силе?

— Ты решил проэкзаменовать меня, — усмехнулась Фея. — Вот тебе мой ответ. Даже вечные книги самых больших пророков потому и называются вечными, что служат назначенный век. Потом заменяются новыми. «Письма живого усопшего» вышли в самом начале прошлого века, и своё дело они сделали, хотя мало кто к нашим советам прислушался. Америке мы пытались внушить прекрасную надежду стать желанным для

всех мировым лидером. Но только при одном условии, если люди этой страны побоят свою страсть к доллару. Немцев предупредили, что они плохо кончат, если не выкинут из головы идею о сверхчеловеке и мировом господстве. А России напомнили, что, кроме сердца, в живом организме есть еще голова. Разве эти мысли потеряли силу в начале нового века?

— Немцы как будто одумались.

— А вы?

— Что мы? Ты же сама сказала, что главное в человеке — сердце, не ум. Что пришло время расстаться с интеллектом.

— Мой дорогой и талантливый друг, я не сказала, что глупость украшает человека. Чтобы расстаться с умом нужно его сначала обрести. Даже лучшие из людей часто проповедуют альтернативу: «или — или». Всякая альтернатива от ума. Сердце, противопоставившее себя уму, обречено на неудачу.

— Сегодня все пророки утверждают, что будущее за Россией, — загорячился поэт.

— Не спорю. Только разве Россия обрела голову?

— Поэт отвёл взгляд в сторону и замолчал.

— Я обидела тебя?

Не особенно. Я сам говорил тебе, что не обременён высоким интеллектом.

Фея продолжала:

— Сколько же можно хвастиаться тем, что вы — иваны-дураки. Мы помогли великой революции, когда она провозгласила великие цели. Теперь вы произвели, как ты говоришь, желудочно-сексуальную революцию. Зачем?

— Нам затолкали эту революцию в рот наши верховоды.

— А вы проглотили.

— Скажи, Фея, мы встанем с колен? У нас есть будущее? Что мы должны делать?

— Будущее за теми, кто верит, надеется, любит. И думает. И действует. Я напомню тебе твои стихи.

* * *

Даже дьявол России не страшен,
Если ясно, где «нет», а где «да».
Там ливонцы, за озером наши,
Здесь Москва, за Непрядвой Орда.

У каких же костров обогреться
Можно нынче на русской земле?
Что теперь на уме и на сердце
У князей современных в Москве?

Ни костра и ни звёздочки. Вечер.
Ты с отчизной один на один —

И судья, и истец, и ответчик,
И надежда притихших равнин.

В уши лезет назойливый скрежет,
Как нам рыночный рай заслужить.
В силе черти, но это же нежить.
Им не жить, понимаешь, не жить.

Им бы только втащить тебя в омут,
Чтобы вместе и вниз головой...
Потому так пронзительно громок
Их торговый нерадостный вой.

Давит каждого время сурово,
Разделяя на масло и жмых.
Ясность есть — оставаться здоровым
Среди мёртвых,
Безумных,
Больных.

* * *

— Когда я писал эти стихи, я не представлял, какая опасность угрожает моей стране.

— Я вижу, мои ответы на твои вопросы о будущем России не удовлетворили тебя, — сказала Фея. — Хочешь знать, что думает о твоей стране Один из Тех, кто управляет планетой?

— Конечно, хочу!

— Помолчим минуту.

Фея закрыла глаза, сосредоточилась, и ровно через минуту в её руки скользнул серебристый шарик, который превратился в конверт.

— Я познакомлю тебя с одним текстом. Читая письмо, постарайся не только вникнуть в смысл слов, но почувствовать дух Автора, Его дыхание между строк. Это тем более важно, что мы летим в места Его обитания.

Письмо из Гималаев

«Чтобы полюбить Россию, нужно побывать в Индии. Можно счесть Мои слова за аллегорию, но в них присутствует некое откровение очевидца, посетившего первую и давно живущего близ второй. Не зря упоминаю о странах этих, так же как и не зря выделяю из числа многих, куда более организованных и развитых. Есть на это причины.

...Магнетизм играет особую роль в процессах, что направляют сознание в русло глобальных перемен, иначе сказать, магнетизм складывает особую ауру, которая имеет свойство расширять свою широту и долготу, а, следовательно, в ней возникает способность служить магнитом для

дальнейшего. Только такой магнит представляет собой Центр Мира и формирует вокруг себя устойчивое поле всех внутренних и внешних взаимодействий. Так письма Мои перемещаются из Священной страны в Страну Благословенную, и невозможно ослабить, либо остановить когда-то начатое нами строительство Будущего.

Магнетизм этих двух стран особый, мало кто знает природу его, которая складывалась тысячелетиями. Но не историческое прошлое и не кармическое предопределение явилось предметом, послужившим такому проявлению Природы, а, скорее, силовые токи мыслей, представляющих собой некую химизированность психической энергии. Пока мало кто занимается исследованием психической энергии, и эта область всё ещё остаётся недоступной в силу своей трансцендентальной позиции. Для Нас же эта область есть основа для строительства Будущего, поэтому, работая в настоящем для будущего, опираемся на знания, полученные из исследований психической энергии.

Чтобы прояснить более картину, не погружаясь в трансцендентальность, необходимо провести анализ и построить аналогию между двумя странами, вызывающими столь пристальное внимание со стороны Нашей и других наблюдателей и соглядатаев.

Хочу сразу оговориться, что мы не принадлежим, и никогда не принадлежали к числу последних, потому Нам доподлинно известно происходившее и происходящее в них, хотя Мы никогда не являлись коренным населением ни первой, ни второй, а только некоторые инкарнации им принадлежали. Думаю, этого достаточно, чтобы развернуть панораму Наших психических исследований. Всё, конечно же, обнажить невозможно, но некоторые основные истины — вполне.

Затронув тему о психической энергии, столь бездоказательную на первый взгляд, Имею желание на примере двух стран показать природу магнитосопряжения, или, как Мы называем, психохимизма, являющегося опорой в действиях. Понятно, что руку в пустоту никто не протягивает, это равносильно тому, что называется «указывать пальцем в небо», поэтому рука всегда ложится только туда, где есть предпосылки для обратной связи. Это столь важно, что доказывать не обязательно, так как понятно любому, даже малоразвитому сознанию.

Священная страна — так Называем Индию по вполне заслуженным мотивам, ибо вряд ли в какой стране возможно найти столь большое количество мест под столь не риторическим обозначением — «священные». Это слово вписывается во все масштабы Индостана, так что трудно найти на нём не священные места по той причине, что их просто нет. Ни одна страна не насчитывает такое количество богов в своём религиозном пантеоне, а их численность равна примерно 33 000 000. Сложно вообразить западному уму такое количество идолов и ипостасей, но как ни странно, все они олицетворяют лик Индии и умещаются на её территории, а также в сознании индузов вот уже много тысячелетий. В том есть химизм между тонкой материей и грубой, химизм, идущий посредством психической энергии. Если

бы такое положение, допустим, предоставилось на испытание Испании с её столь непримиримым темпераментом человеческих отношений, то такой страны, как она, вряд ли можно было отыскать на карте планеты, так она уже в Средние века сгорела бы дотла от инквизиции против «иудействующих еретиков», разлагающих веру каждый своим богом. А если учесть, что Испания в то время отмечалась абсолютной монархией, где вера и политика смешивались воедино, то Наше предположение получает еще большее подтверждение.

Каждой стране выпадают на долю свои испытания, и несомненно — Индии никогда не понять монотеизма, и он ей не грозит, так же как Испании не понять многообразие вер Индии. И первый и второй случай доказаны историей столь полнокровно, что Нам ничего не остаётся, как признаться в этом, не подбирая особых фактов, ибо Нам приходилось проводить в жизнь идеи и участвовать в построении политических и религиозных систем этих стран. Пора понять, что история пишется не историками и не народами, они только участвуют в её искажении, но история создаётся руками и умами просветлённой части человечества, в противовес которой имелся и имеется план невежества и тьмы.

Индия священна ещё и потому, что никогда не была инициатором внешних войн, хотя внутренне об этом сказать нельзя... Важно не искать внешних врагов, так как все они находятся внутри и выявляются внешне только тогда, когда Карма движет — в этом заключено знание Брахмавиды, той самой сокровенной науки Браминов, что служила для утверждения высшей касты Индии. В давние времена авторитет эзотерической науки Брахмавиды был велик, но в силу своей эзотеричности многое утерялось, и знание о двойственности и истинности безличной Природы перешло в разряд комментариев к ритуальному исполнению основ. С течением времени многое претерпевает изменение, и чистый источник замутняется дополнительным вливанием, но оригиналы сохраняются в генетической памяти, и не только в ней...

Для того, чтобы из непроявленного всё проявилось, чтобы безличный принцип и Браhma, не имеющий качеств и состояний, возымел их, требуется сущность первого соединить с материей второго через форму третьего, проще говоря — соединить противоположности в единое и неделимое целое.

Вся жизнь человеческая состоит из крайностей, где два Брахмы олицетворяют грани иллюзорности и реальности. Но между двумя этими точками всегда была, есть и будет Истина познающего, та причинность, что движет всем, ибо она и является великой основой Вселенной. Мы называем её Покрывалом Матери Мира. На этом моменте предвижу вопрос: «Какая связь между внешним миролюбием Индии и вышеизложенным Мною в весьма сжатом виде знанием Брахмавиды, раскрывающем суть причинности?» Отвечу, что самая прямая, так как родилось это священное знание на этой земле, и этот народ первым познал, что есть Покрывало Матери Великой, тем ещё раз титул священности Индии подтверждён. В силу этого заключения можно без особых усилий понять, что Карма страны

не оказывает влияния на выбор Наш, скорее, что она складывается по этому выбору, и он предопределяет дальнейшее.

В Стране Священной Карма настолько обнажена и не благовидна, что не требуется сложной аналитики, дабы предположительно выявить худшее и лучшее, следует побывать в ней — и всё откроется, как воплощение наихудшего. Прежний выбор Наш не осуществился, и та миссия, что была возложена на землю Священную, осталась не выполненной. Есть тому причина, касаться которой сейчас по истечению сроков нет надобности. И всё-таки несмотря ни на что, эта Страна навсегда останется Священной!

Следует понять, что слово «Священная» означает «связанная с Истиной», а, как известно, Истина не требует доказательств, ибо Она есть вершина всего, к чему надо стремиться. Наше стремление к Истине никем не продиктовано, оно есть результат выбора сердца, им руководствуемся в осуществлении задач, возложенных Эволюцией. Никто не может лишиться титула священности, если хоть однажды вступил на путь Истины, и однажды коснувшись Истины, уже невозможно повернуть время вспять, так как его движение обращено к будущему, уходящему в Вечность.

Неисполнение возложенного Эволюцией действует равно для всех, усугубляя Карму, в первую очередь, а во вторую, — лишая покровительства Свыше. Если бы первое и второе срабатывали одновременно, то давно Земля, как планета разума, числилась бы только в акашных¹⁶ записях Солнечной Системы, и не более того. Карма Индии действительно ухудшена, но мы остаёмся в пределах близких, ибо покровительство наше ещё действует.

Не забудем, что карма народа и Карма страны — разнятся, они только пересекаются между собой, образуя линию взаимо обратимости, если говорить более определённо, то Страна Священная лишилась руки Ведущей, но народ её не обречён потому лишь, что некоторые из Нас еще принадлежат ей, конечно же, физиологически (родом из Индии). Многие из Нас не спешат переходить в уплотнённые астральные формы по той самой причине, что физиология биологического тела несёт *дхату*, или субстанцию, состоящую из коренных. Конечно же, воплощённая Карма давно изжита Нами, учитывая Наш весьма преклонный возраст, но связь с коренной расой поддерживается именно через *дхату* — основу элементов и клеток, и тем обусловлена связь с Кармой рода последнего рождения.

Известно, что сейчас Мы осуществляем переход человечества в новый энергетический вид и собираем на магнит действий Шестую Расу. Новая Раса, солнечная или лучистая, как Мы называем её, представляет собой человечество, способное осуществить синтез всего, что достигается в Духоразумении. Можно назвать её Расой связанных с Истиной... Так снова Говорю о синтезе, ибо в нём происходит *умное делание*¹⁷, называемое по-иному Духоразумением.

¹⁶ *Акаша* (санскр.) — в буддизме тончайшая сверхчувственная мыслеоснова проявленного мира. Считается, что все происходящее с нами и вокруг нас имеет отпечатки на ней.

¹⁷ *Умное делание* — близко по значению к умному деланию в православном исихазме.

В основе всех учений и философских систем лежит умное делание, как способность совершать действия, присущие разумному человеку, не являющемуся полумерой сознательного. Никогда полумера не имела возможность вместить противоположности, а тем более совместить их, проникая в причинность, движущую всё в Космосе. Сущее, или сама причинность, всегда оставалась тайной, покров которой снимали не многие, а если случалось, то становились Буддами действия. На планетном уровне их девять, на солнечном — 432. Эти числа имеют особое значение, так как они управляют *саросом*¹⁸ планетным и солнечным.

Каждому Будде принадлежит тысячная часть *Кальпы*¹⁹, в которой он проявляет Вселенную, тем самым становится Создателем.

Напомню, что на пути познания существует 12 ступеней и «Создатель» — последняя, которой возможно овладеть, будучи занятым умным деланием. Эта ступень, как и все предыдущие, имеет три подуровня: Создатель идей, Создатель законов, Создатель миров.. Ею определяется Сущее, где каждый атом пространства представляет собой сжатую в точку Вселенную. (...)

Наши представления о Вселенной весьма отличаются от всего того, что ныне исследовано наукой и вынесено на публику в качестве достижений, в то же самое время Мы не торопимся обнажать свои открытия и обнародовать широко те исследования, которые в корне поменяют относительную траекторию мысли человечества. В переходное время от Кали-юги к Сатья-юге, что сейчас происходит, как период сумерек, сложно облекать в тонкую материю знания, тем более, что сумеречное сознание не имеет той ясности, дабы духоразуметь Истину в первозданном виде. Научиться видеть свет во тьме было куда проще, чем делать то же самое в сумерках, и только озарённое огнём сознание способно постичь Истину, не затуманив ее координаты.

Будда сказал: «Достичь просветления можно только при участии ясности». Ясность есть Духоразумение — то качество сознания, что позволяет знать доподлинно происхождение сроков и их обозначение в действиях. Эти письма направлены Нами, чтобы внести ясность в мир человеческий, тем самым ускорить процессы переходного периода, дабы было возможно далее осуществлять работу Нашу.

...Мысли и действия Наши устремлены в Россию, к её народу обращаемся, возвестив ранее о возложенном на него доверии. Нет на карте планетной страны, столь великой своими масштабами и столь многострадальной, как Страна Благословенная, ныне станем называть её именно так, ибо благословение Свыше ей возвещено... Новая Страна и Страна Благословенная есть единое понятие, новизна не рождается без содействия Нашего, потому в Новом всегда следует видеть благословение Наше. Волны народной Кармы России вздымаются от ударов стихийных

¹⁸ Сарос — проявление.

¹⁹ Кальпа — в буддизме и индуизме — максимальный цикл развития во вселенной.

токов, вырывающихся на поверхность и пытающихся прорваться в сознание масс. Но Мы стремимся вносить равновесие, дабы волны эти не превратились в шквал, несущий всеобщее разрушение. Место страны этой предопределено давно. Сказал, что оно имеет особенность магнитическую, ибо силовая линия магнитосопряжения мирового через неё проложена...

Нельзя не согласиться с тем, что Россия имеет врождённое качество — быть всегда разной, а потому Новой. Она есть лаборатория мировая, и в ней Мы находим возможность открыть ещё неизведанное и непознанное. Название Страны этой тоже не случайно, и на санскрите оно имеет перевод, как «игра Света». Предвижу вопрос: «Почему название Страны Благословенной звучит на санскрите, а не на другом языке, близком славянской культуре?» Корни России уходят в глубокую древность, не подлежащую исследованиям в силу своей давней предыстории, а именно, когда начиналось зарождение Новой культуры, последней среди множества других сохранённых в традициях и нравах народов. Мы уже давно знали за Россией будущее Мира, потому имя Страны нами возвещено теперь, как место, предначертанное Высшим Велением.

...В России умещается то великое многообразие человечества, какое вряд ли способны уместить другие народы. Русским не присуща кровная месть, а также русский народ чист тем, что никогда религиозный фанатизм не толкал положить на жертвенный алтарь себе подобного. Но самый основной вес, сыгравший положительную роль в формировании общности и народной Кармы, — наднациональная политика смешения родов и наций.

Подняться сознанием к построению Братства есть высшая степень духовного горения народа, потому Ценим эту особенность и стремимся поддержать Своим горением столь высоко значимое для Эволюции и будущего качества духовности русского народа. Могу заверить, что попытки изменить политику наднациональную в России не увенчиваются успехом, не зря один из её великих полководцев изрёк: «Кто на Россию с мечом пойдёт, от него и погибнет».

Невозможно разрушить сделанное горением русского духа, ибо огонь духа опасен для тех, кто вмешивается — огненный народ защищен силой своего горения. Надо только не ослаблять силу, дарованную Свыше, потому для закалки её и упрочения предоставлено пройти через «огонь, воду и медные трубы». Испытания предъявлены, дабы можно было в дальнейшем положиться полностью, как на прошедших первыми горнило опыта Огненного.

Мы не склонны драматизировать события, происходящие в России, ибо знаем, что первые два испытания уже пройдены и последнее исчерпывает своё давление. Каждому народу выпадает на долю своё, но редко кому удаётся добиться результатов положительных. Так Мы за Россию ратуем и возводим мост от Страны священной к Стране Благословенной — этим стремимся соединить два высоко значимых для Мира источника Благодати. Движение по этому мосту должно быть непрерывным. Оно есть нить связующая между прошлым и Будущим.

Любить Россию — означает устремляться к будущему, жить в России — великая честь и для принявших чащу Нового опыта, и для тех, кто сердцем проникся к ней, как к Матери-Великомученице.

...Когда Говорю «Россия», то непременно должны слышать в слове этом призыв к Братству и единению, ибо игра Света рождает сияние лучистое, подобное сиянию Братства, Можно назвать игру Света ещё и иллюзией, она есть другая сторона Природы, относящаяся к её проявлению. Невозможно подойти к внутреннему, не познав Природу внешнюю, состоящую из коренных элементов, как и невозможно создать реальное, не усвоив иллюзорного. Опыт с иллюзией уже пройден в Стране этой, и теперь предстоит пройти опыт Реальности, дабы основать Братство на принципе сознательном.

Вот тогда игра Света будет явлена для Мира, как маяк спасительный и Центр Общины всечеловеческой!»

Кто автор этого письма? — спросил поэт, закончив читать текст.

— Разве это важно? Автором может быть Иисус Христос или Рамакришна, Иван Иванович или Джон Джонс. Автором можешь быть ты.

— Я?!

— А почему нет? Ты ведь болеешь за Россию, вершишь её возрождение и хочешь помочь этому возрождению? Первое дело — стать Мессией, Спасителем своей страны и человечества. Письмо — дело второе.

— Ты смеешься надо мной.

— Я смеюсь и... плачу над теми, кто ждет Мессию с неба или ещё откуда-нибудь.

— Но люди ждут с неба.

— И напрасно.

В паузе за этими словами Феи поэту почудился аромат сандала. Фея сложила руки ена груди и подняла голову вверх. Снова возник серебряный шарик. Покружившись возле груди Феи, он скользнул ей в сложенные ладони и превратился в серебряную пластинку с выгравированным на ней текстом. Фея протянула пластинку поэту. Там было написано:

Десять заповедей Мессии

1. Если ты ждешь Мессию с неба или ищешь в другом человеке, ты его никогда не дождёшься и не найдёшь.

2. Если ты ищешь Мессию в себе, готовься всё потерять и за всё отвечать.

3. Каждый человек — Мессия. Один это знает, другой — нет. Знающий Мессия не кричит о себе, потому что кричащего не слышат.

4. Если ты знаешь, что ты Мессия, не молчи об этом, ибо как узнает другой человек, что он тоже Мессия.

5. Не бойся дьявола, только побывав в его пасти, станешь Мессией.

6. Не спеши становиться Мессией, чтобы не задержаться в пасти у дьявола.

7. Не навязывай себя никому, люди сами пойдут за тобой.

8. Не веди за собой никого, ибо приведёшь только в тупик.

9. Тупик человека — его сердце.

10. И оно же — его Мессия.

Ты говоришь о спасении Земли и всё время сводишь разговор к России, — сказал поэт, возвращая письмо и пластинку Фее.

— Потому что спасение Земли начнётся с твоей страны.

— В земной жизни мне не однажды приходилось читать и слышать о великом будущем, которое ожидает Россию. Но её сегодняшнее состояние жалкое.

— Скорее, оно тяжкое, потому что Россия несёт общий крест мира.

— А взамен слышит насмешки: в этой стране всё не как у людей.

Фея возразила:

— Над Иисусом тоже потешались: других воскрешал, попробуй себя снять с креста.

— Но Иисус знал, на что шел и чем закончится распятие. А Россия до сих пор распинает себя вслепую, не понимает, зачем это делает и куда идет.

— Дорогу знает тот, кто ведет твою страну. Помнишь слова: «В белом венчике из роз впереди Иисус Христос?»

— Блок сам признавался, что видение Христа ему непонятно.

— Да, гениальный поэт через собственную иллюзию увидел реальность. Но в письме, которое ты прочитал, сказано ясно: опыт с иллюзией закончен, наступает время Реальности. А Реальность такова, что Россия а прошлом веке пошла на распятие, чтобы подтянуть отставшие страны, чтобы спасти мир от угрозы фашизма. Сегодня Россия питает своими энергиями, ресурсами, талантами весь мир.

— Разве одна Россия?

— Не одна. Но она одна, как сказано в письме, весь прошлый век несла чашу жертвы, чашу горения, чашу Нового опыта.

— Но где же результаты?

— Вооружись вниманием.

* * *

Внимательность.

Нам в жизни не хватает

Порою лишь её сердечных глаз.

Жар-птица счастья мимо пролетает,

Пока рассудок стаскивает нас

В сомнения, в уныние, в бессилье,

В подсчёт обид и в омыты утрат.

Нам кажется, что нынешней России
Уж некуда спускаться ниже в ад.

Но вслед за прежней тьмой
приходит новая,
И пропасти не видно той конца.
Когда взорвётся царствие торговое? —
Мы спрашиваем в ужасе Творца.

И слышится неслышный голос Бога
— Внимательнее взглядывайся в тлен.
Узри, как одевается эпоха
Прекрасными цветами перемен.

* * *

Подснежник

Как улыбка ребенка
Навстречу глазам материнским,
Словно озера блеск благодарный
Приходу весны,
Он на солнце глядит
Из-под снега осевшего с риском
Потерять свою голову
В грубых сугробах лесных.
С веток падает лед,
Темный паводок буйствует рядом,
Сухостой и валежник
Мы топчем в соседних кустах —
Все угроза ему,
Все охрана ему и отрада,
Всюду зелень надежды
Растет сквозь коричневый страх.
Да, сломай стебелек —
Нарастут из-под снега другие,
Пропадем все подряд,
Чтобы встать через год, через два...
Ах, Россия моя,
Вся в снегу покернелом Россия,
Мой безмолвный подснежник,
Ты все же, родная, жива!

Пещеры Тибета и Индии

Путешественников встретили снежные вершины новых гор. Вырастая в размерах, они заставили путников подняться за кучевые облака, потом и за перистые. Нежно голубое дневное небо приобрело вечерний густо-синий цвет. Среди самых высоких сахарно-белых громад, над которыми теперь летели поэт и Фея, показалось большое тёмное пятно. По мере приближения оно приобретало зелёный оттенок, стало видно, что это оазис в бесконечных снегах и льдах. Из бурой земли били окутанные паром гейзеры. Туман стоял над деревьями и травой. Фея и поэт опустились на поляну, где паслись яки.

— Здесь будет долгая остановка, — объявила Фея.

— Я не вижу людей, — возразил поэт.

— Они на молитве.

— Где же храм?

— Природа и есть их храм. — Фея обвела взглядом зелёный остров в белоснежном окружении гор. — Посмотри туда.

На почти отвесной стене ледника виднелись тёмные провалы пещер, а в них — недвижные фигуры людей в молитвенных позах. Подлетев к пещерам ближе, путешественники разглядели типично азиатские черты их темно-желтых лиц.

— Мы в Тибете? — спросил поэт.

Фея утвердительно кивнула головой и одним движением взлетела выше. Поэт последовал за ней. Здесь крутая стена ледника делала уступ. На его площадке сидел обнажённый до пояса человек. От его тела шёл пар.

— Я где-то читал об этих людях, — сказал поэт. — Тибетский *респа*?

— Он самый. До китайского вторжения их здесь было много. Теперь остались единицы, и они прячутся в недоступных местах.

— В России я знал многих людей, которые добиваются того же. Они обливаются холодной водой на морозе.

— Тело можно приучить к холodu и так, как ты говоришь. У *респа* задача другая. Он поднимает температуру тела усилием воли. Воля делает многое. Но не всё. Посмотри в душу этому человеку.

На уровне груди *респа* колыхалось светлое облачко, а на нём можно было различить серый нарост.

— Спящие мухи?

— Ты хорошо научился различать их. Когда *респа* закончит свою тренировку, мухи проснутся.

— Выходит, муhi бессмертны?

— Бессмертны все мы. Каждый на свой лад.

Фея и поэт поднялись по леднику ещё выше. На такой же площадке, как у *респа*, человек, сидя в позе лотоса на коврике, усердно предавался иному занятию. Он упирался ладонями в коврик, отрывал от него тело, затем резко поднимал ладони вверх. После нескольких попыток человек, наконец, повис в воздухе. Продержавшись в этом положении три-четыре секунды, он медленно опустился на коврик.

— Тренируется в искусстве левитации, — сказала Фея. — Как и респа, это ученик низшей ступени. Западные люди очень интересуются подобными практиками. Но практики эти безнадёжно устарели. Эти люди зря тратят время и усилия. Мухи в их телах чувствуют себя очень комфортно.

— Как они надоели! — с горечью воскликнул поэт. — Я всё больше прихожу к выводу, что обыкновенный человек никогда с ними не сладит.

— Не спеша с выводами.

Фея сделала знак поэту продолжать путь.

Предрассветный сумрак застал их в полёте над городом. Город расположился высоко в горах. Под ним расстилалась пелена туч. Создавалось впечатление, что огоньки домов плывут, словно свечи в море. В стороне от этих ярких огней поэт заметил высокий холм, а на нём какое-то движение — множество темных фигур в рассветной дымке.

— Мухи? — спросил поэт Фею.

— Тебе уже всюду мерещатся мухи, — засмеялась Фея, — смотри лучше.

— Да это же Дарджилинг, а там, Тайгер Хилл! Как я не сообразил сразу!

Бывая Индии, поэт дважды посещал Дарджилинг, город на востоке страны, расположенный на двухкилометровой высоте. Этот красивейший город в справочниках называют воротами в Тибет. Через Дарджилинг многие паломники в прежние времена направлялись в Лхасу. По рассказам старожилов, бывали здесь и эмиссары Адольфа Гитлера, который очень интересовался тем, чем увлечён сегодня весь мир — тибетской мудростью. Эмиссары фюрера, подарив местному правительству большой цейсовский телескоп, проследовали в Лхасу. А горожане поместили телескоп в стеклянный павильон и выставили на всеобщее обозрение в саду Института гималайских исследований.

Но больше всего поэта поразили многолюдные собрания ранним утром на Тигровом холме. Тысячи паломников со всей Индии собираются здесь, чтобы полюбоваться лучами Солнца, которые освещают на рассвете священную Канченджангу, третий по величине восьмитысячник Гималаев. Индузы называют этот восьмитысячник горой богов и считают за честь хоть однажды в жизни совершить паломничество к её подножью. Вот и теперь множество пилигримов ожидали восхода Солнца.

Первый луч скользнул в тумане по бело-розовым зубцам Канченджанги. По толпе прокатился гул. Вверх поднялись руки с фотоаппаратами и видеокамерами. Но вот серое облако закрыло склоны горы и гул умолк. Затем Канченджанга открылась снова уже более ясно и ещё несколько раз то возникала во всём своём великолепии, то затягивалась облаками. Каждая такая смена сопровождалась восторженными возгласами толпы. Как и тогда, в прежней жизни, поэт вновь пережил сложный комплекс чувств — уважение к собравшимся на Тигровом холме людям и горечь, оттого что в его родной стране ничего подобного не происходит.

Уловив его мысли, Фея сказала:

— Ты напрасно огорчаешься. Русские не менее религиозны. Только по-своему. Вы верите в торжество справедливости и всегда справедливы к другим народам. Вы верите в будущее и поэтому без страха и сожаления расстаетесь с прошлым. Сила справедливости и бесстрашие — это замечательно. Но вы слишком беспощадны к себе, к своей истории, а значит, и к будущему. Грубость, недостаток тонкости и милосердия к самим себе — главные ваши враги. И потом вы не осознаёте свое великое предназначение, ищете опору на стороне, скользите, падаете, хотя вера в ваших сердцах всегда жила и живёт. Индузы сохранили веру в древнюю мудрость своей страны, верят в себя и в своё будущее, но полагают, что это будущее обеспечат им боги и Карма. Поэтому они не слишком озабочены тем коротким отрезком бытия, который называется у них проявленной человеческой жизнью. Они относятся к проявленной жизни, я бы сказала, с недостаточным уважением, небрежно.

— А Запад?

— Запад выполнил свою задачу — он выработал в человеке стремление к комфорtnому обустройству жизни. Без этого гармоничная эволюция невозможна. Но сегодня застрявшие во внешних формах жизни люди Запада начинают нервничать. Так всегда бывает с теми, кто теряет глубинную веру. Подавляющая часть западных обывателей не верит ни во что. Для них главное — сохранить свой дом, счёт в банке и удовольствия в жизни. Жизнь ради удовольствия — остановка, тупик, деградация. И природа подаёт западным людям грозные знаки — проснитесь!

— Значит, всё, что пробуждает людей от спячки, от привязанности к старым формам жизни, полезно?

— Разумеется.

— Даже тираны и фюреры? Кровавые диктаторы?

— К великому сожалению, так. Мы, насколько можем, сдерживаем их приход, но когда вы впадаете в сон или начинаете сами того не понимая призывать их, нам ничего не остается, как согласиться. А потом оказывается, что все зло, которое они сотворили, пробуждает вас от спячки.

Солнце полностью вышло из-за гор, и снежная гряда Канченджанги ослепительно засияла. — Хочешь посмотреть, кому они поклоняются? — спросила Фея.

— Ещё бы! — обрадовался поэт.

Они оказались у подножья священной горы, поднялись выше и замерли у входа в пещеру, откуда пробивался свет. Лицо Феи тоже засветилось ярче и торжественнее.

Фея медленно вплыла в отверстие пещеры, поэт последовал за ней. Большой подземный зал представлял собой фантастическое зрелище. Друзы горного хрусталя, кристаллы самоцветов выступали из стен и свисали с потолка вперемешку с остроконечными сверкающими сосульками сталактитов. В середине зала находилось озеро, окруженное причудливыми каменными творениями природы, а у самой воды возвышался алтарь с

изображениями Иисуса Христа и Будды. Возле него в позе лотоса неподвижно сидел человек.

— Не подлетай к нему близко, — предупредила Фея. — Можешь обжечься.

— Разве я муха? — обиделся поэт.

— Для огня, который горит в нём, да, ты — муха.

Поэт заметил, что пещера была освещена единственным источником света — ослепительным шаром, горевшим в груди человека. От его свечения, словно от огня электросварки, болели глаза. Поэт перевёл взгляд на отражение в воде и увидел там тот же огненный шар в виде гладиолуса, сиявшего всеми семью цветами радуги.

— Этот человек — один из тех, кого ты называешь «мы»? — спросил поэт.

— Самый большой из нас.

— Бог?

— Бога никто никогда не видел. Помнишь, кому принадлежат слова?

— Помню.

— Возможно, это он.

Приглядевшись к неподвижной фигуре, поэт обратил внимание, что от её головы отделялись светлые точки. Они летели строго вверх и исчезали в большом чёрном отверстии на потолке пещеры.

— Шарики? Те самые?

— Те самые. Они летят отсюда в мир и согревают всех, кто захочет открыть им своё сердце.

— Я помню еще одно изречение этого человека: «Бог есть любовь», — задумчиво произнёс поэт. — И начинаю понимать, почему он сказал, что Бога никто никогда не видел.

— ???

— От большой любви сгорают.

— Обгорают. Любовь — самое загадочное чувство на свете. Она как закон всемирного тяготения, притягивает даже мух.

— Неужели они тоже здесь?!

— Куда же они делись! Смотри туда.

В дальнем, самом сумрачном конце пещеры по стене ползали огромные насекомые. Словно завороженные, они неотрывно следили за столбом искр, поднимавшихся от фигуры человека к потолку пещеры. Круглые красно-зелёные глаза их горели любопытством, ненавистью, тоской.

— Всё живое на свете, — продолжала Фея, — питается любовью. Мухи — тоже. Но они ненавидят тех, кто их кормит.

Одна из мух, глаза которой светились особенно ярой ненавистью, внезапно оторвалась от стены и полетела в сторону алтаря. По мере приближения к нему её мохнатое тело стало дымиться, в глазах мухи появился ужас, затем он сменился выражением какого-то странного восторга. Вспышка — и от большого чёрного тела мухи осталась маленькая тусклая

искра, которая, кружась, полетела вверх. Остальные мухи, тревожно гудя, устремились из пещеры к выходу.

Она стала навсегда нашей, — сказала Фея.

— Ценой самосожжения?

— Ценой преображения.

* * *

Понять, почувствовать, старея,
Что ничего не сохранить,
Что счастье жизни — растворенье
Поверх любых её границ.

Что можно слиться и смириться,
С цветком, с берёзой под окном,
С улыбкою переселиться
В любой, что подвернётся, дом.

Неважно, сделаться ли лужей
Или серебряным ручьём.
Когда ты всем на свете нужен,
Сам не нуждаешься ни в чём.

И нагулявшись в разных стратах
Земли, небес, иных светил
Вдруг оценить сухой остаток,
Что до конца не растворил.

Разлука

Замечательное зрелище открылось глазам Феи и поэта, когда они вышли из пещеры. Солнце село за снежную вершину, её края малиново рдели в последних лучах. На востоке золотились небольшие облака. А над горой, глубины которой только что покинули поэт и Фея, серебрился столб света с танцующими разноцветными искрами в нём.

— Чем больше тайн ты мне раскрываешь, тем печальнее становится на душе, — сказал поэт.

— Это светлая грусть, грусть о будущем.

— О будущем мухи?

— О твоём будущем. Я показала тебе твоё прошлое, настоящее и будущее.

— Не понимаю тебя.

— Ты понимаешь, ты всё хорошо понимаешь. Ты был когда-то монахом, респа, занимался левитацией, писал стихи. Ты принимал лучи любви от нас. Остается всё вспомнить. И научиться возвращать любовь людям...

— Которые превратят их в лучи алчности, зависти, ненависти.

— Ты снова за своё! Да, многие забыли древнее искусство любви. Но они вернутся к любви, потому что идти больше некуда, просто некуда.

— Я не хочу быть отшельником, — мрачным голосом произнёс поэт.

— Разве я зову тебя стать отшельником?! — слова Феи, которые раньше сопровождались серебристыми спиральами, теперь загорелись золотыми огоньками. — Я зову тебя к свободе, к радости. Ты был привязан к своему рабочему столу поэта, другие — к своим профессиям, семье, деньгам, удовольствиям, власти... Смерть разрывает эти путы, но надевает другие. Ты увидел своих родителей, приkleенных к райскому уголку, учёного, который не может попасть на четвёртое небо...

— А ты показала мне человека, прикованного к пещере.

— Потому что нет абсолютной свободы. Есть свобода выбора. Он выбрал дежурство. Для людей и во имя людей. Такой выбор даёт наибольшую свободу. Ведь в пещере только оболочка этого человека. Дух летает в Мироздании, где хочет. Когда он закончит своё дежурство, то сможет надеть на себя любое тело. И будет участвовать в земных делах, как проповедник, законодатель, ученый, полководец. Он может стать поэтом. Но в отличие от тебя вся Вселенная будет ждать от него стихов в каждой точке своего вселенского пространства. Ты понимаешь, какая это великая радость — быть свободным вот так, когда ты нужен Мирозданию, всему целиком. Неужели тебе не хочется получить такую свободу?

Наступила тишина. С каждым мгновением она звенела ощутимее и тоныше... Синие глаза Феи, обращённые в небо, отливали той же бездонной синевой, что и оно — манящей, пугающей.

— Я ответила на все твои вопросы?

Поэт молчал, он понял, что наступило время расставания. Сердце его сжалось. Уловив настроение поэта, Фея тихо сказала:

— Мы ещё встретимся. Но теперь ты не должен сопровождать меня.

— Почему?

— У тебя не хватит сил добраться туда, куда лечу я.

— До сих пор хватало, — угрюмо проворчал поэт.

Фея бросила на него быстрый взгляд.

— Я полечу на звезду, где всегда набираюсь сил для полётов. Но там слишком горячо для тебя. Ты ешё не созрел для самого большого Огня.

Новой тишиной, на этот раз тоскливой, зазвенели для поэта окрестные горы. Он смотрел на свою спутницу, синие глаза ее уже не пугали его. Одно чувство завладело поэтом — он не хотел терять эту женщину. Никогда, Ни при каких обстоятельствах. Он вспомнил написанное им когда-то стихотворение.

* * *

Ищу тебя, нигде не находя,
Твой образ я ловлю в речном теченье,

В ночных туманах, в капельках дождя,
В рассветных снах и в сумраке вечернем.

Отыскиваю образ дорогой
Я в лице каждой женщины случайной,
И пусть не в этой жизни, пусть в другой,
С разгаданной твоей я встречусь тайной.

Есть в жизни неземная высота,
Есть пламя у холодного камина.
О, не покинь меня, моя мечта!
А я тебя вовеки не покину.

Дай веры мне пройти сквозь мрак ночей,
Дай силы мне в моих дневных сраженьях.
И вечный свет твоих святых лучей
Да охранит меня от пораженья!

* * *

И вновь Фея прочла его мысли.

— Мы расстаёмся ненадолго. Мы идём вместе по многим жизням очень давно. Если бы мы жили на Земле, например, две тысячи лет назад, может быть, я стала твоей женой. Мы и были супругами когда-то. И братом моим ты был, и сыном. Но с тех пор многое во мне переменилось. Я не делю людей на своих и чужих, на близких и дальних. Люблю всех, особенно тех, кто задыхается в душных тупиках жизни.

— У тебя есть муж?

— Есть.

— Он любит тебя?

Фея засмеялась:

— Он любит себя. Ему хочется, как и тебе, чтобы все любили его одного.

— А ты любишь его?

— Люблю. И стараюсь научить его любить всех. У меня это не получается. Как ты думаешь, почему?

— Наверно потому, что он, как я, слишком много думает о себе.

— Вот именно. Он возвращается сейчас с работы домой и ждёт встречи со мной. Мне нужно поторопиться, чтобы приготовить ему ужин.

Поэт озадаченно поглядел на Фею.

— Ты говоришь — он возвращается с работы. Но мы с тобой летаем уже несколько дней.

— Мы летаем несколько минут.

— Ах, да, время здесь течёт по-иному.

— Где-то по-иному, а где его и совсем нет. Когда-нибудь мы поговорим с тобой и на эту тему. Но теперь мне пора.

— Погоди, ты ничего не рассказала мне о твоей дочурке. — Поэт всячески оттягивал минуту расставания.

— Это моё главное сокровище на земле. Я и пришла на землю ради этой девочки, все остальное могла бы сделать, не надевая земное тело. Учу её летать, и уже скоро мы начнём совершать полёты на равных. До свиданья.

— Прощай.

— Зачем прощаться. Мы встретимся.

— Когда?

— Когда ты захочешь.

Поэт молчал, но всё в нём сливалось в один крик — я не хочу прощаться, не хочу тебя покидать, не хочу, не хочу...

— Ну, хорошо, — сказала Фея, — прежде чем попрощаться, я расскажу тебе одну историю. Назовём её «Песня радости».

Песня Радости

В горах на широком лугу лежал камень, большой круглый камень, обдутый ветрами и омытый дождями многих веков. На нём ничего не росло, даже мох, Пастухи любили посидеть у этого камня, овцы полежать, паломники помолиться. Менялись поколения людей и стада овец, каждый год обновлялись луговые цветы и травы, а камень оставался всё тем же; время, казалось, для него не существовало. Камень очень гордился своим бессмертием, пел песни радости Богу.

Но пришло время, когда в душе камня появились ноты сомнения. «Чему я так радуюсь? Тому, что остаюсь тысячи лет одним и тем же? Люди откуда-то приходят и куда-то уходят. А мой удел — тысячелетия неподвижности и неизменности. Попробую что-нибудь переменить в своей жизни». И камень поселил на своей груди мох.

Мягкие, но цепкие корешки мха стальными коготками впились в тело камня. Сначала это было не больно, скорее щекотно. Но потом грудь камня пронзила острые боли, в нем образовалась глубокая трещина, другая третья. В трещины набилась пыль, в них стали расти трава и цветы. Постепенно боль уходила, зато появились новые ощущения. Камень любовался поселившимися у него на груди цветами и так полюбил их, что все его мысли и чувства перекочевали в цветы. «Не зря же говорят: то, что очень любишь, тем и становишься», — подумал камень.

Пришло время, его гранитное тело, сплошь покрытое трещинами и кавернами, без всякой боли развалилось на куски, а после превратилось в песок. Теперь на месте камня росли не только цветы и трава, но и кусты можжевельника. И сам он забыл, что был когда-то камнем. Душа его стала душой цветка аквилегии. Эта новая душа тоже запела песнь радости солнцу, горным ручьям, ветру, своей красоте... Но продолжала свою песню недолго, до первых морозов. Синие глаза цветка покернели, и тогда душа его перекочевала в цветочный корень.

На землю лёг снег, под его слоем корню захотелось спать. И он заснул под песню выюги. Выюжную песню нельзя было назвать ни радостной, ни грустной. Это была песня спокойствия. Впрочем, кто же слушает такие песни, под них хорошо спится.

А весной корень проснулся, душа его снова переселилась в цветок, слилась с ним и вновь запела песню радости.

Летом в горы пришли люди, Они расположились отдохнуть на том месте, где лежал когда-то камень. От людей струилось тепло, люди принесли дыхание незнакомой загадочной жизни, звуки и запахи которой доносились снизу. Захотелось туда, откуда пришли люди. И как только мысли об этом стали возникать в душе цветка чаще и чаще, однажды явился бог. Это был огромный страшный бог с копытами и рогами, с большими задумчивыми глазами и широкой пастью. Пасть склонилась над цветком, и он исчез в ней.

Вначале было страшно и больно. Цветок плыл по какой-то тёмной реке, затем оказался в такой же тёмной, влажной пещере. Сверху падали капли остро пахнущей едкой жидкости, разъедавшей лепестки цветка. Это было так нестерпимо больно, что душа цветка выскоцила из страшной пещеры и помчалась по мрачным лабиринтам страшного божества. В конце своего пути она оказалась в живом и тёплом сосуде, наполненном прозрачной жидкостью. Душа увидела небо, солнце, стадо коров, спускающихся с горы, и саму себя в лиловом глазу рыжей коровы. Внизу под горой текла река, на берегу её стояли бревенчатые дома с курившимися над ними столбиками дыма. Душе цветка сделалось так хорошо, что она запела новую песню радости.

— Я думаю, дальше ты доскажешь эту сказку сам, — сказала Фея.

— Корову подоят, — глядя вверх на проплывающее в небе облачко, отозвался поэт. — Душа захочет продолжить странствия вместе с молоком. Она попадёт в ребёнка, сольётся с его душой и начнёт новое странствие. В общем, повод для радости всегда найдётся. Но ведь душа может перекочевать и в навозные отходы.

— Может, если очень постарается, — без тени улыбки ответила Фея.— Тогда она запоёт песню скорби. Песню о своём превращении в то, чем однажды уже была. Ту песню, которую сегодня поют Головль и Чучело.

— У этой сказки нет конца?

— Да, у неё нет конца. Её можно продолжать вниз или вверх, вперёд или назад. Вверх и вперёд — это песня радости, вниз и назад — скорби.

Фея сделала несколько шагов в сторону. Её фигура наполнилась ярким огнём, за плечами выросли похожие на крылья сине-фиолетовые лучи. Когда поэт открыл глаза, он увидел удалявшуюся от него звезду. Его охватила такая всепоглощающая тоска, что он, потерял сознание. Он не видел, как откуда-то появился свящающийся шарик и тревожно заметался рядом с ним. Не чувствовал поэт и того, как тело его наполнилось огнём, как из груди посыпались мухи. Серые, зелёные, черные с обгоревшими крыльями, они падали на снег, бились в конвульсиях, замирали. А фигура поэта свернулась в огненную спираль и устремилась в небо вслед за уходящей Феей. Рядом с

поэтом летел сверкающий шарик. Мимо проносились облака метеорной пыли, осколки планет, целые планеты. Их обитатели озадаченно глядели вслед двум светящимся точкам, поднимавшимся вверх. Некоторые отчаянные головы даже пробовали лететь вдогонку. Но поэт ничего этого не видел. Беспамятно и неуклонно тело его летело к ярко сверкавшей впереди звезде. Теперь оно походило на маленьющую комету, от которой отрывались горящие лоскутки, оставляя огненный хвост. Лоскутки темнели, превращались в пепел. И комета на глазах уменьшалась в размерах. Замедлялось её движение. В ту минуту, когда от кометы отделился последний огненный лоскуток и, покернев, рассыпался, она превратилась в крохотную искру, меньше сопровождавшего её шарика. А навстречу обоим, вырастая в размерах, ослепительно сияла громадная Звезда. Она походила на живой женский лик, радостный и печальный одновременно. Лик пульсировал, словно сердце. Но вот пульсация прекратилась. Остановилось и то, что осталось от поэта, — розовая искорка, почти незаметная в потоках света, шедшего от Звезды. Искра покружилась на месте и, как пушинка снега под легким ветром, полетела назад к Земле. Вслед за ней повернулся к Земле и светлый шарик.

А в это ночное время в роддоме небольшого сибирского городка совершилось таинство появления на свет нового земного жителя. В операционной вокруг лежащей на столе женщины хлопотали врачи и медсестра. Медсестра мельком взглянула в окно и увидела редкое зрелище — одновременный прочерк двух метеоров в небе.

Медсестра приняла в свои руки новорожденного малютку.

* * *

Лечу! Кому такое не приснится?
Лечу все выше к облаком и в них...
Но пробужденья грубая десница
Бьёт по крылам и сбрасывает вниз.

Знакомая дорога вспухла глиной,
Отталкивая сердце и глаза.
Дождливый день,
бездостный и длинный,
Как взлетная сереет полоса.

Уравновесим элероны чувства,
Освободим раздумья от слезы.
Нет в мире справедливее искусства,
Чем долгий поиск взлетной полосы.

Глоток воды, ломоть ржаного хлеба...
И мир опять восторгами храним,
Когда свое

Уходит дымом в небо,
А горнее
Становится своим.

* * *

Как не склонить колен перед берёзой,
Перед её трепещущей листвой,
Когда она на все зимы угрозы
Размахивает чёлкой золотой.

Теснят ли нас со всех сторон напасти,
Душа ли, как струна, напряжена,
Не прекращает солнце улыбаться,
Печалиться приветливо луна.

Нет у природы боли неутешной,
Уныния, отчаянья, оков...
Она переведёт в язык надежды
Тоску любых обид и тупиков.

И даже выводя из круговорти
Всех наших поражений и побед
И предлагая всем загадку смерти,
Тихонько шепчет:
— Смерти-то ведь нет.

Часть вторая

После катастрофы

И прошла ночь, и наступило утро две тысячи... года.

Какого именно? Этого не дано знать ни смертным, ни бессмертным. Ведь если бы людям было известно будущее и его точные сроки, жизнь превратилась бы в скучный спектакль заурядного режиссёра. Но жизнь — захватывающая драма со множеством импровизаций, и режиссёр у неё гениальный. Подражая ему, мы в меру сил тоже стараемся разнообразить наш монотонно повторяемый жизненный спектакль. Понятное дело, кто как может.

Ну, например, каждый из нас, засыпая, знает, что он проснётся, позавтракает, отправится утром на работу, вернётся домой, поужинает и снова заснёт. Этот рутинный ритуал можно продолжать без конца, и многие смиряются с подобной скучой. Но есть отчаянные страны и отчаянные люди, которые по своей природе не могут скучать. И какое разнообразие они себе устраивают! Представь, ты пришёл на работу в расчёте получить зарплату, а бухгалтер объявляет — денег в кассе нет и неизвестно, когда они будут. Смертный ты или бессмертный, гений или посредственность, клянусь жизнью и смертью, безнадёжно покривишь душой, если скажешь — мне наплевать. Или вообрази — зарплату задержали на полгода и потом выдают всю целиком. Или — директор фирмы, где ты работаешь, сбежал с чемоданом денег в недоступный для Интерпола ад...

О, необъятная жизнь, сколько волнующих событий способна ты развернуть перед глазами своих сынов и дочерей!

Ещё один неординарный сюжет. Ты накануне крепко выпил и, проснувшись, чувствуешь себя не в форме. Срочно надо эту форму поправить. Ты можешь вставить в многоточие между «проснулся... заснул» восхитительную перспективу вызвать врача, убедить его, что заболел гриппом и получить справку. Потом купить бутылку водки «Кристалл», две бутылки пива «Толстяк» и просидеть весь день у телевизора до очередного «заснула».

Правда, подобные импровизации доступны только жителям стран, живущим по индивидуальным сценариям. В большинстве других стран, где используют сценарий стандартный, человеку прийти на работу и не получить зарплату в условленный день так же невозможно, как пингвину перелететь с Южного полюса на Северный. Не появиться на службе, проведя дома весь день со справкой о гриппе и выбивая похмельный клин тем же клином, жителю рутинной страны тоже никогда не придёт в голову. Поэтому так однообразна пьеса жизни в рутинных странах и так чертовски разнообразна она в странах со штучным сценарием.

Конечно, у тех и у других этот сценарий имеет общий конец, который раньше называли «заснуть и не проснуться». Но эпоха, когда такой конец

рассматривали как трагедию, ушла безвозвратно в корзину космического компьютера. В двадцать первом веке любому уважающему себя джентльмену и каждой начитанной леди известно, что так называемого вечного «не проснуться» в природе не существует. Его просто нет, потому что его не может быть никогда. Ритм «проснулся... заснул» повторяется вечно. Смертный бессмертен, бессмертный смертен. Трюизм? Тогда уподобим нашу жизнь волнистой линии. Волна вверх — родился и живёшь на земле, волна вниз — тоже живешь, но только на небе, или в подземелье «Единого энергетического холдинга». А потом небесный свет или подземный рубильник выключают, ты на какое-то время засыпаешь и снова обязан проснуться в какой-нибудь земной энергетической системе, где верховодит свой Мороженый Голавль.

Прости, читатель, этот шутливый мой тон, а также все предыдущие и последующие шутки. Они не затем, чтобы тебя рассмешить или разозлить. Давай вместе подумаем о том, сколько же головомоек претерпевают наши бедные головы в так называемой человеческой эволюции, где без конца крутятся одни и те же сюжеты!

* * *

Стихи о клонировании

Да спасут нас Господь и наука
От смещенья ума и оси...
Ну, а если придётся аукать
На безлюдных просторах Руси,

Если ливень продлится торговый,
Одолеет рекламный разгром...
Пусть горой Араратскою новой
Станет первый заброшенный дом.

Самый старый, но только не проданный.
А иначе плохи дела.
Потому что в продажу родина
До сих пор никогда не шла.

В этом доме затопим печку,
Стол накроем, графин на столе...
И клонируем русскую вечность
На спасённой от рынка Земле.

* * *

Хвала Всевышнему, так и случилось!

Рекламный ливень не затопил полностью всю землю, хотя и длился гораздо больше сорока дней и ночей библейских. Не всю Россию успели распродать и не на все мозги смогли наклеить рыночные этикетки.

Героические гены людей, её населяющих, отторгли диктатуру торгащества и пошлости.

Итак, лета две тысячи... года герой нашего рассказа встретил утро в собственном доме с садом, где росли пальмы, кактусы, много фруктовых деревьев и цветов, а также имелся небольшой огород. Неподалеку текла река под названием Обь.

Государство, в котором проживал наш герой, именовалось теперь СССР — Союз свободных сибирских республик.

Мы уже сообщали, что новое рождение нашего героя состоялось в небольшом сибирском городке. Добавим, оно произошло в семье весьма скромных родителей. Отец работал штукатуром в строительной компании, мать была учительницей. Мальчика назвали Пётр.

Детство и юность Петра проходили в эпоху Великих Перемен. Звезда Тишия, или иначе, Мулам-стар, о которой поэту рассказывала когда-то Фея, приблизилась к Земле на самое близкое расстояние, как это случается один раз в двадцать пять тысяч лет. Произошла серия катастроф, а после них один большой катаклизм. Это было подобно затяжной огромной грозе с множеством громов и молний, наводнений и землетрясений. Гроза закончилась тем, что небо над Землей очистилось и в нём засияло два солнца. Да, читатель, ты должен вообразить в небе два светила, одно из них — наше Солнце, а второе — звезду Тишия, которая не спешила уходить из поля видимости Земли. Ей предстояло постоять в околосземном пространстве три-четыре сотни лет, как утверждают астрологи, чтобы завершить очистительные процессы. По этой причине исчезла в прежнем понимании ночь, после заката Солнца нашу матушку Землю освещала звезда — пришелец. И хотя ночью становилось чуть темнее, чем днём, но можно было выполнять любую дневную работу. Совсем как в белые ночи за Полярным Кругом и даже лучше.

Появились научные работы, объясняющие природу происшедших катастроф и катаклизмов. Учёные вернули понятию «катастрофа», которое означало до сих пор нечто непредсказуемое и ужасное, его первоначальное значение от греческого «ката» — вниз и «строфа» — оборот. Если существует оборот вниз, то следом наступает оборот вверх, объяснили физики нового поколения, потому что в космосе всё вращается. Слово же «катаклизм» не нуждалось в особых пояснениях, люди двадцать первого века хорошо усвоили ту истину, что всякий оборот вниз или вверх нуждается в клизме. На эту тему в мире было защищено несколько тысяч диссертаций, а два труда американских ученых даже удостоились Нобелевской премии.

Планету продолжали сотрясать сильнейшие землетрясения, но люди к этому привыкли. Одни во время разломов земной коры взлетали вверх над трещинами и перемещались в безопасное место. Другие, увы, проваливались под землю, стойчески закрыв глаза и, как правило, успев шепнуть знаменитый слоган конца двадцатого столетия — да здравствуют права человека!

Не спеши принимать, читатель, эти предсмертные слова уходящих под землю людей за чёрный юмор. Никакого юмора! Провалившимся под землю неудачники прекрасно знали, что они вынырнут через некоторое время на земную поверхность и будут снова бороться за свои права. Ведь наступила эпоха «воскрешения мертвых», как об этом было сказано в древних пророчествах. И сами пророчества обрели научную основу.

Наука объяснила людям, что в новую эпоху ад и рай самоликвидировались. Живущие в раю уплотнили свои тела и спустились на землю. Живущие в аду либо сожгли свои соматические оболочки и переместились на планету Сатурн, либо в полуобгоревшем виде поднялись из подземелий наверх. Правда, кое-где островки рая и ада ещё сохранялись, так же как для некоторых обитателей ада были созданы на земле специальные экологические вольеры. Но об этом разговор впереди.

Эклиптика Земли тоже сильно изменилась, отчего глобус мира приобрёл новые очертания. Почти вся Европа ушла под воду, южная её часть превратилась в архипелаг различных по размерам островов. В Северной Америке океан полностью затопил густонаселенную и самую промышленно развитую восточную часть Соединённых Штатов. Кстати, такую перспективу для США предвидел в начале XX века американский прорицатель Эдгар Кейси. Что же касается некоторых других стран, то они подверглись быстрому оледенению, потому что Северный полюс передвинулся сюда. Но «быстро» не означало мгновенно. И оледенение и другие катастрофические процессы происходили в течение нескольких десятилетий, так что добрая часть жителей Северной Америки, как, впрочем, и Европы, успела эмигрировать в безопасные места, главным образом в Россию и в Союз сибирских республик. Но часть американцев перебралась в джунгли Амазонки и создала там новые США — Соединённые Штаты Амазонии после того, как 52-й президент США Джордж Амадей Бакс Самый Младший купил за пятьсот миллиардов долларов большой участок земли в малонаселенной части Бразилии.

В ту пору все газеты и телевизионные программы мира обнародовали его программную фултоновскую речь. Мы приводим текст речи полностью, без сокращений, ибо она представляет собой важный исторический документ.

«Леди & джентльмены! Амазоно-американские братья и сёстры! К вам обращаюсь я, друзья мои!

Я говорю и показываю себя из города Фултона, где великий друг американского народа сэр Уинстон Черчилль когда-то произнёс такую же, как моя, знаменитую речь, положившую начало нашему крестовому походу против империи зла — коммунистической России. Как вы знаете, мы сокрушили этого монстра, но теперь нам угрожает новое чудовище — космический коммунизм и космический терроризм. Незваная нами звезда Тишия разрушила нашу благословенную рыночную империю и пытается на всей обозримой ойкумене возродить коммунистические порядки. Но пасаран! Они не пройдут!

Леди & джентльмены, к сожалению, мы не прислушались к советам незабвенного старика Теллера и вовремя не атаковали зловещую звезду всей объединённой ядерной мощью Америки. По этому поводу русские выразились примерно так: «Амазонский президент крепок умом, который у него в заднице». Пусть оставят в покое мой ум и мою задницу. Пусть смеются, сколько угодно, наш истеблишмент им не удастся сокрушить. Посмеемся и мы. Будет и на нашем Бродвее праздник!

Мы построим в Амазонии новый форпост демократической рыночной цивилизации. Мы переведём туда военную мощь нашей страны: самолеты, подводный флот, морскую пехоту, танки и радары. Мы ощетинимся против Космоса всей нашей ядерной мощью и защитим права человека. Как говорят наши друзья в России сэр Мороженый Голавль и сэр Дарёное Чучело (кстати, не без удовольствия отмечу, что это наш подарок русским), так вот, как говорят наши друзья: «Пускай в сортире тонет голова, зато не ущемим ничьи права». Я не ручаюсь за точность моего перевода этого известного русского демократического афоризма, но за адекватность мысли ручаюсь.

Леди & джентльмены! Наши ученые, среди которых известные Нобелевские лауреаты, теперь уже научно доказали, что Бог есть, что Он любит Амазонию и наши рыночные ценности. С Его помощью мы создадим такую бомбу, которая разрушит зловредную коммунистическую звезду. Это так же истинно, как то, что я — Амадей, возлюбленный Богом хороший парень. Клянусь на конституции — мы победим плохих космических парней.

Леди & джентльмены! Друзья мои! Первый коммунистический пророк сказал: «История повторяется дважды: сначала в виде трагедии, потом, как рыночный фарс». Рыночная демократия переживает ныне трагедию, но мы превратим её в весёлый мюзикл. Мы назовём его «Бродвейская история». Мы посрамим космос и весело посмеёмся над всеми коммунистическими пророками, от первого до последнего! (На этих последних словах президента прозвучал гомерический смех лучших басов Амазонии, записанный предварительно на аудиокассете).

Пусть осенит нас победоносное знамя Уинстона Черчилля и звездно-полосатый флаг!

Да здравствует рынок! Да здравствует великий и вечный Бакс! Не я, Джордж Амадей Бакс Самый Младший, ибо я всего лишь скромный смертный, а наш дорогой, наш любимый, наш венчозелёный Бакс!

Dixi. Я сказал».

Такую эпохальную речь произнёс в своё время Джордж Амадей Бакс Самый Младший, пятьдесят второй президент Соединённых Штатов Америки в городе Фултоне во время вручения ему пяти Оскаров за лучшую роль в четырёх фильмах, где он сыграл роль Джорджа Бакса Старшего, Джорджа Бакса Среднего, Джорджа Бакса Младшего и самого себя. До избрания президентом самый младший Бакс, как известно, состоял, подобно одному своему предшественнику, в первой актёрской гильдии Голливуда. Пятого Оскара Джордж Бакс получил за самую секспильную внешность среди всех мировых звёзд кино. После чего началась миграция амазоно-

американцев в Бразилию, и родились новые США — Новые Соединённые Штаты Амазонии.

Сибирь же, как и Южная Америка, в эпоху Великих Перемен полностью уцелела. Ее не смогли затопить волны Мирового океана, потому что вместе с таянием полярных шапок тектоническая платформа Северной Азии поднялась на безопасный для наводнений уровень.

Перемена эклиптики совершенно преобразила климатические условия в Сибири. Оттаяла вечная мерзлота, новые температурные режимы позволили высаживать субтропические и даже тропические растения и деревья. Отдохнувшая в течение многих тысячелетий земля давала невиданные урожаи. Сюда постепенно переселялись люди со всех континентов, как уходивших под воду, так и стабильных. В Сибири появилось очень много европейцев.

Дальний Восток заселили японцы, чьи острова почти полностью ушли на морское дно. Все переселенцы безоговорочно принимали уклад жизни Союза свободных сибирских республик и не пытались учить своей идеологии их коренных жителей.

Продолжали прибывать корабли и самолёты из Соединенных Штатов и Австралии. Кстати, этот последний континент постепенно обрел роль и климат Южного полюса, а Антарктида сбросила свой ледяной панцирь, и на ней тоже стали возникать поселения.

Все вновь прибывшие сначала жили в палаточном городке, но сразу же получали кредит и строили себе дома. При этом строительные навыки приобретались в работе. В новом СССР существовало правило: каждый строил дом себе сам, но ему обязательно помогали соседи. Они-то и обучали эмигрантов строительному ремеслу. Архитектура разрешалась разнообразная, по вкусу хозяина, но жилые дома не должны были превышать трёх этажей. На первом этаже располагались, как правило, бытовые помещения, кухня и столовая, на втором — спальни и рабочие кабинеты, на третьем — комнаты для молитв и медитаций.

Можно было бы много рассказать о порядках в Союзе сибирских республик, но все их суммировало одно понятие — Община, или Коммуна. По поводу этого последнего слова в мировом сообществе состоялось несколько дискуссий. Высказывались мнения, что коммунистическая система слишком замарала себя в крови, что лучше в Новом мире сохранить название «демократия». Однако, большинство учёных пришли к выводу, что демократические порядки в последние годы существования Старого мира, когда власть захватили слуги Авичи, принесли гораздо больше горя людям, чем коммунистические, а главное, растили множество душ, и по этой причине миллионы индивидуальностей не смогли более жить в энергетическом режиме обновлённой Земли. Им пришлось переселиться на планету Сатурн, где сознательная жизнь только зарождалась.

Что касается героя нашего рассказа, то в новом своём воплощении он работал советником по вопросам миграции в правительстве Союза сибирских

республик. Из прошлого воплощения он унаследовал страсть писать стихи, но их не публиковал, предпочитая оставлять у себя, как некий дневниковый документ.

Через два часа ему предстояло отправиться в командировку в один из городов на западе Союза, откуда пришёл запрос прислать консультанта по возникшим миграционным проблемам.

* * *

Всё дело в том
Чтоб ночью, в январе,
Когда мороз собак бездомных гложет,
Ждала в конюшне на твоём дворе
Тебя всегда оседланная лошадь.

А если занесёт её рысца
Куда-нибудь к откормленным и жадным,
Всё дело в том, чтоб ты от их крыльца
Скакал без промедления к безлошадным.

Всё дело в том, чтоб новая весна
Не повторяла прошлую в пространстве.
Чтобы всегда сквозила новизна
В наскучившем житейском постоянстве.

Всё дело в том, чтоб даже рай и ад
Маячили без страсти, без опаски,
Чтоб ты прошёл всеобщий маскарад,
Не надевая, как другие, маски,

Ни Арлекина маски, ни Пьеро,
Приманки бытия того не стоят.
Чтоб женщина — адамово ребро —
Могла лишь ненадолго успокоить.

Чтоб даже поэтический запой,
Как всякий прочий, возвращался к прозе.
Ну что ещё?..
Чтоб ты самим собой,

Бродяжничал в тепле и на морозе.

Умное деланье

Каждое утро Петра начиналось с молитвы. Это было краткое погружение в состояние безмолвия и обращение к Всевышнему с молчаливой

благодарностью за прошлый день, а также с обещанием провести в любви и труде день будущий. Затем мысленно он произносил молитвы. Иногда пел мантры. В своё время он перечитал немало книг по практике погружения в состояние безмолвия, наибольшее его внимание привлек опыт православных старцев. И хотя в новую эпоху многие духовные искатели вообще отказались от специальных молитвенных и иных практик, сделав умное делание постоянным спутником жизни, Петр продолжал выработанную за годы методику..

Он поднялся на третий этаж в комнату молитвы. В ней пахло ладаном и мёдом, Запах мёда исходил от лежавших на столе восковых свечей, которые прислал Петру его друг, живущий в республике Алтай. В комнате не было никакой мебели, только стол и стул. На столе, кроме свечей, лежала стопка книг — Библия, Коран, Дхаммапада, Бхагавадгита. Отдельно в стороне стояли книги недавно изданного десятитомного канона Йоги Огня. На стене перед столом висели самые дорогие Петру изображения: старинные иконы Иисуса Христа и Божьей Матери, а также изображения Сергия Радонежского и Серафима Саровского, поясной портрет великого маршала, выигравшего решающие сражения земного Армагеддона в середине прошлого века, бронзовый барельеф великого русского поэта начала XIX века. В середине своего настенного алтаря Пётр поместил большой портрет автора книг Йоги Огня. Это был прекрасный лик синеглазого мужчины с длинными, ниспадающими на плечи каштановыми волосами и такой же каштановой бородой. Голова его была увенчана белоснежной чалмой, конец которой опускался на белую сорочку. Самыми поразительными на этом лице были глаза. Они жили своей жизнью. Каждый раз, когда Пётр садился за стол, эти глаза смотрели на него по-разному, то теплели и улыбались, то принимали скорбное, а иногда суровое выражение.

Под портретом на полочке из кедра (её Пётр смастерил сам), располагалось другое, символическое изображение автора книг Йоги Огня — небольшая бронзовая скульптура Майтреи, привезённая Петром из последней командировки в Тибет.

Изыщная вещица была отлита в мастерских знаменитого буддийского монастыря Шигадзе, того самого, где когда-то, еще в середине XIX века собрались Махатмы Шамбалы и посланцы других планет Солнечной системы, чтобы решить некоторые проблемы будущего Земли в преддверии приближения к ней звезды Тишия. Большинство собравшихся на той Великой Встрече склонялось к мысли отдать будущее планеты естественному ходу событий, но двое из присутствующих Махатм — Мория и Кут Хуми вызвались помочь людям некоторыми специальными мерами. Через своих помощников из воплощенных людей они дали землянам Йогу Огня в дополнении к другим Священным Заветам. Тогда же Мория взял на себя общее руководство Землёй. Ему был присвоен титул Майтреи, Владыки нового планетного цикла, как это завещал один из прежних Владык Земли — Готама Будда.

Пётр сел на стул, зажег свечу, устремил глаза на Морию и включил музыкальный центр. Из динамиков в сопровождении чарующий музыки зазвучали слова:

Ом. Сат-чит-А-а-а-нанда. Пар-а-а-а-брама-а-а-ан. Пуруш-о-о-о-тама. Парам-а-а-а-тма-а-а. Шри-и-и Багават-и-и-и саммит-а-а-а Шри Багаватэ-э-э, намах-а-а-а-а. Ом.

Музыка и слова проникали в душу Петра, касаясь её сокровенных глубин. Синие глаза Учителя Мории, казалось, засветились, лучи из них проникли в сердце Петра и отеплили его грудь. Пётр физически ощутил, как нежно зажглась левая часть груди, затем правая. Невидимый огонь охватил солнечное сплетение, подступил к горлу. После этого началось движение огня в позвоночнике. От нижней его части огненные змейки бежали к основанию черепа и обратно. Все существо Петра охватило блаженное состояние. Он закрыл глаза и стал повторять про себя:

Отче наш, иже еси на небесех. Да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави нам долги наша, яко же мы оставляем должником нашим. И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого, яко Твое есть и Царствие, и сила, и слава во веки веков. Аминь.

Пётр повторил молитву, потом стал шептать её в третий раз. Он вспомнил, как великий старец Иоанн Кронштадтский прибавлял к некоторым фразам молитвы слова «в России», и тоже принялся делать свои добавления. «Да святится имя Твое в Сибири, да приидет царствие Твое в Сибири, да будет воля Твоя в Сибири». Тепло из верхней части тела начало распространяться на нижнюю, пронизывать ноги.

Пётр перевёл взгляд на икону Иисуса Христа, прочёл Иисусову молитву, сконцентрировав всё внимание на сердце, семь раз повторил: «Господи, помилуй!» Он не вкладывал в слово «помилуй» ни малейшего чувства страха, как это рекомендовали старые книги. Сердце Петра почувствовало нечто иное, оно купалось в волнах радости и любви к Спасителю. «Господи, помилуй! Ты милее мне всех на свете, будь милым, если я этого заслуживаю, и ко мне», — шептал он.

Дыхание Петра становилось очень лёгким, чуть слышным. На вдохе вместе с мысленно произнесённым «Господи» он как бы принимал глоток Божественной любви и провожал эту «воздушную любовь» сначала в лёгкие, а потом в сердце; на выдохе посыпал Господу свою любовь. Через некоторое время всякие усилия молящегося прекратились, он почувствовал, как в него вошла тонкая и прохладная сила, остановившая дальнейшее «возгорание» тела.

Икона ожила. Золотистая фольга, окружавшая лицо Спасителя, засияла ярким солнечным светом, хотя прямые лучи солнца не попадали в комнату. Пётр увидел, что глаза Христа на иконе излучают мысль, живую вибрирующую мысль, которая, как серебристое облачко отделилась от иконы. В следующее мгновенье эта мысль вошла в сердце Петра:

«Благословляю. Соединяй Меня с братьями Моими. Помогай миру обрести единство. Мы встретимся».

Несказанное чувство охватило Петра. Он видел внутренним зрением, как вокруг его головы, плеч и груди засиял свет, и этот свет привлек огненные образования из пространства. Синие, жёлтые, рубиновые шарики закружили, затанцевали вокруг Петра.

И тогда он начал читать про себя первую суру Корана. Он очень любил эту книгу за её суровую решимость, за бескомпромиссность в утверждении Единого Бога, неделимого, сурового и милосердного для всех людей.

Хвала Аллаху, Господу миров, милостивому и милосердному, Царю в день Суда! Тебе мы поклоняемся и просим помочь! Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, кого ты облагодетельствовал, но не по пути гневных и заблудших.

Сердце разгоралось всё сильнее, тёплые волны от гортани поднялись к мозгу, на память пришли другие мысли Корана:

«И знайте, что Аллах стоит между человеком и его сердцем». «О, люди, пришло вам увещевание от Господа и исцеление, оно в вашей груди и прямой путь и милость верующим там же». «А когда человека коснётся зло, он взывает к Нам и на боку, и сидя, и стоя; когда же мы удалим постигшее его зло, он проходит мимо Нас, как будто и не призывал Нас против зла». «Каждому народу свой посланник, и когда придёт их посланник, то будет решено между ними по справедливости, и они не будут обижены».

Потом в душе Петра сама собой возникла буддийская молитва «Ом-мани-падме-хум». И, наконец, вновь устремив взгляд на изображение Учителя Мории, он семь раз повторил его имя. Цветные шарики превратились в туман, а из тумана возникли фигуры людей в белоснежных чалмах, в черных скуфьях христианских монахов, в бордовых одеждах монахов-буддистов. Свет, исходивший от этих человеческих фигур, смешался со светом самого Петра, рождая чувство покоя и огромного счастья. Захотелось послать избыток чувства людям, и он почти в экстазе выговорил: «Пусть миру будет хорошо! Пусть миру станет так же светло и радостно, как мне».

Из состояния глубокого внутреннего покоя, вывел голос, прозвучавший изнутри: «Пора!»

Пётр посмотрел на часы. Казалось, прошла целая вечность, как он погрузился в молитву, но часы показали, что прошло только полчаса. В голове его зазвучали стихи.

Две силы борются в душе,
И обе в ней настороже,
Следят за третьей — за вниманьем,
Танцующим на их меже.

* * *

Ты силой не гордись своей,
Всегда найдётся, кто сильней.
Держись за руку Иисуса
Тем крепче, чем тропа тесней.

* * *

Споткнёшься — слишком не грусти,
А встал — с молитвою иди,
Самохожденье и отчаянье —
Две бездны на твоём пути.

* * *

В бою с окрестным вороньём,
В сраженье внутреннем твоём
Умей бороться в одиночку,
Но побеждать всегда
Вдвоём.

* * *

Будь искушеньям всяkim рад,
Зовущим в рай, влекущим в ад.
Но каждому скажи с улыбкой:
— Всего дороже путь утрат.

* * *

Чего от будущего ждёшь,
Сказав, — он плох, а я хорош?
Словами этими незримо
Вонзил в свою же душу нож.

* * *

Ты греешь руки у костра,
Зажжённого в груди вчера,
И сам себе из сердца шепчешь:
— Сегодня на мороз пора!

Встреча с великим странником

Пётр вышел в сад. Утренний ветерок коснулся его груди, охлаждая еще горевшую после молитвы кожу. Садовые цветы, искрясь капельками росы,

повернули к хозяину свои разноцветные головки. Некоторые из них совершили движения, похожие на поклоны, другие трепетали. Совершенная молитва, словно одухотворила цветы, настроила их на молчаливый разговор с человеком. И такой разговор продолжался, пока Пётр поливал цветочные клумбы. Это не был разговор в прямом смысле слова, скорее, его можно было назвать обменом тонкими энергиями любви, приносившими обеим сторонам дополнительное чувство радости.

В приподнятом настроении Пётр отправился на работу. Он почти физически чувствовал, как в груди его горит яркая свеча.

В приёмной министерства по делам миграции секретарь вручила Петру пакет командировочных документов и пригласила войти в кабинет:

— Министр вас ждёт.

Пётр вошел. Он не однажды бывал в этом кабинете, находился в дружеских отношениях с его хозяином, насколько позволяла такие отношения деловая дистанция между советником президента и министром. И теперь министр вышел из-за стола, обнял Петра.

— Садись. Командировка предстоит не из лёгких. Каратин у твоих новых подопечных скоро закончится, нужно думать, что с ними делать дальше. В пакете посмотришь характеристики на каждого, но предупреждаю — все они с нашими характеристиками вряд ли согласятся, их мнение о себе чрезвычайно преувеличено. Огонь в Авики только раздул его. Кроме того, все чувствуют себя героями и рвутся стать нашими благодетелями, на меньшую роль они не согласны. Так что лечить придётся каждого из них долго. Особо обрати внимание на главного в их семействе, — на рыжеволосого, с чёлкой. Ему досталось больше, чем остальным, поэтому он клянётся, что раскаялся. Почувствуешь, насколько это искренне.

Министр умолк.

Пока он заканчивал свою речь, солнечные лучи, падавшие в широко открытое окно кабинета, свернулись в один сверкающий жгут. От жгута отделилось некое подобие шаровой молнии. Молния поплыла по ковру к кожаному дивану, стоявшему в стороне от стола министра, поднялась и повисла в воздухе. Пётр застыл в напряжении, боясь пошевелиться. Тихий треск — и шаровая молния превратилась в сидевшего на диване человека лет тридцати пяти в белом одеянии, какое Пётр видел на картинах старых мастеров. Взгляд человека, брошенный на Петра, был подобен электрическому разряду. Петра затрясло от него, в какую-то минуту он почувствовал, что теряет сознание от невозможности выдержать энергию, исходившую от этого появившегося из солнечного луча человека. Синеглазый человек поглядел на Петра, ободряюще улыбнулся, и волнение Петра улеглось. Но сидевший напротив него директор не выдержал пространственного огня, он уронил голову на грудь и заснул в своём кресле.

Что-то удивительно знакомое проступало во всём облике солнечного человека — в золотистых длинных волосах, падавших на плечи, в небольшой русой бородке, слегка раздвоенной в конце, в миндалевидных, задумчивых глазах цвета утреннего неба, в легкой полуулыбке.

— Ты узнаешь меня? — обратился человек к Петру. Синие глаза его, казалось, проникали в самую глубину души Петра. В ней возникли смутные образы, которые постепенно сложились в чёткую картину. Древний город, тесная улица, палящее солнце. И толпы чернобородых людей, потных, взволнованных, галдящих. Он, Пётр, вместе с группой солдат ведет на казнь этого человека, прокладывая дорогу в толпе угрожающими взмахами меча.

У лобного места синеглазый человек, повинувшись команде начальника конвоя, ложится на большой деревянный крест, закрывает глаза. Начальник конвоя протягивает Петру несколько больших кованых гвоздей:

— Бей! — приказывает он.

Пётр отрицательно качает головой.

— Ты не желаешь выполнить приказ наместника?

— Я не могу.

— Ты иудей? Тебе запрещает вера?

— Я римлянин.

— Ты веришь, что этот человек бог?

— Он — человек. Таким должен быть каждый из нас.

— Он смутьян, он смущает поданных цезаря лживыми проповедями.

Возьми гвозди!

— Нет.

Начальник конвоя бьёт плащмя своим коротким мечом по щеке Петра.

Брызжет струйка крови.

— Ты выполнишь приказ?

— Нет!

— Хорошо. Свяжите ему руки и отведите в казарму, — отдаёт распоряжение начальник конвоя.

Солдаты заламывают Петру руки, скручивают их ремнем, уводят. Он успевает увидеть, как один из конвойных придавливает коленом руку осуждённого к кресту, вколачивает гвоздь в его руку...

Видение растаяло.

— Ты вспомнил? — мелодичный голос синеглазого человека возвратил Петра из прошлого в настоящее.

— Да, Господи.

— Почему называешь меня «господи»?

— По привычке.

— Такая привычка дорого обошлась мне и людям. Я не господин, я — Друг. Когда-то ты знал об этом.

— Знаю и теперь.

— Почему говоришь?

— Повторяю слова людей. Для них ты повелитель всего. Так истолкованы твои слова: «Я и Отец — одно».

Синеглазый человек кивнул головой:

— Да, людям слишком долго вбивали в голову эту мысль.

— Это была сознательная ложь?

— Многим трудно истолковать Мои слова иначе. Погляди на него, — синеглазый человек указал рукой на спящего ministra.

— Он очень хороший человек, — неумело вступил за директора Пётр.

— Разве я сказал, что он плохой? Он не может смотреть мне в глаза. Между тем время для этого пришло всем.

— Смотреть на Тебя?

— Смотреть открытыми глазами на Солнце. Смотреть в глаза Истине.

— Ты когда-то сказал, что останешься на Земле, пока Твой огонь не возгорится. Ты по-прежнему руководишь Землёй?

— Землей руководят люди Солнца. Мы на Земле вместе с моим Братом помогаем им.

— Как зовут Брата?

— Мория.

— Тот, кто объявил эпоху Майтреи?

— Да.

— Что значит эпоха Майтреи?

— Эпоха Великой Матери. Применительно к Земле — эпоха Женщины.

— Кто из вас главный, Ты или Брат?

— Зачем тебе это знать?

— Людей очень интересует вопрос старшинства. К кому из Вас лучше обращаться за помощью?

— Можешь обращаться к тому, кто ближе сердцу твоему. Мы не соревнуемся в старшинстве. Для ваших лидеров власть есть предмет вожделения, для нас власть — жертва.

— Жертва? Почему жертва?

— Потому что руководить людьми — слишком тяжкий крест. Две тысячи лет этот крест нёс я, теперь его несёт Мой Брат.

— Я хочу разделить Вашу ношу и скорбь.

— Разве я завещал скорбь? Я заповедовал радость. Чем тяжелее ноша, тем больше радости даётся человеку.

— Я молюсь Тебе в радости.

— Я видел это, и поэтому здесь. Тебе предстоит поездка и встреча с теми, кто много лет назад распинал меня. С тех пор они мало изменились. Попробуй помочь им в последний раз, может быть, что-нибудь поймут...

— Помочь им?

— Да, помочь. Они прошли через ад. Теперь могут превратиться либо в прах, либо отправятся на Сатурн, если не прекратят упорствовать в заблуждениях. Об этом они и другие были достаточно предупреждены моим старшим Братом Моисеем и моим младшим Братом Магометом.

— Если они не услышали голос пророков, что могу сделать я?

— Скажи им, что тогда они продолжат тропу скорби. Бесконечную тропу тьмы и скорби, которая приведёт их в ту же самую точку, где они находятся сейчас.

— Но они сами выбрали тропу скорби. Хватит ли моих сил увести их с неё?

— Сделай все, чтобы помочь им. Помни обо Мне и действуй моей силой. Там, где не убеждают слова, действуй молчанием, действуй огнём своего сердца.

* * *

Огонь в груди,
Блаженный, чистый, тихий,
Какой восторг зажечь его в ночи
И бережно хранить всю жизнь от вихрей,
Колеблющих дыхание свечи!

Поддерживать его благой молитвой,
Делиться им с отечеством своим
И знать — пока в душе твоей горит он —
Оно живёт, и ты непобедим.

Зона вольеров

Вечером того же дня самолет, на котором летел Пётр, приземлился в аэропорту города, где нашему герою предстояло провести несколько дней.

Утром представитель местной администрации отвез его к месту предстоящей работы.

Перед ними расстипался обширный пустырь, огороженный колючей проволокой, сплошь покрытый чёрным вулканическим пеплом и остатками всевозможного бытового хлама, собранного в аккуратные горки. Видны были обгорелые холодильники, закопчённые бытовые приборы, рулоны проволоки, кучи жестяных банок, картонных ящиков, электромоторы, огромные ржавые котлы, металлические бочки. Кое-где грейдеры ещё сгребали остатки этого мусора, но в основном работали экскаваторы и большие самосвалы, грузившие и вывозившие весь хлам за территорию. На видном месте у въезда в пустырь большой деревянный щит большими буквами информировал: «Территория бывшего «Единого энергетического холдинга» и АвиЧи. В настоящее время преобразуется в городскую зону отдыха».

Видимо, площадь пустыря еще недавно была гораздо шире, потому что за его оградой с внешней стороны высаживали деревья и кустарники, а неподалеку зеленел молодой парк, огороженный высоким металлическим частоколом. Туда и проехал на машине Пётр с сопровождавшим его представителем местной администрации.

Как он объяснил Петру, предметом их общих забот был сложный психологический климат, установившийся в вольерах, где обитали бывшие жители полностью уничтоженного землетрясением холдинга и поднявшиеся

из подземных глубин аборигены Авичи. Вольеры построили по их просьбе. Дело в том, что новосёлы, по словам представителей местных властей, не смогли приспособиться к новым вибрациям на Земле и потребовали создать для себя специальные жилые помещения. Испробованы были разные варианты, от индивидуальных коттеджей и подземных бункеров до сооружений, напоминающих овощные теплицы. Наконец, кому-то пришла в голову идея вольеров. Идея новосёлам понравилась. В вольерах насадили деревья, поставили палатки, оборудовали открытый стадион, где главным образом проходили разного рода собрания, ток-шоу и гала-концерты. Согласно общему пожеланию вновь прибывших, территорию заповедника огородили высокой железной оградой, защищавшей их от излишнего любопытства местных жителей. Чтобы обеспечить плавный переход от дымной атмосферы Авичи к атмосфере постпреисподней жизни, в центре новых поселений непрерывно жгли различный мусор. Поселенцы, привыкшие дышать в Авичи дымом, чувствовали себя в этой обстановке, конечно, не так, как в своём недавнем подземном жилище, но всё-таки более или менее сносно. Тогда как, выходя из вольеров на свежий воздух, они вынуждены были надевать устройства, напоминающие противогазы, где вместо фильтров имелись аккумуляторы с конденсированным дымом. Иначе у них начинались астматические явления и возникали проблемы с вестибулярным аппаратом. Понятно, что склонность к дыму, так же как некоторые иные экзотические привычки эмигрантов из Авичи, вызывали недоумение, а кое-где даже раздражение местных жителей, несмотря на всю разъяснительную работу администрации.

Но главными оказались проблемы психологической адаптации. Мигранты из холдинга и преисподней никак не принимали, по их словам, новый менталитет Земли. И доставляли немало головной боли местной администрации. Вначале они объявили голодовку, требуя, чтобы их вернули на прежнее местожительство. Им объяснили, что холдинг и Авичи больше не существуют. Тогда они заявили, что отказываются выполнять любую иную работу, кроме той, что делали раньше. Однако на новой Земле под новым Небом не существовало ни парламентов, ни телевизионных ток- иекс-шоу, ни гала-концертов, отсутствовали также профессии имиджмейкеров, политтехнологов, короче, как выразился один шутник, всех этих «рокеров, брокеров, хакеров, квакеров, дилеров и триллеров». Люди строили дома, учились, трудились на полях и совершенно забыли все прежние рыночные изобретения. Стена полного непонимания между мигрантами и местными жителями увеличивалась с каждым днём. Разрушить ее или, по крайней мере, уменьшить — такая непростая задача стояла перед советником правительства СССР по вопросам миграции Петром.

Зона вольеров располагалась за обширным парком, растянувшимся на несколько километров в длину. Парк и каскад искусственных прудов отделял вольеры от остальной территории. Пётр вместе с сопровождавшим его представителем местной администрации проехали на машине к воротам первого вольера. Ворота были настежь открыты, в стороне от них на

железных прутьях ограды блестел слегка поржавевший лист жести, сообщавший о тех, кто находился внутри: «*Familia Homo primitivus*. Реликтовое семейство примитивных приматов, отдельные экземпляры которого уцелели до наших дней. Прежний ареал обитания — Садовое кольцо бывшей столицы государства. Ныне в естественных условиях не встречаются, могут жить только в искусственной среде. Питаются долларами и ценными бумагами. Находятся под охраной государства».

Петр вместе с сопровождающим вошли внутрь. Их тотчас окружила пёстрая толпа обитателей вольера. Это были очень странные субъекты. Во-первых, в глазах у всех сохранялся зеленовато-красный адский отсвет. Во-вторых, каждый житель вольера имел какой-то физический недостаток: скрюченную руку или ногу, горб, деформированные уши, нос, губы. Некоторые ходили с постоянно полуоткрытым ртом. Почти у всех не было волос на голове или же эти волосы росли какими-то клочками. Некогда связанные за спиной крылья у подавляющего большинства полностью обгорели, лишь кое у кого сохранялись их робкие остатки. Также у всех на рукавах или на груди были пришиты стандартные лоскуты белой ткани с черными надписями о партийной принадлежности. Лоскутов перед глазами мельтешило такое множество, что Пётр не успевал прочитывать названия: «Единая рыночная Россия», «Демократическая рыночная Россия», «Либерально-демократическая рыночная партия», «Союз рыночных сил», «Партия любителей рынка» и т.д. Сначала Пётр принял эти нашивки за некую форму дискrimинации, то есть за попытку превратить вольер в гетто, но представитель местной администрации категорически отверг такую догадку. Он заверил, что нашивки — исключительно инициатива самих обитателей вольера. Даже супружеская пара мастеров вокала — Филимон и Филумена, как они представились Петру, обозначили себя принадлежностью к «Партии рыночного гала-концерта». Кроме того, Филимон держал в левой руке коричневый кейс с наклейкой «Миллион \$». И, как пояснил сопровождавший Петра представитель местной администрации, Филимон и Филумена были единственными обитателями вольера, кто представлял свою партию вдвоём, все остальные союзы и партии состояли из одного члена.

Как только Петр вместе со своим спутником ступили на территорию вольера, супруги первыми бросились встречать гостей.

— Хотите, мы вам споём? — спросила Петра Филумена.

— Да, да, мы споём вам дуэтом, — поддержал подругу Филимон. — Что вы предпочитаете, романс, рок, кантри, качественную попсу?

Но супругов грубо оттеснил бородатый крепыш, внешне похожий на Муссолини представитель Либерально-демократической рыночной партии.

— Не слушайте их, они нас тут всех достали своей качественной попсой. Им плевать на национальные корни. Давайте познакомимся. Я — Вольдемар Жураковский, вы, конечно, слышали о таком. Предлагаю вам вступить в мою партию.

— Не вступайте в его партию. Разве не видите, она хамская! Либерализмом и не пахнет, — сверкнула глазами Филумена. — Сгинь с глаз, каналья, иначе позову телохранителей.

— Телохранителей... презрительно фыркнул Жураковский. — Кому нужно твоё поддержанное тело?! За него банку растворимого кофе не дадут — подмигнул он Петру, как бы приглашая его участвовать в некоем предстоящем спектакле.

— Вы не смеете оскорблять мою жену. Она народная артистка холдинга, — сверкнул глазами Филимон.

Жураковский как-то кисло скривился и потрепал Филимана по щеке:

— Бывшего холдинга, Филя. Напрасно ты пузыришься. Филумена за себя и за тебя постоит покруче мужика. Ты же сам признался, что подкаблучник.

— И горжусь этим, — вспыхнул Филимон. — Вы все тут представляете только себя, а я лоббирую её интересы.

— Лоббируешь, лоббируешь... — Жураковский звучно щёлкнул Филимана по лбу, — только лоб у тебя и остался, Филимончик. А в нём полторы вокальных извилины. Да ещё этот чемодан, который никому здесь не нужен. Пролоббировали мы с тобой демократию, Филя, — элегически закончил свои рассуждения рыночный либерал-патриот.

Повисла общая тягостная тишина. Чтобы как-то прервать её, Петр заметил:

— Я смутно вспоминаю ваши прежние портреты. Кажется, в прошлой жизни вы не носили бороды.

— Он боялся походить на Карла Маркса, — пустил шпильку Филимон.

— Нашёлся юморист, — усмехнулся Жураковский. — Намекает на мое юридическое происхождение. Дело совсем не в крови, а в духе, Филя. Тело может быть юридическим, но дух патриотическим. Понял? А насчёт сходства я тебе скажу так: я похож на любого истинного лидера, потому что лидер по природе.

Пётр снова попытался остудить накал перепалки и обратился к супругам-вокалистам:

— Вы, кажется, что-то хотели исполнить?

— Охотно! — затараторили Филимон и Филумена. — Что бы вы хотели услышать, классику, рок, мюзикл?

— Классику, — ответил Пётр.

— Что же мы споём, дорогая для нашего гостя? — спросил Филимон Филумену. — Может быть, что-нибудь из докатастрофного репертуара? В стиле ностальжи? Давай споём нашу колыбельную. Мы когда-то пели её малышам с несостоявшейся судьбой.

Филумена кивнула головой, набрала воздуха в могучую грудь и запела. Филимон поддержал её вторым голосом.

Спи, мой светик, самый яркий,
Ты за год подрос.

Шлёт тебе свои подарки
Дедушка-Мороз.

Из Нью-Йорка ножки Буша,
Из Канады шприц.
Заживёшь ничуть не хуже,
Чем наследный принц.

Рынок для тебя построим
В будущем большой.
Коммунистам не позволим
Нас кормить лапшой.

Будешь кушать полной ложкой
Чёрную икру,
Подрасти ещё немножко,
Маленький мой друг.

Не пойдешь служить солдатом,
В брокеры пойдёшь,
Настоящим демократом
Скоро подрастёшь.

А когда ты станешь взрослым,
Толстым, как Гайдар,
Увезу тебя я в Осло
Или в Гибралтар.

— Да, построили рынок, поели икры, и чёрной, и красной, и всякой, — тяжело вздохнул Жураковский, когда супружеская пара закончила петь. — И Гайдар до Гибралтара не доехал. Здесь по соседству кантуетя на своей мраморной плите.

Петр переменил тему разговора:

- Я вижу, женщин у вас почти нет, за исключением мадам Филумены.
- Есть еще одна, вон в том углу отдыхает на нарах, — откликнулся либерал-патриот. — Но вы верно заметили — женщин у нас почти нет. Сами дошли до жизни такой, не пускали их в прежнее правительство.
- И в Думу, — с некоторой ехидцей добавил Филимон.
- Я три раза ставил на голосование закон, чтобы на каждого мужика в Думе было по четыре женщины. Как в исламе. Провалили.
- Ну, хорошо, — примирительно заметил Пётр. — В Думе и в правительстве вы без женщин обходились, а как же здесь без них живёте?
- Кто как, — ответил Жураковский. — Филимон с Филуменой живёт, я терплю...
- А остальные?
- Остальные не вполне традиционной ориентации.

— Как понять — «не вполне»?..

— Так и понимайте, в прямом смысле слова. Раньше были голубые, а теперь бледно-голубые.

— Дружище, я вас и не понимаю, — чистосердечно признался Пётр.

Жураковский поманил пальцем проходившего мимо странного субъекта с головой, похожей на мужской член. На рукаве его пиджака белела нашивка: «ПЕРДС — партия единого рыночно-демократического секса».

— Помните в *той* жизни был телеведущий, вел передачу «Окно в спальню», — пояснил бородатый. — Это он. Только сильно полинял. И силы нет, и аудитория другая. Развлекает нас здесь своими дурацкими секс-шоу. Им, этим рыночным гомикам, для секса достаточно одной картинки. Они же здесь все банальные без буквы «б». Я один оригинальный. Единственный стопроцентный мужик, — приосанился Жураковский.

Членообразный субъект рассерженно мотнул головой в сторону Петра и либерал-патриота:

— Забодаю!

Но Жураковский ловко схватил голову субъекта обеими руками и сжал её словно резиновый шарик:

— Не пугай гостей, чудик! Вы на него не обращайте внимания. Он всех здесь на испуг берёт своим набалдашником. А на самом деле он у него надувной и безопасный. Они все тут безопасные в смысле потенции.

— А что за женщина на нарах? — снова переменил пластинку опасно накренившегося разговора Пётр.

— Пойдёмте, покажу, — предложил либерал-демократ.

В углу вольера на нарах сидела толстая дама в халате и с босыми ногами. Лицо её напоминало тёмно-жёлтые песчаные дюны Сахары с зовущими к себе красно-зелёными оазисами глаз. Не вставая с нар, она протянула Петру пухлую руку:

— Калерия Новоборская. Не возражаю, если назовёте меня мисс Каля. Я представляю ПЕРДН — партию единых рыночно-демократических нар.

Внезапно дама запела хрипловатым голосом:

Лежу на нарах я простуженная с гриппом,
За демократию страдаю на ветру.
Костюм бостоновый и прохоря со скрипом
Я проиграла уголовникам в буру.

— Что такое? — Пётр с недоумённой улыбкой повернулся к Жураковскому. — Разве она из партии уголовников?

— Калерия всю жизнь мечтает о нарах в колонии общего режима. Можно и строгого. Но обязательное условие — наличие общих нар с уголовниками не старше пятидесяти лет, — словоохотливо пояснил либерал-патриот. — Ей очень тяжело с банальщиками. Она обожает простой народ. Воспитана на демократических традициях народовольцев. Тех самых героев-народовольцев девятнадцатого века.

— Но почему обязательно с уголовниками?

— Потому что я девица и одинока, — несколько саркастически и с кокетливым вызовом вмешалась в пояснения дама.

— Тогда всё ясно. Но ведь ваше одиночество мог бы скрасить он. — Пётр повернулся в сторону Жураковского. — Он тоже одинок и уверяет, что силён...

— Вы с ума сошли! — лицо либерал-патриота перекосило, когда он увидел, как физиономия Новоборской заволоклась зовущей улыбкой. — Лечь с ней на нары?! Под дулами установки «Град» не лягу!

— Позвольте презентировать мою партию, — раздался голос ещё одного обитателя вольера, полного, лысого человека в тёмных очках и в шляпе. Он как бы подкрался к говорившим и терпеливо ожидал, пока закончится разговор с Новоборской. — Я представляю обновлённую РСДРП.

— Ого! — удивился Пётр. — Возрождаете традиции начала прошлого века?

— Какого века, какое начало! Конец! — хохотнул Жураковский. — Профукал реформы, профукал свою прежнюю партию, теперь придумал какую-то Российскую социал-демократическую рыночную партию.

Лысый загорячился:

— Не слушайте этого закоренелого политического хулигана. Такие, как он, не дали мне довести реформы до конца. А я их мечтал завершить вместе с моим другом Джорджем. Какая жизнь могла бы состояться для народа! Цивилизованная, без экстремизма, каждый мог бы кушать в «Макдональдсе».

— Кушать в «Макдональдсе»... Не дали завершить реформы, вместе с Джорджем... Лёг под этого Джорджа ковровой дорожкой, — ерничал Жураковский.

— Меня простые люди любят, — отбивался лысый.

— Рассказывай басни, — продолжал обличать рыночный либерал. — В Омске за что получил от простого человека? За что он тебе вмазал, помнишь?

— Это было попытка спланированного теракта. Мне Джордж из Америки даже телеграмму с соболезнованием прислал.

— Во, он уже террористическое покушение нарисовал! Цену себе набивает. Они все здесь шоу разыгрывают.

— А ты не разыгрываешь? — нахмурился лысый.

— Я один настоящее шоу делаю.

— Ковёрный.

— А ты подковёрный!

— Господа! — возвысил голос представитель местной администрации, — мы приехали к вам не для партийных дискуссий. Советник центрального правительства по вопросам миграции хочет посоветоваться с вами по некоторым вопросам.

Пётр произнёс краткую речь, объяснил, что карантин в вольере заканчивается, что дальнейшая адаптация к новым условиям жизни должна проходить в естественных условиях и что обитателям вольера, как не

имеющим полезных профессий и не вписавшимся в структуру нового социума, предлагается три варианта предполагаемого местожительства.

— Первый вариант — соседнюю сельскохозяйственную корпорацию, — как мне известно, вы отвергли. Так?

— Так! Это не для нас, — загудела толпа.

— Второй вариант — отправка вас на Сатурн.

Толпа угрюмо замолчала.

— Какой третий? — раздался выкрик.

— Третий вариант — эмиграция в Соединённые Штаты Амазонии. Если, конечно, туда вас захочет принять Джордж Амадей Бакс Самый Младший.

— Хотим в Амазонию! — заревела толпа.

— Тише, господа! — вмешался представитель местной администрации.

— Вначале нам необходимо послать делегацию в Соединённые Штаты для переговоров. Три-четыре человека, не больше, во главе с советником правительства по миграции.

— Я поеду, — решительно заявил рыночный либерал.

— Он популист, он всё испортит, — возразил лысый в тёмных очках.

— Его знают по антиамериканским и антисемитским выпадам еще в *той* жизни. На переговорах нужен тонкий дипломат. Предлагаю себя.

— Ни в коем случае! — завопил Жураковский. — У него харизмы нет. И авторитета в народе. За что ни брался, всё профукал. А в дипломатии я разбираюсь ничуть не хуже его. Уж на этот счёт будьте покойны. Пощуметь, конечно, могу. Для рекламы и избиратората. Но лишнего никогда ничего не скажу.

— Мне кажется, — сказала Филумена, — лучше всего подойдём мы с Филимоном. Мы не ангажированы, исполняем мюзиклы, амазонский президент их любит. И потом... — Филумена всхлипнула, — у нас с Филимоном ранчо во Флориде накрыло волной. И мы до сих пор не получили страховку.

— Ну, что же, — согласился Пётр, — по-моему, Филумена и Филимон — самые подходящие кандидатуры.

— Остальных кандидатов подберем из других вольеров, — завершил разговор представитель местной администрации.

* * *

В земных делах барахтаемся слепо,
Нам неуютно меж землёй и небом.
С небесным тяготением борясь
Мы лезем в середину, то есть в грязь.

В ней нам привычней. Но тревожит что-то.
Одной ногой нашупываем дно,
Другую — погружаемся в болото,
И стонем, что летать не суждено.

И сочиняем горестные сказки,
Про то, что не видать кругом ни зги...
И на себя натягиваем маски
Неверия, отчаянья, тоски.

Но жизнь томит нам грудь
духовной жаждой,
И сердце наше встречи с Небом ждёт.
И крылья есть у всех, хотя не каждый
Готов отважно броситься в полёт.

Майл и Боб

Соседний вольер оказался пуст. Информация об отсутствующем хозяине гласила: «*Homo-reconstruction*²⁰. Неудавшийся реформатор конца прошлого века, начавший свою политическую деятельность в результате геронтологического кризиса в прежнем руководстве страны. Прошёл все потрясения предыдущей эпохи и катастрофы наших дней. За примерное поведение в Авиции освобождён досрочно. Хорошо адаптируется к разнообразным условиям жизни. Питается любой иностранной валютой, но в случае отсутствия таковой уже способен питаться молоком и кефиром. Алкогольные напитки не употребляет. Молочный брат обитателя соседнего вольера, принадлежащего к отряду *homo-familia*. Тот и другой занесены в Красную книгу. Охраняются государством».

Пока Пётр читал этот текст, к воротам из соседнего вольера подбежал уже знакомый представитель социал-демократической партии в противогазе.

— Насилу догнал вас, — запыхавшись, произнёс он, стаскивая с головы противогаз. — Милости прошу в мой вольер.

— А, так вы и есть хозяин этого вольера, знаменитый человек-перестройка! — вежливо улыбнулся Пётр. — Как же, как же, очень хорошо помню ваши портреты. Извините, что сразу не узнал вас из-за чёрных очков и шляпы.

— Приходится надевать, а то, как увидят без очков, подбрасывают...

— Что подбрасывают?

— Всякую ерунду. Люди очень злопамятны. Сравнивают меня с Керенским. Говорят, не ту свободу в страну принёс. Кому многое реформ, кому мало. Людям, знаете ли, никогда не угодишь.

— И всё-таки вы ушли из собственного вольера к злопыхателям...

— Знаете, скажу вам по секрету, у меня сосед за изгородью тяжелый. Очень грубый такой, злой и неуживчивый. Хуже человека не придумаешь. А я, знаете ли, люблю поговорить с интеллигентными людьми, посоветоваться, обменяться опытом, попеть вместе песни шестидесятых годов... В Европе меня всегда встречали с цветами... Сколько я там лекций прочёл! Нет старой

²⁰ *Homo-reconstruction* — человек-перестройка.

Европы, ушла под воду. — Лысый вытер набежавшую на щеку крупную слезу, надел черные очки и заглянул в глаза Петру, как бы ища сочувствия. Пётр поддержал собеседника:

— Европу, конечно жаль. Но и вас жалко. Почему такого милого человека, как вы, загнали в эту клетку?

— Знаете ли, на этот вопрос мне самому довольно трудно ответить, — со скорбной улыбкой сказал лысый.

— Я знаю, почему, — раздался грубый бас.

Рослый пожилой человек в хорошо сшитом сером костюме, с аккуратно уложенной волной седых волос стоял за решёткой соседнего вольера.

— Я знаю, — повторил он. — Старую систему сломал, новой не создал. Всех своих прежних друзей дома и за границей сдал классовым врагам. Кто в тюрьму попал, кого реформаторы пристрелили, кто сам застрелился. С реформами не справился, армию развалил, страну довёл до ручки...

— Мне не дали завершить реформы, — оправдывался лысый.

— Семь лет топтался на месте. А я взял власть и сразу навёл порядок.

— Да уж, порядок, — печально сопротивлялся напористому соседу лысый. — Расстрелял из пушек парламент!

— А шта! Россия любит твёрдую руку.

Подъехал экскурсионный автобус, из него высыпалася группа детей с учительницей. Экскурсанты выстроились вдоль вольера седовласого, с любопытством прислушиваясь к разговору стоявших внутри людей.

Шта, ребята, уставились? Медведя приехали посмотреть? А я не медведь, я добрый крокодил Гена, — седовласый начертил в воздухе какой-то замысловатый знак. — Помните такого? А вы, — он обратился к учительнице, — не молчите, расскажите ребятишкам, шта про меня учёные там написали: родоначальник гомо-фамилии, первый президент новой великой державы, создал демократию, провёл реформы. Водку не пьёт. Вшился. Питается молоком. В аду отбыл полный срок, без всяких зачётов... Правильно говорю?

— Господа, — сказал Пётр, переводя взгляд с седовласого на лысого.

— Подайте друг другу руку. Нам с вами предстоит серьёзная общая работа.

— Какая у нас с ним может быть общая работа! — заволновался лысый. — Я ему никогда руки не подам.

Седовласый вытянул согнутую левую руку со сжатым кулаком, в сгибе её он поместил ребро правой ладони и покачал в воздухе эту незамысловатую конструкцию:

— Вот тебе моя рука, видел!

— Господа, господа, — вмешался представитель местной администрации, — помиритесь. Вам, действительно, предстоит очень серьёзная поездка для переговоров... — Он сделал долгую паузу, во время которой лысый и седовласый с напряжённым вниманием взорвались на говорившего.

— ...Для переговоров с Джорджем Баксом о возможности вашей эмиграции в Амазонию, — закончил представитель местной администрации.

— Это меняет дело, — задумчиво произнёс седовласый. — Давненько мы не виделись с другом Джорджем. Хотелось бы с ним сыграть в шашки или в бейсбол.

— Он моим сначала был другом, — обидчивым тоном уточнил лысый.

— Не будем спорить, Майкл, пусть сначала был твоим, — согласился седовласый. — Ты с ним в домино сыграешь, а я в теннис или в шашки. Иди ко мне, Миккеle, я зла не помню.

Лысый подошёл к решётке, за которой стоял седовласый, протянул ему руку и уронил из левого глаза слезу:

— Не будем ссориться, Боб.

Седовласый пожал руку лысого, а другой рукой по-отечески вытер слезу с его щеки и погладил по блестевшей на солнце лысине:

— забудем партийные разногласия, Майкл. На шта они нам. Тем более я давно из партии выбыл. Давай по стакану молока выпьем. Загогулину такую нарисуем. — Он нарисовал в воздухе математический знак бесконечности. — Ну, так шта, выпьем? Как друг Джордж говорит, — дринк брудершафт. За монархическую рыночную демократию!

— Выпьем, Боб. Но я буду пить за парламентскую рыночную социал-демократию. И кефира налью. А то к вечеру в желудок вместе с молоком подбрасывают... — с озабоченным лицом пояснил лысый, обращаясь к Петру и представителю местной администрации. — Вы понимаете, что я имею в виду, — у меня желудок на молоко слабый, туалетов здесь тёплых нет, все удобства — на улице, ночью, знаете ли, неудобно бегать, когда подбрасывают...

Седовласый Боб проводил Петра до ворот вольера, а лысый Майкл даже вышел за ворота. Противогазную маску он не стал надевать, нервно мял её в руках. Некоторое время оба шли молча, потом Майкл заговорил:

— Вы, конечно, напишете обо всём увиденном?

— Я обязан написать отчёт.

— И покажете меня в самом карикатурном виде?

— Надеюсь, в объективном.

— Ваша объективность на поверхности. Вы же не знаете, что творится у меня в глубине души.

— А что у вас в глубине души?

— Тьма, египетская тьма. Самое страшное на свете, когда тебя не понимают. Ты стараешься изо всех сил, а тебе не верят, тебя ненавидят или не принимают всерьёз. Поймите хоть вы меня. Власть в России — страшное бремя. Никто из русских первых лиц не заслужил всеобщей благодарности. Я покинул своё место с клеймом разрушителя.

— Вы не покинули власть, она вас подкинула. И разбежалась.

Лысый Майкл остановился, скорбно посмотрел на Петра:

— Вот и вы смеётесь надо мной. А как бы вы повели себя на моём месте?

— У каждого своё место.

— Вот-вот. Но каждый охотно судит всякое чужое место. Когда я принял государственный руль, все требовали перемен. Одним хотелось, чтобы я крутил направо, другим — налево.

Пётр рассмеялся:

— Вы и крутили по заказам, то в одну, то в другую сторону. С большим люфтом. Пока до руля не добрались некие решительные механики.

— Когда-нибудь история оценят меня по заслугам, — печально продолжал разговор лысый Майкл. — Я никому сознательно не причинил вреда, позволил своей стране без большой крови совершить революцию. А самое главное, прекратил наше противостояние с Америкой, ведь оно, в конце концов, могло бы перерасти в страшную войну. Моя разрушительная работа не была страшной. Правильно?

— Оставим это мнение на вашей совести.

— Я имею ввиду не была страшной никому, кроме меня, — грустно закончил разговор Майкл.

Старые знакомые

Не осуждай свою эпоху,
Он нужен был нам страшный век,
Чтоб глубже поклонился Богу
Его предавший человек.

Чтобы вскричал:

— Нет сил отныне
Лежать в грязи, тонуть в крови!
Я жажду, как воды в пустыне,
Покоя, чистоты, любви!

* * *

Последний вольер стоял в стороне от остальных. Его территория, покрытая чёрным пеплом, выглядела словно поле боя после тяжелой артиллерийской подготовки. Зачерпнув пригоршню пепла, Пётр увидел, что весь он состоял из останков мух. Сложив лапки на груди, мухи спали вечным сном.

Внутри вольера в беспорядке валялись опоры линий электропередач, искорёженные трансформаторные будки и прочие атрибуты некогда хорошо отлаженного хозяйства Мороженого Голавля. Но прозрачный павильон из литого стекла полностью уцелел, как и пульт управления энергосистемой. За ним восседал уже знакомый нам хозяин холдинга. Он мало изменился. Чуть поседела рыжая чёлка да несколько опали румяные щёки, однако в глазах цвета маренго горел прежний решительный и в то же время ироничный огонёк. А в углу вольера, возле металлической решётки, возвышался

монумент сэра Дарёное Чучело. Он, как и в демократически-холдинговую эпоху, опирался головой на плиту из черного лабрадора, а ногами поддерживал кусок голубого мрамора. Глаза сэра Чучело медленно и задумчиво вращались.

Из генетической памяти Петра моментально встали картины прошлого. Голавль тоже узнал своего знакомца по виртуальному миру.

— Кажется, мы с вами где-то встречались? — спросил он.

— Кажется, так, — подтвердил Пётр.

— Мне помнится, в той жизни вы были человеком искусства?

— Вы не ошиблись. Но теперь я чиновник по вопросам миграции.

— Из последних угодили в первые.

— Ну, не в первые, где-то в серёдку.

— А к нам с какой целью?

— В служебную командировку.

— Очень интересно. Какой служебный интерес мы вместе с Чучелом моем представлять для вас теперь?

Пётр объяснил и добавил при этом, что оба обитателя вольера располагают перспективой попасть в Амазонию.

— Исключено для нас обоих, — отрезал Мороженый Голавль.

— Почему же, сэр?

— Для начала, очень прошу, не называйте меня сэр. Зовите просто Chub.

— Эпоха сэров закончилась, и морозить больше некого, я правильно вас понял?

— Вы поняли меня абсолютно верно.

— Но поездку в Амазонию тем не менее исключаете? Из принципов или по pragmatическим соображениям?

— Такая поездка невозможна. Джордж меня не примет. Я ведь не справился с его задачей. И потом посмотрите на мои ноги. Они, как и прежде, прикованы к этому окаянному месту. Моя карма полностью не закончена. И ещё хочу вам сказать, — Голавль пристально посмотрел на Петра, — у меня нет желания продолжать отношения с господином Абсурдом.

На этих словах он повернулся к пульте и нажал кнопку. Свернутые на потолке павильона жалюзи зашуршили и упали вниз. Павильон погрузился в полную темноту, которую Голавль тотчас оживил зажжённой свечой.

— Вы меня поражаете! — воскликнул огороженный Пётр. — Говорите, что решили порвать отношения с господином Абсурдом и продолжаете устраивать эту нелепую новогоднюю светомаскировку...

— Плачу последние долги.

— Отключать некого, принялись за себя?

— Именно так.

— А что же сэр Дарёное Чучело? Может быть, он сам определится с поездкой? — Пётр повернулся к монументу.

— Зовите его тоже коротко — Guy. Сейчас мы спросим. Что, май френд, поедешь к Жоре в новые Соединённые Штаты?

Чучело печально смотрел на друга, не отвечая.

— Проголодался, бедняга, молчишь. Сейчас я тебя покормлю.

Голавль вынул из ящика письменного стола пачку долларов и ловко бросил её к подножию монумента. Чучело отправил доллары в рот. Его взгляд повеселел.

— Запасы долларов заканчиваются, — пояснил Голавль, — а сроки перехода на молоко еще не наступили. Вот и худеем оба. Так что же, дружище, поедешь в Амазонию?

Чучело отрицательно покачал головой.

— Мы давно обсудили наши дела вместе, — сказал Голавль, — и пришли к выводу, что продолжать старую жизненную линию не имеет смысла.

— Полное покаяние? — спросил Пётр.

— Вы иронизируете, — с глубокой горечью отозвался Голавль, — потому что вам нашу жизнь не понять. В одной старинной пьесе герой говорит профессору: вам дорог свет, потому что вы знаете, что такое свет, а я тянусь к свету, потому что знаю, что такое тьма. Со стороны наша жизнь, конечно, выглядит, как весёлая пьеса. Но попробуйте посидеть всю жизнь за этим проклятым столом, выполняя эти глупейшие манипуляции... Мой друг натёр на голове кровавые рыночные мозоли. Разве можно так жить по своей воле? Мы и рады бы забыть прошлое, да судьба не даёт. Передайте нашему правительству, что мы готовы на любую работу, когда закончится наша карма. Могу командовать любым магазином, работать продавцом в киоске. Но только здесь. Никакой Амазонии, никакого Сатурна. Так, май френд?

Сэр Чучело согласно похлопал влажными глазами.

У Пётра тоже выступили на глазах слёзы. Прощаюсь, он тепло обнял терпеливо отбывающих карму друзей. Голавля этот жест так растрогал, что он пытался вручить Петру пачку долларов, горячо убеждая, что в Амазонии они пригодятся.

— Вы сами на голодном пайке сидите, — запротестовал Пётр. — Доедайте свои доллары и поскорее переходите на молоко. До свидания, джентльмены, увидимся где-нибудь, очень хочется верить, в лучшей обстановке.

Он уже повернулся уйти, когда Голавль остановил его вопросом:

— Вы знаете, где сейчас та женщина, с которой вы когда-то посещали меня?

— ???

— Она здесь в соседнем городке.

— Откуда это вам известно?

— Она несколько раз бывала у нас вольере. Она поддержала нас. Она... — Голос Голавля прервался с трудом сдерживаемыми рыданиями. — Она — ангел, богиня...

Таня

Когда любовь и женщину Создатель
Задумал из Адамова ребра,
В них образ свой вложила
Божья Матерь,
Но от соблазна не уберегла.

Лукавый Змий присутствовал при этом,
И Божий план переиграл хитро —
Он раскидал нас всех по белу свету
Искать недостающее ребро.

О, сказка-быль любви и искушений!
Подвластны все закону твоему:
Чем счастье наше с женщиной блаженней,
Тем окаянней подступы к нему.

Во многих искушениях калечась,
Мы ищем дорогие нам глаза.
А с ними — ускользающую вечность,
Обещанные Богом небеса.

Те небеса и далеко, и близко,
В сплетенье рук и в недоступной мгле.
Сливаются две маленькие искры
В костёр неугасимый на земле.

И кто её придумал, Бог ли, змий ли,
Или в страданьях родилась сама,
Любовь — одна отрада в этом мире,
Мы без неё давно б сошли с ума.

* * *

— Я когда-то называл тебя Фея.

— Меня зовут Таня.

Тишина, возникшая за этими словами, наполнилась звоном цикад и запахом резеды.

— А меня — Пётр. В прежней жизни я носил другое имя. Но тебя сразу узнал.

— Узнал?

— Скорее, почувствовал.

Так начался разговор Петра с молодой женщиной, дом которой он отыскал по адресу, который сообщил ему Голавль.

Пётр вглядывался в лицо собеседницы, в её большие синие глаза, смотревшие на него очень тепло, но с некоторым недоумением. Они стояли у калитки сада, который окружал дом.

— Ты тоже припоминаешь меня?

— Нет, — растерянно улыбнулась женщина.

— Я напомню тебе кое-что. Например, квартиру на последнем этаже большого дома, детский приют, лечебные касания одной медсестры, полёты... Ты учила любви и состраданию.

— Это была, наверно, не я, это была моя мама.

— Мама... — задумчиво повторил Пётр. — Я помню маленькую девочку, которую она называла своим цветком. Ты?..

— Может быть.

— Так вот ты кто. А где же теперь твоя мама?

— Она в горах.

— В Гималаях?

— Да, в Гималаях. Входи.

Пётр шёл по дорожке сада в дом, куда его пригласила пройти его новая знакомая. Душу Петра охватило чувство полной отрешенности от всего на свете, кроме той, что шагала впереди. Они вошли в дом, поднялись на третий этаж, где горела лампада перед большой цветной фотографией Феи. Да, дочь очень походила на мать — те же русые волосы, внимательный взгляд синих глаз, в глубинах которого фосфоресцировали знакомые разноцветные искры. Но цвет кожи был чуть смуглее, и что-то азиатское проступало в чертах лица Тани. Легкий холодок насторожённости так и не уходил из её глаз.

— Что делает твоя мама в Гималаях?

— Она в пещере.

— Твоя мама встала на дежурство?

— Да.

Звон цикад складывался в музыкальные фразы. Были явственно слышны звуки музыки, которая часто приходила к Петру в минуты большой радости.

Порыв ветра распахнул окно. Вместе с запахом цветов в комнату вплыл голубоватый светящийся шар. Он облетел замерших неподвижно Пётра и Таню, раздался лёгкий треск — и перед молодыми людьми стояла улыбающаяся Фея с букетом тюльпанов в руках. Не говоря ни слова, она поставила цветы в вазу, возложила тёплые ладони на головы молодых людей и, вновь превратившись в шар, исчезла за окном.

— Какое чудо! — зачарованно произнес Пётр.

— Мамино чудо, — эхом прозвучал голос Тани. — Мама иногда вот так неожиданно появляется в моем доме.

— Разве она может покинуть пещеру?

— Она не покидает пещеру, она умеет отделить от себя часть и послать её мне. Это называется делимость духа.

— Я чувствую себя, словно в детстве, — взволнованно произнёс Пётр.
— Словно мне рассказали сказку. Красивую волшебную сказку. А что чувствуешь ты?

— Что полюбила тебя так же, как там, в Тонком мире, ты любил мою маму. Мама передала мне свою любовь.

— Это только любовь мамы?

— И моя.

— Ты полюбила меня любовью сестры?

— И сестры, и друга, и просто... люблю.

— Посмотри в окно, — сказал Пётр.

Между Солнцем и звездой Тишия в небе висела большая радуга. Она переливалась красными, синими, жёлтыми, фиолетовыми красками. Иполнозвучно, хотя и тихо в пространстве вновь зазвенела музыка.

— Это для нас, — прошептала Таня. — Боже, как хорошо!

Пётр обнял и поцеловал её. Она не отстранилась, но заметила:

— Ты спешишь. Мы еще мало знаем друг друга.

— Зато они давно знакомы, — возразил Пётр. — Смотри.

Оба наклонили головы, наблюдая, как разноцветные искры рождались между их телами, соединялись, вспыхивали, исчезали в одежде.

В наступившей тишине перед глазами Петра поплыли смутные картины и воспоминания.

Средневековый замок. Большая площадь под чуть моросящим дождём. Рыцари в латах, собравшиеся на турнир. Он, Пётр, тоже в тяжелых доспехах, ждёт своей очереди, чтобы сразиться с соперником. Наконец, его черёд наступает, он мчится навстречу всаднику и падает, сбитый на землю копьём. Потом комната с высоким потолком, мокрые от дождя волосы, осткая боль в ноге и склонённые над ним синие глаза прекрасной молодой женщины.

Новое видение: узенькая городская уличка с повисшей над ней в тёмном ночном небе луной. Он стоит под балконом дома, играя на скрипке. Дверь балкона открывается, к его ногам падает букет роз. Еще он успевает заметить белое платье и руку в длинной белой перчатке.

Последняя картина. Он в форме казачьего офицера верхом на коне куда-то едет. Она, держась за стремя, провожает его, глядя снизу вверх заплаканными глазами.

— Я это тоже видела, — прошептала Таня, когда Петр стал рассказывать ей о своих воспоминаниях.

Они еще долго сидели молча. Закатное солнце скользило по большой китайской вазе с цветами, по бронзовой скульптуре Будды, по окладу православной иконы. Последний оранжевый луч солнца упал к сияющим позолотой ступням Майтрейи.

— Тебе пора, — сказала Таня.

— Да, мне пора.

Пётр поднялся с дивана.

— В этой жизни я уже никуда тебя не отпущу. Полетишь со мной в Амазонию?

— Полечу.

Молитва и научный эксперимент

Через полусгнившую солому
Прорастает новая трава.
Время помогать всему живому,
Жизнь в любых ростках своих права.

Расправляет плечи озимь в поле.
Лезут вверх пырей и лебеда.
Не суди, кому какая доля,
Всё рассудит солнце и вода.

Лишь бы в куче прошлогодней гнили
Пряталось весёлое зерно.
Мы забыли, мы совсем забыли
Радоваться с Богом заодно.

Так вникай в Его порядок мудрый,
Оцени Божественный Покров.
Пусть согреет Новой Эры утро
Даже ледяную рыбью кровь.

Высветляют самый тёмный омут
Сатья-юги жаркие лучи.
Ничего на свете не топчи
Время помогать всему живому.

Накануне отлёта в Соединённые Штаты Амазонии Петру предстоял ещё один визит в местный Институт космических исследований. Нужно было пройти обследование и тесты перед полётом в ракете. Конечно, он мог бы лететь в Амазонию самолётом, но тогда командировка затянулась бы на лишних два дня. Кроме того, Петру очень хотелось встретиться с руководителем Института, учёным, разработавшим новую теорию строения человека, широко распространившуюся не только среди людей науки, но и во всём остальном мире.

Строго говоря, теория эта была не так уж нова, она продолжала, наконец, принятые наукой известные постулаты индуизма и буддизма, а также идеи Циолковского о бесконечном восхождении человека по своей внутренней лестнице к Причине космоса.

Восточные религиозные учения говорили о перевоплощениях Атмана, Циолковский — о мыслящем атоме, как венце человеческого развития, способном летать по всей Вселенной.

Новая научная теория исходила из того, что атом и Атман на заре сотворения языка были одним понятием и словом, что давний спор науки и религии потерял всякий смысл, поскольку главным предметом, как науки, так и религии, стал духовный мир человека. Циолковский в своё время тоже утверждал приоритет духовного мира. Но в ту пору, когда он жил, учёных привлекали в гораздо большей степени громоздкие технические изобретения вроде караванов ракет, запущенных в космос. Они приняли эту часть теории Циолковского, но смеялись, как над вздором, над его замыслами научить людей летать в телах из света. А Циолковский видел в технических приспособлениях лишь промежуточную ступень к овладению человеческим телом, как ракетой, для завоевания космического пространства. Теперь эти его мысли привлекли пристальное внимание научного мира.

Атом света способен многие годы путешествовать в просторах космических пространств. Атом мысли мгновенно достигает любой точки вселенной, куда он послан. Стоп! — сказала новая наука. Не он ли, этот атом мысли, перемещает камни, строя из них дома, нагревает воду в чайнике, превращая её в пар, не он ли зажигает уличные фонари? Значит, он особенный этот атом, отличный от всех остальных? Да, говорил Циолковский, только побывав в мозгу человека, атом обретает способность к безграничным путешествиям в космосе. Нет, сказал другой учёный, атом всюду один и тот же, потому что он единый и неделимый кирпичик Вселенной, вмещающий всю её от пылинки до человека. Выходит, Вселенная думает? Да, утверждала религия, Вселенная — это огромное существо, которое называется Богом. Нет, спорила с ней старая наука, думает только человек. Никто и нигде экспериментально не смог доказать присутствия в природе подобного уникального Существа. Но основоположник нового направления в космической науке принял сторону религии.

Потеряв интерес к технике и к схоластическим спорам, он отважно ринулся в изучение старинных религиозных трактатов. Однако трактаты смогли довести его только до определённого порога. Дальше религиозные источники предлагали эксперимент. Эксперимент с самим собой.

«Войди умом в комнату своего сердца, затвори окна и двери и начинай про себя повторять: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня». Вначале твоему уму будет скучно в комнате сердца. Он захочет выйти из неё. Но ты не давай ему выйти, возвращай в сердце до поры, пока он там не обвыкнет, и ему сделается тепло и покойно.

Постепенно Иисусова молитва начнёт разогревать левую часть твоего сердца, потом правую, отеплится живот и горло. Вся передняя часть тела загорится приятным огнём. Огонь перекинется на спину и в позвоночник. Ты почувствуешь блаженство. Не останавливайся на нём, продолжай повторять молитву. Возможно, в твоём уме могут нарисоваться видения. Сначала устрашающие, но если ты не испугаешься, их сменят картины неземной красоты и даже божественные. На них тоже не остановливайся, потому что это прелести...

Дальше Иисусова молитва должна стать самодействующей и работать в тебе параллельно с любым делом, которым занимаешься ты. Начинается твоё самостоятельное взаимодействие с Богом и предстояние перед Ним».

С таких рекомендаций святых отцов теперь знаменитый учёный начал свой эксперимент. Он прошёл все стадии умной молитвы, научился улавливать мысли Бога.

Однажды, когда он сидел на берегу реки, поток мыслей хлынул ему из Безмолвия. Мыслей было так много, что он не успевал записывать их в блокнот.

«Человек умирает, когда из него уходят мысли и чувства. Атомы физического тела начинают дезинтегрироваться, но связка атомов души покидает разлагающуюся оболочку и улетает в соответствующую по вибрациям страту Тонкого мира.

Комбинация атомов души тоже ограничена временем.

По истечении определённого времени душа заканчивает жизнь в Тонком мире и тоже распадается на атомы. Остаётся единственный атом духа. Он возвращается на Землю и начинает обрасти новой душой и новым физическим телом. Зачем? Конечные цели Бога неведомы никому. Даже богам. Цель человека — полёты, бесконечное расширение сознания вместе с расширяющейся Вселенной. Цель богов — помочь людям в выполнении этой задачи».

На Земле всегда существовали люди, которые умели летать. Но их было очень немного. Кроме того, им приходилось совершать свои полёты в строжайшей тайне, отделять тонкое тело от физического в уединённых горных пещерах и оставлять последнее под охраной надёжных помощников. Теперь, когда надобность в разделении тел отпала, появилась возможность создать новые технологии космических полётов, где все тела человека превращались в одно тело мысли, которое можно было отправить в любую точку Космоса.

В кабинете основоположника этого нового направления в космической науке и появился Пётр на другой день после встречи с Татьяной.

Хозяин кабинета, высокий седой человек с острым взглядом, посмотрел в глаза Петру и безо всяких предисловий сказал:

— Здравствуйте, алхимик. Точнее сказать, алхимик в кавычках.

Память Петра сработала не столь мгновенно, но, пошарив в её закоулках несколько секунд, он заулыбался:

— Да, да, я вас тоже вспомнил — тайна четвёртого неба... В последние дни я только и делаю, что встречаю старых знакомых по прежним небесам и землям.

— Дело привычное. Добрая половина наших встреч приходит из прежних воплощений.

— И что же, вам удалось проникнуть в вашу тайну?

— Теоретически — да.

— А практически? — улыбнулся Пётр. — Я ведь помню, что чуть шишку не набил в той вашей... небесной лаборатории.

Директор института помолчал, внимательно разглядывая Петра. Потом сказал:

— Теперь не набили бы.

— Что так?

— Состав вашего тела стал иным. Вы ведь пережили огненную смерть. Было дело?

— Было.

— И молитва стала постоянным спутником вашей жизни. Так?

— Вы сделались ясновидящим.

— Я не сделался ясновидящим. — Директор института на минуту присел и что-то записал в электронной записной книжке. — Многолетний опыт общения с людьми, подобными вам, научил меня с первого взгляда видеть атомарный состав человека.

— Прекрасно. Надеюсь, в ближайшее время мне не грозит распад моих атомов?

— Вы всё такой же шутник. Распад вам не грозит. А вот сотрудничество со мной после нашей встречи, надеюсь, станет долгим. Я сейчас очень занят идеей полетов в космос в мысленных телах. Понимаете, речь идет не о тех полётах, которые делали йоги, когда они выделяли ментальное тело из других своих тел. У меня есть намерение отправить человека в космос в интегрированном виде, полностью превратив все его тела в мысль. В этом случае при полётах в иные Галактики время не будет играть никакой роли. Представляете, вы захотели побывать на какой-нибудь Альфа-Центавра. Мгновение — и вы там! Световых лет для мысли ведь не существует. Вы меня понимаете?

— Я вас отлично понимаю. Но может быть, это прозвучит как шутка в таком серьёзном разговоре, — я женюсь.

— Великолепно и поздравляю! — горячо воскликнул директор института. — Вы полетите вдвоём с вашей женой.

— Но об этом нужно спросить её. И потому у нас уже запланирована командировка.

— Куда же?

— В Соединённые Штаты Амазонии.

— К этому бравому ковбою Баксу? Ну, что ж, летите. А после я вас попрошу посетить Сатурн. Нужно посмотреть, как там адаптируются к новым условиям жизни наши ушедшие земляне.

Командировка в Амазонию

Мир ни хорош, ни плох, он разный,—
Таким нам явлен Божий Лик.
Не замутить земною грязью
Его таинственный родник.

Не в нём, в любом из нас загвоздка —
Суметь понять Державный Шаг,
Не ошибиться в перекрёстках,
Не заблудиться в камышах.

* * *

Перекрёстки и камыши прежней эпохи завели людей в технократический и рыночный тупики. К концу XX века это понимали большинство людей, но «эволюционная инерция» прогресса толкала на новые технические усовершенствования, а также на изобретение новых потребностей и на удовлетворение их. Такая парадигма развития цивилизации, с одной стороны, всё больше угнетала природу, с другой — деформировала самого человека. Было очевидно, что сами люди не обуздают рыночно-технократического монстра, и серия катастроф, как это ни странно, оказалась кстати. Катастрофы вынудили людей искать выход из тупика, переориентировать внимание учёных с техники на человека. Даже лидеры технократической гонки — японцы смирились с катастрофами, в результате которых они лишились большей части территории своей страны, и всю свою колоссальную целеустремлённость переключили на изучение внутренних возможностей человека, благо они имели солидную традицию синто и дзен-буддизма. Новый виток своей цивилизации жители страны восходящего солнца начали на землях русского Дальнего Востока, куда они, войдя в состав Российского государства в качестве автономной области, переселились после того, как их главные острова ушли под воду.

Россия и другие страны Востока, опираясь на древние национально-религиозные традиции и на новейшие изыскания учёных-космистов, также перестроили свою науку в сторону изучения резервных возможностей человека и Земли. На Восток и Россию стали в большей мере ориентироваться уцелевшие страны Европы, Африки и Южной Америки. И только переселившиеся в Южную Америку северные американцы упорствовали. Конечно, и они вынуждены были принять некоторые реалии посткатастрофной эпохи, например, постепенную замену нефти и газа на вакуумные источники энергии, но амбициозное стремление быть богаче и сильнее всех толкнуло значительную часть североамериканцев противопоставить себя остальной планете.

К концу XX и началу XXI века американцы вышли на первое место не только по большинству технических параметров и потреблению энергетических ресурсов, но также по числу больных и ожиревших людей. Кроме того, психика многих жителей США была безнадёжно повреждена массовой культурой. Продолжая оставаться самой богатой страной мира, Америка перестала быть магнитом для интеллектуальной элиты мира, наиболее дальновидные американцы стали потихоньку уезжать из страны. Это породило комплекс неполноценности у остальной Америки и страстное желание её руководителей сохранить господствующее положение в мире. Пропаганда вспомнила времена освоения дикого Запада, в ход пошла та сила,

на которой всегда держалась эта страна, — доллары, и было затяжно великое переселение американцев в джунгли Амазонии.

Полёт на ракете в Новые США занял в общей сложности не больше получаса. Новые поколения ракет были значительно усовершенствованы. При отрыве в околоземное космическое пространство не нужно было испытывать многократные перегрузки, в салоне была создана искусственная гравитация, и поэтому пассажиры ракет не нуждались в предварительных тренировках для привыкания к невесомости. Этого состояния в ракетах нового поколения просто не было. Кроме того, столы, кресла, некоторые вспомогательные помещения закреплялись на специальных подвесках таким образом, что при любых манёврах ракеты пассажиры сохраняли вертикальное положение. Также и процесс приземления ракет учёные отрегулировали с ювелирной точностью. Взлетев с космодрома, ракета приземлялась и входила в приёмное устройство, словно шариковая ручка в наконечник.

Они приземлились на космодроме Амазонии в шестером — Филумена с Филимоном, Боб с Майклом и Пётр с Татьяной. Их ждали. Солдаты в камуфляже с нашивками на рукавах US RIVERINES²¹ отвезли гостей на джипах в речной порт, где у причала, на берегу Амазонки сиял рекламными огнями зафрахтованный для русских небольшой теплоход, если так можно было назвать судно, работавшее на вакуумной энергии. Слоган у входа в ресторан на русском языке приглашал гостей из России пользоваться всем гостеприимством новой американской кухни. В меню ресторана значились самые экзотические блюда: шашлыки из крокодильей вырезки, копчёные пираньи, паштет из попугаев, кофе с сушёными термитами и т. д. Винная часть меню была представлена главным образом разнообразными сортами водки от кактусовой и пальмовой до араукариевой и банановой.

Намёты глазом оглядев гостей, официант обратился к седовласому Бобу, по-видимому решив, что он здесь главный:

- Что хотели бы заказать сэр?
- Жареных долларов.
- Что?!
- Долларс фрайд.
- Не понял, — по-русски переспросил ошеломлённый официант.
- Я вам сказал по-русски и по-английски. Поджарьте доллары на манер тостов.
- О-кей, сэр, будет сделано. Что будем пить?
- Я не пью. Вшился.
- Прошу прощения, я снова не понял, сэр.
- Мне вшили антиалкогольные шунты.
- Теперь понял, сэр. А вы что закажете? — обратился официант к Майклу.
- Стакан кефира. И поджаренных евро.

²¹ US RIVERINES — речная пехота.

Официант уже не делая круглых глаз, деловито осведомился:

— Жарить как доллары?

— Жарить, как оладьи — в сливочном масле.

Филумена и Татьяна с Петром ограничили свои аппетиты банановым соком и легкой закуской, зато Филимон заказал себе почти весь ассортимент спиртных напитков и множество блюд.

Напрасно Филумена грозно глядела на супруга и что-то шипела ему на ухо, Филимон только лихо похояхтывал, сверкая своими большими чёрными глазами.

— Ты думала, что я твой вечный подкаблучник? Вот хочу и надерусь! Как в добрые дохолдинговые времена.

Он действительно напился, потребовал банджо и до конца пути всё затягивал одну и ту же печальную песню в стиле «кантри».

Ехал я на ранчо,
Завернувшись в пончо,
Вижу — под секвойей
Девушка сидит.

Посадил креолку
Лошади на холку
И привёз на ранчо
Этот динамит.

Плюнув на здоровье,
Занялся любовью,
А потом креолка
Прошептала мне:

— Я тебя угроблю,
Будешь кашлять кровью,
Если не прокатишь
Снова на коне...

На этих словах Филимон прерывал пение и стучал кулаком по столу:

— Ненавижу всех баб! Презираю!

Внезапно он побледнел и выскоцил из-за стола.

Филумена презрительно процедила:

— Тоже мне ковбой! Кровью кашлять захотел... Теперь неделю будет маяться с желудком, уж я его знаю!

В гостях у Джорджа Бакса

Катер пристал к берегу. Здесь приезжих поджидали длинные чёрные автомашины, которые отвезли гостей к новому Белому дому новой

американской столицы. Новый Дом по своей архитектуре был точной копией старого. На такой же зеленой лужайке, как возле прежней главной резиденции США, у парадного входа их ожидал Джордж Амадей Бакс Самый Младший, пятьдесят второй президент New USA. Это был высокий худощавый человек средних лет, с седой курчавой шевелюрой и глубоко посаженными маленькими глазами, зорко поглядывавшими из-под крашеных бровей.

Пётр представил главе государства свою команду. Боб и Майлз после рукопожатий, пробовали заключить Джорджа Бакса в объятия, но тот вежливо отстранялся, несмотря на все уверения обоих друзей, что их жест продиктован неподдельной любовью ко всей славной династии Баксов.

Вопрос об эмиграции обитателей вольеров решился здесь же, на лужайке. Джордж Бакс заявил, что Соединённые Штаты Амазонии заинтересованы в дополнительном притоке людей, главным образом для использования на работах по расчистке джунглей.

— Я бы мог почитать гражданам США лекции о перестройке, — робко подал голос Майлз.

— О перестройке чего? — уточнил вопрос американский президент.

— О перестройке всего...

— Но мы вам как раз и предлагаем работу в этом направлении — по преобразованию диких джунглей в цивилизованное городское пространство.

— А шта, — подал голос Боб, — хорошее предложение. Он когда-то работал комбайнером. Пусть теперь поработает за штурвалом грейдера. Вспомнит молодость. У вас, наверно, машины по расчистке джунглей есть?

— У нас всё есть, — сухо ответил американский президент.

— Как в Греции? — пробовал шутить Боб.

Но президент шутки не принял:

— Как в Амазонии.

Зато поддержал выпад друга Боба друг Майлз:

— А его назначьте моим помощником — слесарем по ремонту сельскохозяйственной техники. Он, знаете ли, в молодости инженером работал.

— Мне тяжёлый физический труд противопоказан, — сделав кислую мину, возразил Боб. — У меня шунты в мотор вставлены.

— Ничего другого, господа, кроме физического труда, я вам предложить не могу, — прервал пикировку гостей Джордж Бакс.

— Господин президент, мы могли бы поставить у вас грандиозный мюзикл «Чикаго», — осторожно вмешался в разговор Филимон.

— Это сейчас неактуально, — ответил Бакс. — Цыганские романсы петь умеете?

— Умеем, умеем, — поспешила сказать поддержку мужу Филумена. — Мы в широком диапазоне работаем и на всех языках мира.

— Спойте.

— Сейчас, здесь?

— А в чём заминка?

Филимон и Филумена встали в позу.

Ехали на тройке с бубенцами,
Гоу среди джунглей вдоль реки,
Белый Дом на горке увидали,
Заглянули к вам на огоньки.

Дорогой длинною над Амазонкою
Светили старз ин вэй²² со всех сторон.
Виз дрим²³ старинною
да с песней звонкою
К тебе, наш френд, явились на поклон.
Мы приехали, мы приехали,
дядя Жора, дорогой!

Джордж Бакс нахмурился:

- Вы называете свой винегрет цыганским романсом?
- Цыганщина чистой воды, — заверил американского президента Филимон, выкатив до предела чёрные, сияющие неподдельной искренностью глаза.
- А эти английские словечки, это подхалимское обращение «дядя» Жора тоже цыгане придумали?
- Это сочинил наш спичрайтер из цыганского шоу-театра, — честно признался Филимон. — У цыган принято приветствовать дорогого для них человека спонтанно рождёнными словами.
- В каком смысле я для вас «дорогой»?
- Во всех смыслах, — пришла на выручку супругу Филумена.
- Ну, что ж, — американский президент разрядил возникшее напряжение, — ваша цыганская манера не очень оригинальна, да и английское произношение оставляет желать лучшего, но, в общем, сойдёт... Американцы любят электику. Можете считать себя обладателями грин-карт. На первых порах.
- Я хотела бы узнать у вас насчёт страховки? — спросила, затаив дыхание, Филумена.
- Какой страховки? — поднял брови Джордж Бакс.
- У нас ранчо во Флориде ушло на дно, — вкрадчиво пояснил Филимон.
- Всё восточное побережье бывших Штатов ушло на дно, — снова нахмурился президент.
- Но ваша страховка?..
- По поводу наших страховых обязательств обращайтесь к Господу-Богу.

Джордж Бакс перевёл взгляд на Петра.

²² Stars — звёзды, *in way* — в пути.

²³ With dream — с мечтой.

— У вас, я понимаю, есть конфиденциальный разговор ко мне?

— Да такой разговор есть.

— Тогда пройдемте в Овальный кабинет.

— А мы? — в один голос воскликнули Филумена с Филимоном и Майкл с Бобом.

— Поиграйте в гольф или посмотрите телевизор, — распорядился Джордж Бакс.

— Итак, вы хотели со мной поговорить один на один. О чём? — начал американский президент, когда они вместе с Петром вошли в овальный кабинет Белого Дома.

— У меня есть поручение моего правительства побеседовать с вами о будущем Соединённых Штатов Амазонии, ответил Пётр.

— Ваше правительство беспокоит наше будущее? — с некоторой долей иронии произнёс Джордж Бакс.

— Беспокоит.

— Что же именно беспокоит ваше правительство?

— Возможность существования вашей страны в новых энергетических вибрациях Земли. И ещё ваша... непредсказуемость по отношению к... космическим переменам, которые произошли на Земле.

— Говорите определнее — вас беспокоит наше неприятие той агрессии, которую проявил к Соединённым Штатам Америки космос.

— Если вы хотите обозначить ситуацию так, пусть будет по-вашему.

— Но ведь не мы затянули эту историю с погружением Америки на дно. Не по своей воле мы вынуждены были перебраться в эти болота к москитам и крокодилам? Что же нам остаётся — прозябать в этих джунглях?

— Приезжайте в Сибирь, у нас места хватит.

— Чтобы быть людьми второго сорта? Нет уж, осваивайте ваши мерзлоты сами. А мы попытаемся вернуть Земле прежний климат, одно Солнце и наше прежнее место под ним.

Наступила тягостная тишина. Бледное лицо американского президента порозовело, он был явно раздражён началом беседы.

— Господин президент, — попытался успокоить своего собеседника Пётр, — я не являюсь послом внеземных цивилизаций, передо мной не стоит задача улаживания ваших отношений с космосом, моя миссия гораздо скромнее. До сих пор моё правительство находило общий язык с вашим. Надеюсь, и теперь мы повернем отношения на общую пользу.

— Что хочет ваше правительство от нас? — уже спокойно и холодно осведомился Джордж Бакс.

— Один вопрос мы с вами уладили, вы согласились принять у себя двоих наших граждан. Давайте обсудим вторую проблему — вашу подготовку к атомной бомбардировке звезды Тишия.

— Это наши проблемы.

— Они, действительно ваши, и вы рискуете вызвать на свою страну справедливый обратный удар космоса.

— Но это то, чего мы как раз добиваемся.

— Обратного удара?

Джордж Бакс откинулся на спинку кресла:

— Восстановления справедливости.

— Конечно, справедливость в вашем понимании может быть восстановлена и таким путём. Но вы отлично понимаете, чем это грозит — ваша страна может быть полностью уничтожена. Вы христианин и помните слова Спасителя, какой мерой меряете другим, такой и вам отмеряется.

Лицо американского президента снова побагровело, но он сдержался и хладнокровно отпарировал:

— Вы-то о чём хлопочете? Допустим, мы исчезнем с лица Земли, как это у вас в России говорится: красотка с лошади — ковбою легче. Вместе с нашим исчезновением уйдут и поводы для вашего беспокойства. И потом, — Джордж Бакс пристально поглядел на Петра, — вы, вероятно, забыли, что почти целый век ваша страна противостояла Богу. Но всё-таки уцелела и вот теперь даже учит нас христианским ценностям.

— Вы прекрасный полемист, господин президент.

— Я не нуждаюсь в комплиментах.

— Наш разговор принял слишком напряжённый характер.

— Чего же вы ждёте от меня, господин советник?

— Откровенности.

— Хорошо. Вы полагаете, конечно, что имеете дело с руководителем обречённой на вымирание страны, которая продала свою душу доллару, то есть дьяволу. Ведь вы такой представляете нашу страну. Ну и что же мы должны делать по-вашему — смиленно ждать, пока все перемрём?

— Хотите напоследок хлопнуть дверью?

— Я не ребёнок, чтобы закончить свою карьеру подобным образом. Я должен дать своей стране шанс выбраться из тупика. Да, мы зажирили, да, мы загордились. Да, мы закоснели в национальном эгоизме, да, мы пытались решить свои энергетические проблемы за счёт остального мира. Но мы же не виноваты, что Бог приготовил нам такую судьбу. Теперь настало наше время самим распорядиться собственной судьбой. Американцы нуждаются в хорошей встряске, не правда ли? Россия свои встряски прошла, настала наша очередь.

— И для этого вы решили устроить атомную бомбардировку космических объектов?

— Да, мы хорошо понимаем, что получим обратный удар. Он должен образумить нас.

— Господин президент, если я скажу вам, что ваши проблемы — это также и наши проблемы, вы мне, вероятно, не поверите. Так?

— Так.

— В прошлом веке в Соединённых Штатах, жили и оставили свои записи два выдающихся человека — Эдгар Кейси и Нил Уолш. События, которые произошли с миром и с вашей страной в общем подтвердили их предвидения. Вы согласны со мной?

— Допустим. К чему вы клоните?

— Нил Уолш в одной из своих «Бесед с Богом» записал, что будущее устройство нашей планеты, если она хочет выжить и благополучно вписаться в космическую семью, будет основано на главном принципе — нет «чужих» проблем на Земле, все проблемы — твои. Любая самоизоляция в собственные проблемы равносильна самоуничтожению.

— Господин советник, я знаком и с трудами господина Уолша и господина Кейси, с книгами госпожи Блаватской и с многими другими пророчествами относительно судеб мира и моей страны. Так что вы зря тратите время, если хотите прочесть мне краткий курс по новейшей теософии. Вы ведь посланы не за этим, как я понимаю, но чтобы подготовить визит руководителя вашей страны в Соединённые Штаты Америки?

— Именно так, господин президент.

— Я хочу, чтобы у вашего президента была ясность относительно наших намерений. Они неизменны, но вовсе не потому, что я такой упрямец. Есть настроения американцев, есть застарелый менталитет моего народа, есть, наконец, национальная традиция, которые вынуждают меня, как президента страны, встать в оппозицию к любой угрозе по отношению к нашей свободе, даже если эта угроза исходит из космоса и если оппозиция закончится не в нашу пользу. Вы ведь прекрасно понимаете, что реально народами руководят не президенты, не парламенты, не благие проповеди, но какие-то нам до сих пор непонятные причины. Их называют Божьим промыслом.

— Неужели Божий промысел в том, чтобы ваша страна устроила ядерную бомбардировку неба?

— Я вынужден повторить вам — не мы первыми проявили агрессию.

— И вы полагаете, что Бог враждебно настроен к Америке?

— Я этого не сказал.

— Вы же действуете против Бога.

— Господин советник, не пытайтесь ловить меня на схоластических противоречиях. Мы с вами не дети, живём не в эпоху чёрно-белого кино. Вы не хуже меня понимаете, что Бог един, но проявлен в аспектах добра и зла, а также в борьбе между ними.

— Значит, своё намерение атаковать звезду Тишия ракетой с атомными боеголовками вы рассматриваете как акцию добра против сил зла?

— Как бы лично я не смотрел на эту проблему, большинство в моём правительстве и в Сенате оценивает дело так.

— Вы когда-то называли Россию империей зла,— начал Пётр.

Джордж Бакс не дал ему закончить:

— Вы хотите сказать, что роли поменялись. Я не намерен продолжать нашу философскую дискуссию. У меня нет для этого времени. Даже если вы правы, вспомните слова апостола: Богу нужны горячие и холодные. Он отвергает тёплых, то есть тех, кто не делает выбор. Кроме того,... — прищурился президент, — раз уж мы с вами все время кружимся вокруг метафизических проблем, существование оппозиции, как я понимаю, нужно

не только человеческому сообществу, оно — основа поддержания космического равновесия. Не так ли?

— Вы совершенно правы, господин президент, согласился Пётр.

— Ну, вот видите, у нас с вами появилась общая теософская платформа.

— Значит, вы твёрдо намереваетесь атаковать космос?

— Да, вы можете уведомить об этом вашего президента и ваше правительство. Если ваши руководители намерены приехать в США и вести какие-то переговоры, то только на этой платформе.

Джордж Бакс протянул руку Петру. Пётр задержал её в своей:

— Господин президент, можно последний вопрос. Как говорят у нас в России — на засыпку?

— Валяйте.

— Это даже не вопрос, скорее, комментарий к нашей беседе. Когда я прочёл в газетах вашу иногурационную речь, я представил себе одного человека, теперь вижу другого...

— И это сравнение не в мою пользу?

— Наоборот.

— Что делать, друг мой, долларовый менталитет моего народа, обязывает президента публично произносить речи, которые вызывают улыбку интеллектуалов. Но кто знает, обстоятельства могут сложиться так, что завтра вы увидите третьего Джорджа Бакса. Лучше он будет или хуже — не мне судить.

Еще одно обновление

Неслышные шаги, незримые касанья,
Невидимый огонь
Горит в твоей груди.
Не суждено узреть невечными глазами
Зовущего тебя во все века:
— Иди!

Куда? Не говорит.
Зачем? Ответ — дорога.
И ноги стёрты в кровь,
И бесконечен путь.
Ты ропщешь человек,
Бунтуешь против Бога.
Но кто же без Него
Тебе согреет грудь?

* * *

Американский президент оказался прав. Вскоре после возвращения делегации Петра на родину Джордж Бакс позвонил сибирскому президенту и уведомил, что его страна отказывается от планов ядерной бомбардировки звезды Тишия. За короткое время произошли события, которые резко повернули ход мировой истории. Новая волна космической энергии хлынула на Землю. Она, эта волна, не произвела заметных перемен ни в природе, ни в делах рук человеческих, но в умонастроениях людей что-то резко и определённо поменялось. Люди сделались другими. Всю прошлую историю старики ворчали на молодых, что они безнадёжно испорчены. Теперь старшее поколение вынуждено было признать полное превосходство новой человеческой генерации над людьми старого закала. И сами старики тоже переменились. Исчезла агрессивность, ревность, зависть, стремление верховодить, словом те качества, которые порождали бесконечные войны в прошлом. Это было подобно катарсису древнегреческих трагедий, когда появляющийся из облаков бог снимает одним взмахом своих крыльев все накопившиеся неразрешимые противоречия.

Философы спорили: что произошло — временный отлив зла перед его новым, может быть, ещё большим приливом или наступление золотого века? Споры и разговоры на эту тему постепенно утихали, люди начинали принимать новую действительность, как нечто естественное, законное и даже в некотором смысле... скучноватое.

Новая энергетическая волна также смыла с лица Земли ещё очень многих людей. И сделала это как-то незаметно. Часть ушла на Сатурн, часть на Марс, часть на крупные астероиды. А воплотившиеся на Земле боги объяснили людям, что эпоха активного зла на Земле закончилась и никогда больше не вернётся. Отныне борьба, которая является непременным спутником всякого движения вперёд, будет вестись человеком только против сил хаоса в самом себе.

* * *

Как много их в мешке твоём заплечном
Булыжников, что больно спину трут
И крылья неокрепшие калечат —
Тоска и гнев, заносчивость и блуд!..

Ты век за веком обретаешь крылья
И день за днём не обретёшь покой,
Пока твои крылатые усилия
Не встретятся с Божественной рукой.

Интервью с «Богом»

В новую эпоху большая часть человечества, наконец, получила представление о том, что следует понимать под словом «Бог». Попытки

разъяснения делались и раньше, но Кали-юга с её извращениями, с господством в сознании людей чувства разделения и присвоения, распространяла эти чувства и на Тонкий мир. Любая свежая идея подвергалась почти мгновенной *корыстной деформации*, любая благая весть использовалась в злобных целях.

Одиночные голоса просветлённых людей либо не принимались во внимание, либо подвергались насмешкам, как старомодные и никому не нужные. В этой всеобщей войне всех против всех страдали и тёмные, и светлые. Владыкам планеты не оставалось ничего иного, как до поры до времени удерживать мир, наполненный враждой, от взрыва.

Но страшная эпоха тьмы и страданий одновременно несла зёरна исцеления. Измученное человечество жаждало истины и покоя.

И гром грянул. Очистительная гроза, которая пронеслась по Земле, подвергла ревизии все понятия, все догмы. Церковь, претендовавшая на посредничество между человеком и Богом, практически полностью утеряла статус главного духовного института планеты. Сбылось евангельское пророчество о новой земле и новом небе: «Храма же там я не видел». Отношения человека и Бога стали непосредственными. Этому способствовал еще и тот факт, что лучшие представители церкви отказались от своих санов и освоили профессии психологов, врачей, философов. Знаменитые пророки прошлого воплотились в новых тела, научно разработали для людей законы жизни в Сатья-юге. В средствах массовой информации появилось множество публикаций, трактовавших проблемы взаимодействия человека и Бога. Одна из них так и называлась «Интервью с Богом», при этом слово «Бог» было заключено в кавычки.

— Что вы скажете, если мы представим вас нашим читателям, как, «Бога»?

— Улыбнусь.

— Почему?

— Потому что я не Бог. Я — человек. Бога никто никогда не видел. Об этом вам говорил ещё апостол Иоанн.

— А Иисус Христос.

— Он тоже не был Богом.

— Но христианская церковь называет его именно так.

— Церковь — да, но апостолы называли его равви (учитель) или сын Божий. Он отвечал им: вы — также сыны Божьи.

— Апостолы видели в Иисусе Христе своего Господа.

— Правильно видели, потому что в ту пору из всех живущих на Земле людей он с наибольшей полнотой воплощал силу Бога. Эта сила присутствует в камнях, в воде, в растениях и животных, в каждой мельчайшей частице материи. Она связывает всё со Всем. Больше всего этой силы в Солнце и в человеке, особенно в таком, кто в полной мере имеет право называться данным именем. В человеке, похожем на Солнце.

— Вы один из них?

— Надеюсь стать одним из них.

— Наши читатели привыкли называть высоких сущностей богами. Позвольте мне назвать вас так?

— Вы вынуждаете меня только пожать плечами.

— Тогда как вы сами можете охарактеризовать Бога?

— Никак.

— Почему?

— Я уже ответил вам, что нельзя определить Неопределенное. Если уж вы так добиваетесь от меня объяснения сущности Бога, то я мог бы сказать о вечном стремлении мира к совершенству, к всеобщей любви, красоте, доброму. Но даже такое определение не может раскрыть всей полноты Безграничного.

— Понятно. Нельзя обять необъятного. С вами согласился бы известный в прошлом юмористический философ.

— Беда людей и одновременно их спасение в том, что они слишком часто превращают многие важные проблемы и обстоятельства в шутку.

Надеюсь, вы не сочтёте меня шутником, если я попрошу вас дать характеристику оппозиционеру Бога — сатане?

— Он лишь ваш и наш противник, но не Бога. У Бога нет оппозиции. Что вас интересует в связи с сатаной?

— Где он, чем занимается?

— На планете Сатурн. А занимается тем, чем занимался до последнего часа своего пребывания на Земле — донимает сатурнян разными злокозненными проделками.

— Вы называете зло, которое сатана принёс людям, проделками?

— Один ваш хороший писатель произнес такую фразу: зло в человеческой природе находится гораздо глубже, чем думают господа социалисты. Я бы добавил: и христианские богословы. Тот, кого вы называете сатаной, только играл и продолжает играть на второй, темной половине человеческой природы.

— Но даже такая игра принесла много горя людям. Почему Бог разрешил сатане удалиться на Сатурн, а не уничтожил его?

— Я вам уже ответил: в хозяйстве Бога все пригодится. На Сатурне сатана играет по совместительству роль щуки для карася, чтобы жители этой огромной планеты не дремали.

— Вот как. Вы считаете, что люди не могут обойтись без раздражителя?

— До сих пор не могли.

— Читателей нашей газеты интересует еще такой вопрос — долго ли будет продолжаться мирная эпоха на Земле?

— Соскучились по войнам?

— Точнее сказать, страшимся их возвращения.

— Прежних войн уже никогда не будет на Земле. Человеку придётся осваивать новый вид войны. До сих пор он всю жизнь боролся с себе подобными, теперь предстоит научиться воевать в самом себе против всего того, что разъединяет людей.

— Вы называете это войною?

— Это самый трудный вид войны.

— Почему, самый трудный?

— Потому что воевать, в сущности, ни с кем и ни с чем не нужно.

— Вас, действительно, трудно понять.

— Это потому, что люди слишком привыкли к враждебности, считают её естественным состоянием человечества. По-настоящему естественное состояние людей — Это состояние открытости, внимательности, сосредоточенности, это состояние непрерывного труда по преобразованию материи в дух, хаоса — в гармонию. Хаос стремится к разрушению, дух к созиданию. Хаосу требуется не враждебность, но узда. Поэтому человек должен держать себя в постоянном напряжении, или, как вы привыкли говорить, в постоянной боевой готовности, чтобы не позволить развязать в себе энергии хаоса. Именно это я называю новым видом войны.

— Зачем она?

— Чтобы быть постоянно здоровым и радостным.

— Но если человек не хочет?

— Чего не хочет? Жить в радости? Какова же в таком случае его цель?

Быть постоянно больным? Или дремать в ожидании возвращения сатаны?

— По Земле прошли миллиарды людей, но только единицы из них, чаще всего монахи, занимались тем, о чём вы говорите. Теперь произошли катаклизмы и выжили не только монахи, не только ищащие духовных достижений. Среди уцелевших немало таких, кто и не помышлял совершенствоваться.

— Вы хотите сказать, что усилия людей сами по себе не имеют значения, что всё зависит от воли Бога?

— Вы правильно формулируете мои мысли.

— Тогда я с вами согласен. В прошлую эпоху лишь пять процентов стараний людей выжить и обеспечить себе счастье увенчались успехом, остальные девяносто пять процентов — результат усилий Бога и Нас.

— Арифметика неутешительная для людей, но для вас — тоже. Если вы миллионы лет так руководите нами...

— Пожалуйста, не уходите от темы разговора. Мы говорим о здоровом устремлении к счастью, а не о том, что получается из человеческих извращений.

— Значит, девяносто пять процентов несчастий — по вине людей.

— Сто процентов. Мы никогда не приносим людям несчастья.

— Так в чём же тогда смысл свободной воли отдельного человека и совершенствования всего общества?

— В умении согласовать свою волю с Нашей волей и с волей Творца. Растение делает это бессознательно, человек должен научиться выполнять волю Творца сознательно.

— Значит смысл всех усилий человека в подчинении воле Творца?

— В сознательном подчинении.

— А иначе страдание?

— Да, иначе в силу вступают законы Творца.

— Всё это трудно понять.

— Конечно! Путь к счастью пролегает через поле труда.

— Но большинство даже самых выдающихся тружеников не могли назвать себя счастливыми.

— Почему вы так полагаете?

— Им приходилось много страдать.

— Вы думаете, что счастье — это отсутствие страданий? Счастье — это умение переплавить страдание в радость. Люди либо убегают от страданий, либо рассматривают его как свою скорбную обязанность. Мы веками бьёмся над тем, чтобы научить людей через осознание страдания прийти к радости.

— Но страдают и те, кто сознательно подчиняется воле Творца.

— Страдает и сам Творец, когда его клетки впадают в своеvolие. Вдумайтесь в слово клетка. Это не только частица, но и темница, если она замкнулась сама в себе. Ни одна клетка не в состоянии выздороветь, если ей не помогает весь организм.

— Вы хотите сказать, что клетка обречена вечно болеть и вечно выздоравливать?

— Я хочу сказать, что клетка объединяется с другими клетками, становится тканью, ткань превращается в орган, орган вырастает в целый организм.

— А дальше?

— Каждый орган, а тем более организм, тесно и сознательно связан с Богом.

— Разве органы и организмы не болеют?

— Для нас праздник — вылечить больную, оторвавшуюся от организма клетку. Дать ей радость победы над разъединением.

— Эта философия рассчитана на выдающихся людей. Нам, обычным людям, никогда её не понять.

— Вы глубоко заблуждаетесь. Наша философия предназначена как раз для людей, занятых семьёй, работой, взаимодействием с землёй родины и с себе подобными. Кстати, вне обычных человеческих путей нет и счастья. Главная трудность не в том, чтобы найти эти пути, но в том, чтобы суметь их пройти.

* * *

Посмотри мне в глаза

Посмотри мне в глаза,
Вот мы сетуем на безобразие,
На неправедность жизни,
За горло берущую нас.

Посмотри мне в глаза,
Мы с тобою в делах наших разве

Зло и боль не рождали,
Не множили хаос подчас?

Если в сердце любовь,
Не упрятать её и не выкрасить,
Если доброе семя —
Появятся и колоски.

Нам душа вручена,
Словно платье ребенку — на вырост,
Весь вопрос только в том,
Как до мерки своей дорасты.

Мы казним себя сами,
Настойчиво, тупо, жестоко.
Каждый носит в себе
И начало всего, и конец.

Все великие реки
Выходят из малых истоков,
Все на свете дела
Начинаются с наших сердец.

Посмотри мне в глаза...

И возвращается ветер на круги своя

Нам пора расстаться с тобой, читатель, и с вами, мои фантазии. Первое сделать нетрудно, потому что пока эти выдумки не отправились в тираж, те, кто станет читать их, лишь смутно сквозят в моём воображении.

Расставание же с фантазиями почти невозможно. Я дал жизнь поэту, Фее, всем остальным своим героям, и они живут во мне и вне меня вполне независимо, как любой плод человеческой мысли. Рассказывают, что в Тибете претендентам на звание высокого ламы в своё время давали задание сотворить мысленный образ человека, затем уничтожить его. Не все мастера «умного деланья» справлялись со второй частью задачи. Потому что из различных форм материи мысль самая стойкая. Особенно, если её вынашивают долго. Однажды рождённая, она живёт, во всяком случае, гораздо дольше, чем оболочка её создателя. Мастера полётов в Тонком мире свидетельствуют, будто встречали там некоторых литературных героев. Эти порождения творческой мысли им виделись так ярко, что трудно было порой отличить писательскую выдумку человека от разнопланённой души.

Но создавая своих героев, я вовсе не собирался их уничтожить ни в прямом, ни в переносном смысле. Пусть живут, пусть обрастают улыбками и

сочувствием, потому что все сущее на свете и с искрой Божией, и без неё больше всего нуждается сегодня в милосердии.

* * *

Много встретил на этом свете я
И людей, и идей, и затей.
Милосердия! Милосердия!
Ничего нет сегодня святей.

До печёнок земля изранена.
Обвиним ли опять кого?!

Сострадания! Сострадания!
Это нынче превыше всего.

* * *

Не ищи также в этой книге, читатель, схожести со знакомыми тебе людьми — если она и есть, то лишь условная. Глаз и чувства улавливают лишь видимое, главное же естество человека — за семью печатями. Да и наша видимость каждую минуту становится иной, что уж говорить о человеческой сути, когда она прошла через страдание, смерть и новое рождение.

Петра направили в новую командировку, посмотреть, как адаптируются к обычной жизни бывшие обитатели Авики и вольеров. Вольеров на их прежнем месте он не застал, все они за ненадобностью были ликвидированы, хотя напоминание о них в виде мемориальной доски сохранили на воротах местного поселкового рынка. Что касается их обитателей, то никто, кроме Филумены и Филимона, не отправился в Амазонию. Оставшиеся в России бывшие функционеры рыночных партий, сами своими руками построили себе добротные дома в посёлке городского типа и доказали, таким образом, право на регистрацию некоего подобия советского колхоза или израильского кибуца, где члены данного трудового коллектива занялись выращиванием папайи и плодов киви. Назвали прежние обитатели вольеров своё объединение «КОЛПОНОС» — «Коллективное поселковое объединение «Ностальгия». Ностальгия о чём? Как объяснили Петру, для большинства — об утраченной кратковременной эпохе рыночной демократии, для немногих — об эпохе шестидесятых, для единиц — обо всём. Генеральным президентом выбрали седовласого Боба, вице-президентом — лысого Майкла, остальные обитатели вольеров превратились в президентов подразделений колхоза, например, животноводческой фермы, или автозаправочной станции. Человеческое сообщество не сочло нужным каким-то образом ограничивать право своих бывших столпов на страсть непременно занять какие-нибудь высшие должности.

Побравшийся Вольдемар Жураковский вернул себе бравый имидж прежнего либерал-демократа. Несмотря на предубеждения, он женился на Калерии Новоборской, правда, после дуэли с бывшим депутатом Думы по

фамилии Буровой, тоже имевшем на неё виды. Дуэль была разыграна ещё в вольере на ток-шоу «Окно в спальню» и заключалась в перестрелке, или точнее сказать переплётке содержимого наполненных стаканов. При этом Буровой выплескивал в лицо Жураковскому американскую пепси-колу, а либерал-демократ посыпал в обратном направлении русский квас.

Квас победил. Буровой позорно бежал со своего стула, но потребовал переигровки, заявив, что Жураковский добавлял в квас сельскохозяйственные ядохимикаты. Однако секундант — членообразный ведущий «Окна» протест Бурового не принял, сославшись на то, что в их кооперативе гербициды не запрещены.

Сразу с ток-шоу новобрачные отправились в свадебное путешествие по вольерам, а после их ликвидации поселились сначала в шалаше, затем в выстроенном собственными руками доме. Свои политические увлечения молодожёны сохранили в виде хобби. Они избрали семейную Думу, где спикером стала супруга, а вице-спикером супруг. Жураковский получил также официальную должность главного редактора местной поселковой стенгазеты, которая имела хорошие шансы перерасти в многотиражку. Ему также поручили вести на поселковом телевидении авторское ток-шоу «Если б я был султан». Телепрограмма, вопреки прогнозам экспертов, не получила особого рейтинга, может быть, потому, что никогда не содержала никаких намёков на положенный султану гарем, наоборот, ток-шоу проповедовало строгую моногамию. Супруга бывшего главного либерал-демократа похудела, похорошела и даже освободилась от навязчивой потребности ради торжества демократии отправиться на нары.

Изредка в посёлке «Колпонос» появляется Диктатор в своём белоснежном мундире с золотыми звёздами на погонах и на груди. Тогда жизнь в посёлке замирает. Все двери запираются изнутри, шторы на окнах задёргиваются. Но жители в щёлочку потихоньку всё же наблюдают за поведением грозного некогда властителя полумира. Они сохранили жгучий интерес к нему и в новую эпоху. Когда он останавливается, раскуривая трубку, все сердца в посёлке на некоторое время перебираются в пятки. Неужели Диктатор выбрал «Колпонос» как объект своего внимания всерьёз и надолго? Но остановки бывают краткими. Обведёт Диктатор дома своими тигриными жёлтыми глазами, посмотрит на небо, махнёт рукой и следует дальше. Что означают эти взгляд и взмах? Ждёт ли бывший вождь удобного для себя расположения светил или какого-нибудь другого знака, чтобы вновь вернуться к власти? Или, может быть, кровавый скиталец сам ищет покоя? На его изрытом мелкими оспинками лице по-прежнему ничего невозможного прочесть.

А как чувствует себя Мороженый Голавль? Как сложилась судьба могущественного повелителя земных и подземных энергий?

С ним произошло полное преображение. Во-первых, он стал писать стихи. Издал сборник четверостиший, напоминавших рубайи Омара Хайяма. Одну из стихотворных миниатюр Голавля охотно цитировали литературные критики: «Я поднимаю свой бокал за нашу вечную дорогу. Кто мрак

безбожия познал, тот обречён вернуться к Богу». Во-вторых, бывший президент холдинга напечатал философский трактат, где отрицал всякое право частной собственности на любые виды энергии. Трактат содержал такие покаянные строки: «Хотя я всегда на словах боролся с попытками монопольного владения энергетической системой страны, но в глубине души стремился сам стать подобным монополистом. И, в конце концов, сделался заложником некоего господина с голубыми рожками. Он пытался превратить меня в своё исчадие, но я вовремя одумался. Мое искреннее желание перестать быть исчадием и сделаться чадом Господним». В-третьих, опубликовал открытое письмо бывшему своему Хозяину, которое назвал «*Confession of faith*²⁴». В этом письме Голавль декларировал окончательный разрыв с ним и с планетой Сатурн, куда угодил слишкомластолюбивый хозяин Авики. Письмо перепечатали, озвучили и показали по телевидению все средства информации мирового сообщества, особо выделив слова: «Я так много хитрил, что, в конце концов, перехитрил самого себя».

Бывший президент энергетического холдинга с головой ушёл в проблемы религии и даже стал нештатным пастором лиги адвентистов восьмого дня. Правда, некоторые скептики высказали сомнение в искренности Голавля. Они сделали предположение, что лукавый слуга главного Лукавого, возможно, задумал какую-нибудь новую зловредную афёру. Именно поэтому его лига надеется на восьмой день Пришествия, предполагающий возвращение на землю князя тьмы. Но другие аналитики пришли к выводу, что любая мимикрия для разумного человека в новую эпоху бесплодна, тем более что за неё приходится платить так дорого, что, в конце концов, сам остаётся ни с чем.

Друг Голавля Дарёное Чучело под влиянием ветров нового времени увлёкся вегетарианством и хатха-йогой. Из всех асан он больше всего пропагандирует стойку на голове, настойчиво убеждая общество, что корень большинства прошлых и современных несчастий в оторванности головы от земли. В своем фундаментальном исследовании «Экономика и Платон», анализируя известное изречение греческого мыслителя: «Идеи правят миром», сэр Дарёное Чучело на многих исторических примерах доказал пагубность такого постулата и, наоборот, правильность марксистско-йогического головного почвенничества, которое он уместил в собственный афоризм: «Экономика управляет головой, если голова твёрдо стоит на земле». К сожалению, в новую эпоху зона применения афоризмов сэра Чучело сузилась. Их использовали главным образом в театральных комедийных постановках.

Цветы

Мы начали эту историю с цветов, цветами и закончим. Сколько им лет, на каком витке земной эволюции они появились? Существовали ли цветы в

²⁴ *Confession of faith* — признание веры.

эпоху хвощей и папоротников, динозавров и птеродактилей? Наверное, существовали, если не на земле, то в мировом океане, под толщей воды. Ведь спасение красотой не одноразовый финал, но вечный процесс в бесконечной человеческой драме. Должен же быть какой-то постоянный свидетель присутствия в ней красоты.

В цветах есть что-то таинственное и трогательное. Мы любуемся розами и гладиолусами, которые выращиваем в своих садах, но не замечаем розовых головок клевера, пробившихся через трещины в асфальте. Где-нибудь среди свалки, на отбросах нашей жизнедеятельности вырастают васильки и ромашки, как напоминание, что в хозяйстве Бога нет отбросов, всюду есть место красоте.

Городская жизнь убивает, возвратимся в природу. Эти идеи давно высказывают писатели и философы, да и любой человек воскресные и праздничные дни стремится провести за городом.

Но вот ведь штука, критики городской цивилизации не торопятся поселиться в деревне, а если и совершают такое переселение, то не спешат порвать свои связи с городом. Крестьяне в деревнях почему-то не восторгаются цветами, их больше интересуют автомобили и телевизоры.

Живущие вдали от цивилизации, где-нибудь в захолустных, «экологически чистых» углах планеты, нередко болеют и стареют даже стремительней, чем обитатели городских трущоб. Почему?

Цветок всегда поворачивает свою головку в сторону солнца. Может быть, в этом, разгадка его обаяния. А мы часто ли поднимаем свои глаза к Солнцу? Нам известно, что оно производитель хлорофилла в растениях, источник магнитных бурь, войн, революций, эпидемий, приступов общечеловеческого безумия. А чем еще является для нас Солнце? В древности ему поклонялись, как светлому богу, как источнику земной красоты и творчества. Так ли уж наивны и невежественны были наши предки?

Цветок открыт миру, как ребёнок — доверчиво, широко, безоглядно. Если человек проявляет заботу о цветке, тот тянется к человеку так же, как к солнцу.

Анютины глазки

Мало места на дачном участке.
Посадил я под хмурый навес
У сарая
Анютины глазки,
Два десятка глазастых невест.

Перегноем удобрил их густо,
Поливной обеспечил уют,
И проснулось ответное чувство
На душе у прекрасных анют.

Спозаранок кивали мне радостно,
Посылая с земли аромат.
Продолжался до самого августа
Этот наш коллективный роман.

Но когда замолчали в округе
С первым инеем все соловьи,
И мои дорогие подруги
Уронили головки свои.

Я уж так их и этак выхаживал,
Землю рыхлил, фонариком грел
И ладонями тёплыми даже,
Но, конечно, спасти не сумел

Ни одной из весёлых анюток...
Тем короткая жизнь и мила,
Что до самой последней минуты
Верим в силу любви и тепла.

* * *

Мы любуемся нежной фиалкой,
Что пробилась сквозь аспидный мрак,
И сияет над мусорной свалкой
Наших вечных застолий и драк.

Мы Творцу благодарны за Творчество,
За терпенье века и века...
Но самим почему-то не хочется
Стать смиренным подобьем цветка.

* * *

Бывает, сердце так закрутит смута,
Что ты уже отчаяться готов,
И в эти, всем знакомые минуты
Незаменима музыка цветов.

Поют нам розы и кусты сирени,
Что ночь пройдёт и вновь наступит день.
Божественны цветы в своём смиренье,
В своём желанье поддержать людей.

Но мы с тобой, кого в минуту боли
Утешили, от смуты отвели,

Душа моя?
Господь всегда с тобою
Зерном цветка под толщею земли.

Таня и Пётр, вскоре после возвращения из Амазонии, сыграли свадьбу, весёлую, с великим множеством гостей.

Как празднуют свадьбу в новую эпоху? С венчанием, но без церкви и без священников.

Зато все атрибуты венчания — венцы, обручальные кольца, сваты — сохранились. Популярная же музыка конца Кали-юги на свадьбах не звучит никогда. Она вообще исчезла из обихода, хотя практичные люди новой эпохи используют ее иногда для выведения тараканов, когда не хотят применять химические снадобья. Они включают записи старых популярных шлягеров и уходят из квартир. Тараканы тоже спасаются бегством.

Вино на свадьбах, как и на других праздниках, продолжают пить, но очень понемногу и, по примеру древних греков, разводят водой. Водка из употребления ушла навсегда.

После ухода свадебных гостей Таня и Пётр сидели на диване молча, наслаждаясь наступившей тишиной.

— Пётр, я хочу, чтобы у нас появился цветок, — прервала молчание Таня.

— А ему известно об этом твоём желании? Он хочет появиться у нас?

— Пётр обнял жену и привлёк её к себе.

— Я думаю, миг настал. Каким бы хотел его видеть?

— Разве так важно говорить об этом теперь?

— Теперь это самое главное.

— Мои руки и губы скажут тебе всё.

— Женщина любит ещё и нежность слов.

— Я хотел бы, чтобы он был лучше нас.

— А мне хотелось бы, чтобы наш ребёнок любил людей так же горячо и чисто, как это умеет делать мама. Что ещё ты скажешь?

— Я хотел бы, чтобы он никогда не позволял влетать в свою душу мухам.

— И чтобы он, как мама, помогал людям освободиться от мух.

— Я хотел бы, чтобы он всегда был крылатым. Чтобы он летал по всем мирам, как твоя мама.

— Да, да, да! Иди ко мне, любимый.

Целую ночь вокруг Тани и Петра кружился хоровод разноцветных искр. Под утро из открытого окна появилась ещё одна искра, она скользнула в грудь Петра, превратилась в сияющий шарик, который затем перекочевал в грудь Тани. Эта искра отделилась от сиреневого облака, проплывавшего в утреннем небе.

Облако чем-то напоминало Фею.

* * *

Ставлю точку в этой длинной песне,
Покидаю надоевший миф.
Жизнь и смерть гораздо интересней,
Чем любые выдумки о них.

Говорю Царю обеих: — Боже!
Ты велик, а я... — словесный крот.
Царь в ответ смеётся:
— Я не больше, чем твоя свобода и полёт.

Содержание

<i>С. Ключников. Веселое пророчество. Предисловие</i>	2
Часть первая	10
Тюльпан	10
Тени	12
Мороженый Голавль	14
Провожатый	27
Райские встречи	29
Земные касания	34
Фея	36
Радость креста	39
Благополучие и благоотдача	41
Учитель по имени страдание	45
Диктатор ждет своего часа	50
Безумие и терпение	55
Праздник в холдинге	57
Кое-что о свободе воли	64
Письмо из Гималаев	68
Пещеры Тибета и Индии	77
Разлука	81
Песня Радости	84
Часть вторая	88
После катастрофы	88
Умное деланье	94
Встреча с великим странником	98
Зона вольеров	102
Майкл и Боб	110
Старые знакомые	113
Таня	116
Молитва и научный эксперимент	119
Командировка в Амазонию	122
В гостях у Джорджа Бакса	125
Еще одно обновление	131
Интервью с «Богом»	132
И возвращается ветер на круги своя	137
Цветы	140